Мысли сумасшедшего

Петр Григорьевич Григоренко

SHOUT
SHARE
IT

- Григоренко Петр Григорьевич

Григоренко Петр Григорьевич
Мысли сумасшедшего

Петр Григорьевич Григоренко
(1907-1987)
Мысли сумасшедшего
Председателю Верховного суда, Генеральному Прокурору
Членам и кандидатам в члены Политбюро
Участникам Будапештского совещаний компартий
Письмо Ю. В. Андропову
Запись речи по случаю 72-летия А. Костерина
Памяти соратника и друга
Еще одна издевка над чувствами святыми
Генеральному Прокурору СССР
Комментарий к записи суда над И. Белогородской
В районную участковую избирательную комиссию
Открытое письмо Андропову Ю. В.
Конец иллюзий
Кто же преступник?
О специальных психиатрических больницах ("дурдомах")
Записи, переданные из тюрьмы

(В книгу также входит письмо в редакцию журнала "Вопросы истории КПСС" "Сокрытие исторической правды - преступление перед народом", которое в библиотеке уже есть - прим. OCRщика)

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ТОВ. ГОРКИНУ А. Ф.
ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР
ТОВ. РУДЕНКО Р. А.

Наш народ и прогрессивная мировая общественность только что отметили полустолетний юбилей Великой Октябрьской революции.

Почти вслед за этим отмечалось пятидесятилетие советского суда.

Печать посвятила этой дате ряд хвалебных статей, в которых, в частности, утверждалось, что советский суд - самый справедливый, самый беспристрастный, самый гуманный суд в мире.

Мой опыт буквально вопиет против этих утверждений. И все-таки я решил ориентироваться на них, а не на личный опыт. Поэтому и обращаюсь к Вам с этим письмом.

Недавно мне стало известно, что 16 февраля 1967 года Московский городской суд приговорил столичного пролетария

Виктора Хаустова к трем годам лишения свободы по ст. 1903 УК РСФСР.

Эта статья, как и две другие - 1901 и 1902 - была принята Президиумом Верховного Совета РСФСР, якобы для "борьбы с хулиганством", втайне от широких масс.

Одна из трех названных статей (1902) никаких возражений не встречает. Если в стране действительно получило широкое распространение издевательство над гербом и флагом Советского Союза, то для этого, по-видимому, представляются естественными любые меры, направленные на пресечение этого зла.

Иное дело две другие статьи. Передовые люди нашего общества, когда стало известно о принятии этих статей, сразу же заявили, что они антиконституционны, так как могут быть использованы для подавления свобод, декларированных статьей 125 Конституции СССР - свободы слова, печати, собраний, митингов и демонстраций - а также величайшего из завоеваний рабочего класса - права на забастовку.

Однако компетентные государственные органы отрицали подобную возможность. Было заявлено, что речь идет не о запрещении перечисленных свобод и права рабочего класса на забастовку, а о том, чтобы эти права не использовались для злостной клеветы на советский общественный и государственный строй, для нарушения общественного порядка, дезорганизации работы промышленных предприятий, транспорта, советских учреждений и заведений.

Процесс Хаустова показал несостоятельность этих разъяснений. Даже при весьма необъективном ведении разбирательства было с бесспорной очевидностью установлено, что Хаустов участвовал в весьма немноголюдной мирной демонстрации, во время которой строго соблюдался общественный порядок и которая никому не мешала - ни движению транспорта, ни пешеходам, ни работе предприятий, учреждений и заведений.

Более того, демонстранты, стараясь не допустить никаких эксцессов, не оказали сопротивления даже когда подверглись неспровоцированному хулиганскому нападению. А совершенное на них нападение было несомненно хулиганским. Ибо как иначе можно назвать такое действие: неизвестные лица без всякого предупреждения бросаются на мирных демонстрантов и учиняют над ними насилие. Тот факт, что, как выяснилось на суде, нападавшие являлись членами комсомольского оперативного отряда и работниками КГБ, не только не оправдывает это нападение, но делает его более зловещим. В самом деле, зачем понадобилось работникам КГБ участвовать в разгоне

демонстрации не в своей служебной форме, а оперотрядникам - без нарукавных повязок? Почему надо было нападать и действовать с применением физической силы, вместо того, чтобы спокойно предложить разойтись?

Согласитесь, это больше всего похоже на провокацию. Похоже, что хотели толкнуть демонстрантов на сопротивление, чтобы потом организовать большой процесс над "хулиганами". Тот факт, что милиция, а впоследствии и суд оказались на стороне нападавших, подтверждает это предположение.

Приведенные на суде факты со всей убедительностью подтвердили, что в действиях подсудимого не было состава преступления. Несмотря на это, ему было назначено высшее из предусмотренных этой статьей наказаний. Суд не учел даже того, что Хаустов ранее ни в чем предосудительном замечен не был, что он по окончании средней школы поступил работать на фабрику и десять лет добросовестно трудился там, являясь единственным кормильцем семьи.

На основании всего сказанного можно заключить, что процесс был не уголовный, а политический. Хаустова судили не за нарушение общественного порядка, а за то, что он имеет собственные взгляды на происходящие события и не молчит, когда должностные лица правительственных органов покушаются на законные права советских граждан. Конкретнее, его судили за участие в организации и проведении демонстрации протеста против неоправданных арестов.

Еще с большей силой выявился политический характер этого процесса, когда в сентябре 1967 года были отданы под суд, после семимесячного содержания в следственном изоляторе КГБ участники той же демонстрации - Буковский, Делоне и Кушев. Ни одному из них не смогли предъявить даже такого самого смехотворного обвинения, какое было предъявлено Хаустову, - будто бы он ударил одного из нападавших древком плаката, который пытались у него отнять.

Здесь все было иначе. Делоне и Кушев никакого сопротивления не оказывали и по первому требованию пошли в милицию. Буковский же вел себя как раз так, что нападающие его даже не заметили. Несмотря на то, что ушел он с площади позже всех демонстрантов, его никто и не пытался задерживать. Он был арестован лишь спустя неделю у себя на квартире. Притом не милицией, которой подследственны подобные дела, а органами ГБ. Одновременно с арестом была подвергнута обыску его квартира - с точки зрения статьи 1903 совершенно бессмысленно и даже смехотворно. Ведь нельзя же, в самом деле, спрятать уже совершенное нарушение общественного порядка в ящик

письменного стола или между страницами книг!

Суд над Буковским и над двумя его товарищами велся так же, как и над Хаустовым, фактически при закрытых дверях и с недопустимыми нарушениями прав подсудимых.

Своими бесчисленными репликами и предупреждениями (а также устройством перерыва в середине последнего слова Буковского) судья препятствовал осуществлять право на защиту. Суд прошел мимо никем не опровергнутых заявлений Буковского о грубейших нарушениях законности во время следствия над ним.

А сам приговор! За одни и те же деяния Буковского наказали по высшему пределу статьи - три года лагеря, - а его товарищам определены условные сроки наказания. Естественно спросить - почему? Ознакомление с ходом судебного заседания не оставляет ни малейших сомнений на сей счет. Буковского наказали за то, что защищался, за то, что он не признал за органами ГБ права бесконтрольного вмешательства в частную жизнь граждан. Делоне же и Кушева "поощрили" за то, что они "раскаялись", хотя никаких уголовных преступлений и не совершили.

Исходя из вышеизложенного, я как полноправный гражданин своей страны, ответственный за неукоснительное соблюдение ее основного закона - Конституции СССР, - требую от Верховного Суда Советского Союза;

- пересмотреть в порядке надзора дела Хаустова и Буковского - Делоне Кушева, отменить незаконные приговоры и освободить осужденных;

- сделать всем судьям разъяснение, что по статье 1903 судят не за участие в собраниях, митингах, демонстрациях, забастовках, а за нарушение общественного порядка, причем в качестве примера привести названные мною дела, указав, что в данном случае нарушителями общественного порядка являлись не демонстранты, а те, кто на них нападал;

- опубликовать это разъяснение не в ведомственных изданиях, а в широкой прессе.

Очевидно, если заявления о беспристрастности, справедливости и гуманности советского суда имеют хоть какую-то реальную основу, если статья 112 Конституции СССР, гласящая, что судьи независимы и подчиняются только закону, представляет собой реальность, Верховный Суд поступит так, как велит Основной закон Социалистического государства - отменит противозаконные приговоры и примет меры к недопущению подобного в будущем.

В противном случае надо будет признать, что Верховный Суд, как один из основных органов власти, принимает непосредственное участие в наступлении на конституционные

права граждан, маскируя это участие высокими словами о справедливости, беспристрастности, гуманизме. А это дает право гражданам защищать Конституцию всеми доступными способами и, прежде всего, беспощадно разоблачать антиконституционные действия всех правительственных органов, в их числе особенно все противозаконные приговоры судов.

П. Григоренко

Декабрь 1967 г.

Григоренко Петр Григорьевич,
Москва Г-21, Комсомольский проспект,
дом 14/1, кв. 96, телефон: Г-6 27 37.

ТОВАРИЩИ ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

Международный год прав человека в СССР начался беспрецедентным нарушением прав этих. Наша родина в глазах всей мировой, в том числе коммунистической общественности, пригвождена - в который раз - к позорному столбу. Сделано это представителями официальной власти с помощью варварского судилища, организованного органами ГБ.

Во все дни процесса над Галансковым, Гинзбургом, Добровольским и Лашковой (8-12 января с.г.) я, как и многие другие москвичи, по несколько часов проводил перед зданием суда и с особой остротой почувствовал беззаконие и позорность для нашей страны этого процесса.

И все же я не собирался писать Вам. Мне казалось, что Политбюро, для которого интересы партии, родины и мирового коммунистического движения должны быть превыше всего, само узнает о происходящем и правильно среагирует на общественное мнение мира. Но насквозь лживые статьи об этом процессе, опубликованные в "Известиях" (No 15712)* и в "Комсомольской правде" (No 13089) вынудили меня взяться за перо.

* Экземпляр "Известий" со статьей "Затянутые одним поясом", доставленный на Запад, имеет No 15711 - Ред.

На кого рассчитаны эти комки грязной лжи?

Не на мировое же общественное мнение! Оно не поверит, ибо ему известно, что процесс, объявленный открытым, был фактически полностью изолирован от постороннего глаза. Ф. Овчаренко в "Комсомольской правде" лжет, заявляя, что зал был переполнен и что там находились рабочие и служащие московских предприятий и учреждений. Наоборот, процесс шел при полупустом зале и сидели там как раз те, кто права на это не имел - работники следственных органов (КГБ) и тщательно отобранная этими органами публика. Даже свидетели, которые, по закону, после дачи показаний обязаны оставаться в зале суда, удалялись с процесса, не взирая на их просьбы и протесты.

КГБ и милиция заняли не только зал судебного заседания. Они буквально оккупировали - наводнили своими работниками - все здание Мосгорсуда и прилегающие к нему территории. И это видели не только мы, советские граждане, но и все иностранные корреспонденты, непрерывно дежурившие у здания суда никого из них в зал суда ведь тоже не пустили.

Неужели же они могут поверить, что столь сильная изоляция суда от всех - в интересах лучшего выяснения истины! Нет, они, как и мы, прекрасно знают, что правда не боится света, не боится свидетелей и наблюдателей. В изоляции от народа, в темноте, в застенках творятся грязные дела.

Если на дело посмотреть с этой точки зрения, то мы увидим факты отнюдь не внушающие доверия к происшедшему на процессе. Следствие, в котором обвиняемые были полностью изолированы от внешнего мира, велось почти год, превысив максимально допустимый только для исключительных случаев срок. Состав суда и прокурор определены следственным органом. Даже защитников подсудимые имели право взять лишь из числа допущенных КГБ. Но и этого оказалось мало. Потребовалось еще и публику подобрать специально. Так кто же после этого поверит в объективность суда!!

В действительности суд не имел никаких объективных доказательств связи подсудимых с НТС. Сообщение Овчаренко о найденных у них вещественных уликах является вымыслом. Фактически все обвинение зиждилось на ничем не подтвержденных, явно клеветнических "показаниях" Добровольского.

Это - типичный процесс-провокация, аналогичный процессам, организовывавшимся во время Ягоды, Ежова, Берии. Разница лишь в том, что тогда сообщали о "врагах народа" без указания конкретной вины, а теперь в обоснование несправедливого приговора приводят чистейший вымысел.

В действительности людей арестовали за то, что они создали правдивые литературные произведения, которые даже специально подобранный суд не мог признать антисоветскими. Поэтому и измыслили "связь с НТС". Насколько шатки позиции обвинения можно судить хотя бы по тому, во-первых, что прокурор по совершенно вздорным поводам отводил опасных для обвинения свидетелей защиты, а суд удовлетворял эти необоснованные отводы и, во-вторых, по привлечению в качестве свидетеля обвинения Брокс-Соколова, который не имел не только прямого, но и косвенного отношения к данному процессу, создавая своим пресловутым поясом видимость наличия "вещественных доказательств".

Моей Родине этой неразумной затеей нанесен тяжелейший урон. Не касаясь больше моральной, политической и юридической стороны вопроса, укажу, как военный специалист, что трудно даже учесть, сколь огромное количество союзников потеряла наша страна и сколь много потенциальных солдат приобрели за дни процесса наши вероятные враги. Никакой, даже самый ожесточенный наш противник не смог бы сделать худшего.

Упомянутые выше статьи продолжают действовать в том же направлении. Столь наглой ложью можно обмануть лишь небольшую часть тех, кто ничего не знает о процессе кроме прочитанного в названных статьях. В мировом же общественном мнении сия новая акция КГБ может вызвать дополнительное возмущение.

Товарищи члены и кандидаты Политбюро!

Еще не поздно исправить глупость, содеянную бюрократами, озабоченными лишь собственной карьерой, а не интересами Родины. Вникните в это дело и Вы убедитесь сами, что обвинение абсолютно беспочвенно. Для мирового общественного мнения это давно уже не вопрос. И переубедить его, тем более наглой ложью, никому не удастся.

В этих условиях руководство партии и правительство не имеют права изображать из себя бесстрастных наблюдателей. Они, по-моему, обязаны продемонстрировать перед всем миром свою непричастность к данной провокации и с этой целью предпринять шаги, обеспечивающие отмену незаконного приговора, прекращения всего грязного дела и серьезного наказания тех, кто затеял, подготовил и осуществил столь позорную и вредную для страны провокацию.

П. Григоренко

Январь 1968 г.

Григоренко Петр Григорьевич,
Москва Г-21, Комсомольский проспект,
дом 14/1, кв. 96, телефон: Г-6 27 37.

УЧАСТНИКАМ БУДАПЕШТСКОГО СОВЕЩАНИЯ

ЦК ВСРП - тов. Кадару Я.

ЦК ФКП - тов. Роше В.

ЦК ИКП - тов. Лонго Л.

копия: ЦК КПСС - тов. Брежневу Л.

Уважаемые товарищи!

Руководствуясь сознанием своего коммунистического долга, мы, нижеподписавшиеся, решили обратиться с письмами к участникам Будапештского совещания.

Убедительно просим Вас:

1. Распространить эти письма как документы совещания.

2. Поддержать нашу просьбу о приглашении нас для участия в совещании.

П. Григоренко

А. Костерин

Участникам Будапештского совещания.

ТОВАРИЩИ!

Мне представляется, что в Будапеште Вас собрала озабоченность судьбами мирового коммунистического движения.

Я, как и Вы, как и все истинные коммунисты, весьма встревожен наличием глубочайшего кризиса в нашем движении. Но еще большую тревогу вызывает у меня то, что в советской прессе этот факт всячески затушевывается. В публикациях, затрагивающих данный вопрос, утверждается, будто коммунизм триумфально шествует по планете, а о кризисе шумит лишь враждебнал пропаганда, выдавая желаемое за действительность.

Вы лучше меня знаете, что такая информация, мягко говоря, не соответствует истине. Проявления кризиса столь очевидны, что оспаривать сие было бы, по меньшей мере, несерьезно. На это могли бы решиться только люди, коих мало заботят судьбы движения, которые ищут не средства лечения болезни, а способ усыпить, убаюкать, обмануть общественное мнение.

Поспорить можно лишь о том, стоит ли акцентировать внимание на этом весьма неприятном явлении или лучше попытаться уладить разногласия тихо, по-семейному.

Руководство КПСС, как можно понять из его официальных заявлений, является сторонником последнего. Оно многократно выступало с предложениями - отодвинуть в сторону спорные вопросы и, сосредоточившись на решении задач, по которым достигнута общность взглядов, восстановить единство.

Вопрос о единстве для коммунистов, несомненно, решающий, поскольку они борются за цель, имеющую интернациональный характер - переустройство человеческого общества на коммунистических началах. И когда руководство КПСС говорит о достижении единства на базе марксизма-ленинизма, полагаю, оно имеет в виду именно общую цель коммунистов всего мира.

Все, как будто бы, предельно просто: согласен с этой целью - становись в наши ряды, не согласен - отправляйся в лагерь врагов коммунизма. Но эта простота лишь кажущаяся. Беда в том, что основные понятия марксистско-ленинской науки в современных условиях не имеют четких, всеми признанных определений. Чтобы выяснить, как это произошло, придется дать

Немного истории

Известно, что полстолетия тому назад коммунизм перешел из области чистой теории в жизнь и, с этого момента, о нем начали

судить не по книгам, не по высказываниям вождей и теоретиков коммунизма, а по живой практике Советского Союза.

И эта практика, в первые годы, явилась вдохновляющим примером для трудящихся всего мира. Несмотря на противодействие врагов и колоссальнейшие трудности внутреннего порядка, рабочие и крестьяне сумели отстоять завоеванную власть и страна, руководимая их избранниками, добивалась все новых успехов:

- в предельно короткий исторический срок она шагнула из полудикости к вершинам промышленного развития;

- свершилось труднейшее из всех мыслимых общественных явлений: обобществлены мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства, созданы крупнейшие в мире высокомеханизированные сельскохозяйственные комплексы;

- совершена подлинная культурная революция: широчайшие массы трудового люда получили доступ в науку, приобщились ко всем благам культуры и искусства.

Как и какими методами это достигалось, широкие массы коммунистов внутри страны и коммунистическая общественность за рубежами нашей Родины не знали и потому не задумывались над тем, являются ли эти успехи социалистическими по своему характеру. Советским людям и нашим друзьям за рубежом импонировало то, что достигнуто все это самими трудящимися, без помещиков и капиталистов, без царских чиновников и без помощи извне - без иностранных займов, без контрибуций и колониального грабежа других народов, в условиях враждебного капиталистического окружения.

На вопросе об этом окружении следует остановиться особо.

Предпринятая извне интервенция, а затем блокада, вызвали ответную реакцию - делать все своими силами. Естественная и здоровая реакция эта выродилась со временем в реакционный изоляционизм.

Явно враждебная и клеветническая буржуазная пропаганда вызвала у наших зарубежных друзей реакцию полного недоверия к ее сообщениям, а внутри СССР, особенно в среде новой интеллигенции, возникло стремление не давать в руки этой пропаганды реальных данных о наших недостатках. Именно этим стремлением объяснялось то, что не только во внешних сношениях, но и внутри страны начали скрывать отрицательные явления нашей жизни, говорить о них лишь за закрытыми дверями в узком кругу партийных и государственных руководителей.

Сталин очень умело воспользовался как внутренней, так и внешней реакциями на враждебную в отношении Советского

Союза пропаганду. Введя жесточайшую цензуру, запретив советским гражданам, под страхом смертной казни, какое бы то ни было общение с иностранцами и, сделав ложь орудием государственной политики, он сумел добиться того, что жизнь в Советском Союзе освещалась только в угодном ему свете. Любой успех - действительный или мнимый - всячески раздувался и превозносился. Любая ошибка или неудача приписывалась происках врага или объявлялась ложью.

Сталину тем легче было сделать это потому, что у него нашелся надежный помощник.

Умирая, Великий Ленин предупредил коммунистов Советского Союза, что он оставляет им в наследство не просто Советскую власть, а "Советскую власть с бюрократическими извращениями". При этом он указал, что бюрократ является главным и самым страшным врагом Советской власти. Партия, к сожалению, не вняла этому предупреждению, и советская бюрократия начала все больше и больше укрепляться. Может быть и бессознательно, но она чувствовала, что наибольшую опасность для нее представляют массы, их контроль. Поэтому, когда начали возникать тенденции к ограничению открытой критики недостатков, бюрократы активно поддержали и использовали в своих целях эту возникшую в массах тенденцию. Получилось так, как сказал поэт Н. Коржавин главному герою своей поэмы "Танька", восторженной коммунистке, отдавшей себя партии всю, без остатка: "Ты лгала для добра... А традицию лжи подхватили те, кто больше тебя был способен к осмысленной лжи".

Когда же Сталин предпринял действия, направленные на то, чтобы выйти из-под контроля партии и трудящихся масс, бюрократия оказалась самым надежным помощником ему в этом деле, ибо таким путем она сама избавлялась от единственного страшного для нее контроля - снизу.

Таким образом Сталин и руководимый им аппарат оказались вне контроля масс внутри страны и вне критики коммунистических партий мира. Получилось, что опыт построения общества, о котором мечтали лучшие умы человечества, в успехе которого были заинтересованы широчайшие массы трудящихся всего мира, был отдан в руки кучки "жрецов от коммунизма", которые "священнодействовали" где-то за закрытыми дверями, выдавая любой из достигнутых ими результатов за высшее достижение человеческого гения. Иными словами, научному эксперименту, каковым и являлась первая попытка создания социалистического строя, были заведомо созданы условия, в которых этот эксперимент и не мог пойти по правильному пути.

Хуже всего оказалось то, что некому было и обнаружить ошибки в эксперименте. В Советском Союзе вскоре начался массовый террор, которому подверглись не только вся реальная оппозиция, но и возможные потенциальные критики сталинского режима. Эти репрессии проводились в исключительно благоприятной для Сталина обстановке. Основная масса населения верила в коварство врагов, в их стремление вредить постоянно, в их способность проникать во все звенья нашей жизни, искусно маскируясь личиной друзей. Верили и в то, что в стране идет победоносное строительство социализма.

Даже люди, попадавшие в руки сталинско-бериевских заплечных дел мастеров, долго не могли уразуметь происходящее. Они не понимали, как это власть, поднявшая их к самым вершинам, теперь выступает по отношению к ним палачом. Им казалось, что это какая-то кошмарная ошибка, что это козни классового врага, что их партия, их власть разберется во всем, а им, пока, надо терпеть и повиноваться.

Им и невдомек было, что в данном случае наблюдалось совершенно новое, невиданное в истории явление - целый народ "обкатывался" бюрократической машиной с целью превращения в бессловесных исполнителей чужой воли не темных, задавленных нуждой масс, а людей, имеющих доступ ко всем благам культуры, овладевших высотами современной науки, литературы, искусства. Для этой невиданной цели были применены и неслыханные способы. Если в прежние времена самые жестокие тираны прибегали к такому методу, как казнь каждого десятого, лишь в тех случаях, когда надо было привести к повиновению мятежные войсковые части, то теперь со всем народом поступили более жестоко, чем тогда поступали с мятежниками.

Но этого никто из наших друзей за рубежом до войны узнать не смог. Во Второй мировой войне Советский Союз в глазах народов всего мира предстал как государство-освободитель от бесчеловечной тирании гитлеризма. Передовые люди мира прониклись неисчерпаемой любовью к нашей стране и долгое время слышать ничего плохого о ней не хотели.

Поэтому вопли истязуемых в бериевских застенках и стоны миллионов освободителей народов Европы, гибнущих в бескрайних просторах Сибири и Дальнего Востока, долгое время не доходили до мировой общественности. Жестокие морозы и болезни буквально косили полураздетых, обессиленных голодом, непосильным трудом, невыносимыми условиями жизни и зверским обращением людей, а мир слушал бравурные марши и велеречивую информацию о счастливой жизни, которую дал народу "великий вождь и учитель", наш "родной, любимый

Сталин".

И все же времена в послевоенном мире изменились. Приход к власти коммунистических партий в ряде стран юго-восточной и центральной Европы и в Азии, особенно революция в Китае, привели к ослаблению позиции СССР в мировом коммунистическом движении. Ленинская мечта о "Мировом Союзе Советских Социалистических Республик" не только не приблизилась к своему осуществлению, но значительно отдалилась. Особенно сильно центробежные силы начали проявляться со смертью Сталина. Никому из руководителей новых социалистических государств не хотелось больше дрожать перед сталинской машиной расправы с неугодными людьми. Это обстоятельство, наряду с некоторыми явлениями внутренней жизни Советского государства и вынудили руководство КПСС выступить с частичными разоблачениями сталинского лихолетья. Однако

20 съезд КПСС

не вскрыл полного существа всего происшедшего. На этом съезде не сказали не то, что всю правду, но и полуправду и даже миллиправду. Съезду в очень сдержанной форме и в искаженном виде доложили самую малюсенькую часть правды всего лишь по одному вопросу - о зверствах сталинского периода правления. Но, даже доложив такую малость, испугались и сразу же после съезда начали вилять: то - "Сталин такой-сякой", то - "Мы Сталина в обиду не дадим".

Между тем, зверства эти самостоятельного значения не имели. Они были лишь следствием определенной системы управления государством. Полная правда была куда страшнее: вся практика СССР в корне расходилась с теорией марксизма-ленинизма. Об этом свидетельствует нижеследующее.

1. Созданный под руководством Сталина общественный строй не смог дать более высокую производительность труда, чем капитализм. А это, согласно марксистскому учению, главный критерий для определения правомочности существования нового общественного строя.

2. Советская страна не смогла не только достигнуть главной цели пролетарской революции - уничтожения государства путем его деполитизации, - но даже не открыла практических подступов к этому. На деле послеоктябрьская практика пошла по пути всех предшествующих революций. Она создала более совершенную машину подавления, чем та, которая существовала до Октября. А по марксистско-ленинской теории следовало разбить, сломать старый государственный механизм и заменить его "отмирающим государством", которое "начало бы отмирать немедленно и не

могло не отмирать".

3. Вместо предусмотренного марксистско-ленинским учением безграничного расширения демократии, она оказалась ликвидированной полностью и без остатка. Создалось государство невиданно высокой степени тоталитаризма. Вся жизнь советского общества чудовищно централизована. В стране нет ни одной самодеятельной организации населения. Не только партийный и государственный аппарат, но и профсоюзы, научные и культурные общества, религиозные общины, редакции, издательства и пр., все это - отростки единого широко разветвленного бюрократического аппарата, управляемого из одного центра и контролируемого специально для этой цели созданным органом (в данное время сей орган именуется КГБ).

Гигантский бюрократический спрут охватывает все общество и душит его живые силы. Ни одного организованного общественного действия нельзя предпринять, если это не предусмотрено или не разрешено вышестоящей бюрократической инстанцией. Без этого невозможны даже религиозные обрядовые действия. Собрания, митинги, демонстрации и другие мероприятия, организуемые бюрократическим аппаратом, проводятся либо по хорошо отработанным шаблонам, либо по всесторонне отрепетированным сценариям. Ни один человек не может что-нибудь сказать или совершить другое действие, если это неугодно организаторам соответствующего мероприятия.

Сказанное относится не только к рядовым гражданам, но и к чиновникам бюрократической иерархии на всех ее ступенях, а также к ученым, писателям, работникам искусств. Все, кто пытался противодействовать этому, уничтожались или надежно изолировались от общества. Булгаков, Вавилов, Мандельштам, Пильняк, Платонов и сотни других деятелей литературы, науки, искусства, которых тоже следовало бы включить в этот скорбный список, - это те, кто пытался отстоять свое право на свободное выражение мыслей и чувств, кто не хотел говорить и делать то, что ему велят, если это противоречило его убеждениям.

Даже угрюм-бурчеевщина, показанная в чудовищно утрирующей сатире Салтыкова-Щедрина ("История одного города"), - детский лепет в сравнении с той действительностью, которую создала бюрократия в СССР под руководством Сталина.

Разговоры о партии, о ее руководящей роли в период сталинского единовластия, это - совершенно бессмысленная, ни на чем ни основанная демагогическая болтовня. Партия, пользуясь выражением Антонио Грамши, представляла в то время "... простого нерассуждающего исполнителя... Ее название... представляет собой простую метафору, носящую мифологический

характер".

Это, по сути, был полный провал первой попытки человечества создать более справедливое, чем капиталистическое, общественное устройство. Ни один человек (если он не рехнулся), зная всю правду, не согласился бы на замену даже самого отсталого капитализма на подобный "социализм". Вполне возможно, что именно поэтому те, от кого зависело сказать правду, всячески препятствовали этому. Но правду, как мы все знаем, утаить нельзя. Она начала со все большей силой проникать в жизнь. А так как ее настойчиво продолжали скрывать и шла она, в основном, через буржуазные каналы, то у людей начало складываться представление, что советская практика и коммунизм - это одно и тоже. Именно на этой почве и развился нынешний кризис. Именно из советской практики антикоммунизм черпал факты для борьбы с мировым коммунистическим движением. В этих условиях последнее могло спасти себя, как идеологическое течение только одним путем - резко и бескомпромиссно отмежевавшись от "социалистической" практики СССР. Но этого сделано не было и вина за это ложится, прежде всего, на КПСС.

После 20 съезда

руководство нашей партии не только не занялось исправлением антикоммунистической практики сталинизма, но начало все больше и больше чинить помехи дальнейшему ее разоблачению. Особенно четко выкристаллизовалась линия на полный возврат к сталинизму после 23 съезда КПСС.

В настоящее время цензура не допускает в печать, на радио и телевидение ничего вскрывающего истинную сущность сталинского правления. Негласно запрещен даже термин "культ личности". И наоборот, поощряется все, что в более или менее завуалированной форме обеляет Сталина и его время. Эту же линию мы наблюдаем и в официальных высказываниях руководящих деятелей партии и государства.

Так, Л. И. Брежнев в докладе "50 лет великих побед социализма" начисто "забыл" не только весь период предвоенных и послевоенных репрессий, но и 20 и 22 съезды партии, вскрывшие зверский характер сталинской диктатуры. Зато он не преминул, как можно незаметнее, поставить Сталина на одну доску с Лениным: в гражданскую войну "Для мобилизации сил страны на разгром врагов был создан Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с В. И. Лениным", а в Великую Отечественную войну - "Государственный Комитет Обороны под председательством И. В. Сталина".

Ю. В. Андропов в докладе о 50-летии органов

госбезопасности не мог не упомянуть о беззакониях сталинского периода, поскольку прославляемые им, и действительно прославленные, но только прославленные геростратовски, органы умудрились уничтожить и многих выдающихся организаторов ВЧК. Однако, упомянув очень глухо "о нарушениях социалистической законности", - не в период сталинской диктатуры или, на худой конец, хотя бы, культа Сталина, - а в те времена, когда "к руководству органами безопасности пробрались политические авантюристы" (ощущаете, как просто сталинизм подменяется его порождением бериевщиной?), он тут же указал, что это не отразилось на социалистической сущности этих органов.

Так совершается "идейная", если можно так выразиться, подготовка возрождения сталинизма в полном его объеме. Не меньшие "успехи" сделаны и в области практического его возрождения.

Мы знаем, что изменения, происшедшие в стране после 20 съезда, коснулись лишь наиболее отвратительных проявлений сталинизма, не затронув его основ.

Прекратились, например, массовые репрессии и зверские пытки. Однако возможность возобновления и того, и другого была сохранена, поскольку гласности судопроизводства, как и в сталинские времена, нет, а органы ГБ по-прежнему действуют совершенно бесконтрольно.

Положительное явление - и некоторая нивелировка жизненного уровня населения. И хотя в результате этого жизненный уровень городских рабочих, инженерно-технического персонала и служащих низшего звена резко снизился, но зато колхозники голодать перестали.

Произошли и некоторые другие, более мелкие изменения. Но в главном сталинские порядки остались нетронутыми, и власть их упорно защищает.

Наблюдавшиеся после 20 съезда отдельные проблески демократизации внутрипартийной жизни давно подавлены. Члены партии лишены каких бы то ни было прав и имеют лишь одну обязанность: беспрекословно подчиняться партийному, государственному и производственному аппарату управления.

Восстановлены в прежних правах и органы государственной безопасности. Известно, что после разгрома бериевщины главным направлением их деятельности стала разведка и контрразведка. Поэтому их численность была резко сокращена, а во главе был поставлен специалист разведчик. Сейчас эти органы вновь, как и при Сталине, нацелены, главным образом, на борьбу с народным протестом внутри страны. В связи с этим им снова дано право

тотального контроля за деятельностью всех учреждений и организаций, в том числе и партийных. Соответственно восстановлена и их численность, а руководство опять перешло в руки политического деятеля, входящего в состав партийно-государственной элиты. Сейчас КГБ - комитет только по названию. По значению и по численности это такое же надминистерство, как и при Берии.

Сохранилась и главная особенность сталинского строя - управление с помощью лжи и террора. Правда, террор теперь не проявляется столь открыто и не имеет таких отвратительных форм, как в те, не столь далекие, времена. Но зато ложь доведена до невероятнейших высот. Лгут и открыто - в печати, по радио и телевидению. Лгут и тайно - на различных собраниях, совещаниях, докладах, собеседованиях, инструктажах, семинарах.

Открытая ложь применяется для подачи в выгодном для правящих кругов свете нашей хозяйственной и общественной жизни, искажения фактов, имевших место в действительности, преувеличения отдельных успехов, умолчания о провалах и т. д. Особенно сильные искажения наблюдаются в освещении исторических событий.

История партии и советского государства фальсифицированы до такой степени, что читать стыдно. Причем одни и те же события в различные годы освещаются по-разному, но во всех случаях лживо. Даже беззаконное зверское истребление Сталиным воображаемых претендентов на его власть - лучших учеников и ближайших соратников Великого Ленина, истинных коммунистов-большевиков - Бухарина, Зиновьева, Каменева, Рыкова и других до сих пор преподносится как благодеяние, как ликвидация злейших врагов социализма. Любые попытки восстановить историческую правду жестко преследуются. Недавно исключен из партии А. М. Некрич только за то, что рискнул чуть-чуть приподнять завесу над тайнами преступной подготовки к войне.

Но особенно отвратительный характер имеет ложь закрытая, ложь рассчитанная на неинформированность и невежество слушателей и предназначенная только для "внутреннего употребления", для распространения обывателями, что называется, "из уст в уста".

О характере таких закрытых выступлений можно судить, скажем, по выступлению главного редактора "Правды" (Правды!) Зимянина в ленинградском Доме прессы 5 октября 1967 года. Наговорил он такого, что когда запись его речи распространилась в "Самиздате" без каких бы то ни было комментариев, он вынужден был выступать с опровержением.

Ложь буквально укоренилась в служебной практике чиновничьего аппарата. Маленькая иллюстрация. Процесс Галанскова, Гинзбурга и др. был буквально окутан ложью. Лгал председательствовавший на процессе зам. пред. Мосгорсуда Миронов, который накануне процесса заявил обратившимся к нему гражданам, что данного дела в Мосгорсуде нет и он не знает, где оно находится. Солгали и в отделе печати МИД, заявив корреспонденту "Юманите" в день начала процесса, что его срок еще не назначен. Заведомую ложь об этом процессе с клеветой на подсудимых и свидетелей опубликовали "Комсомольская правда" (Правда!) и "Известия".

Продолжает культивироваться и ложь на самом высоком уровне - в основном законе страны, в ее конституции. Этот документ до сего дня является чисто декларативным, служащим лишь для того, чтобы за границей создавать миф о наличии у трудящихся СССР всех демократических прав и свобод.

На деле Уголовный кодекс полностью игнорирует Конституцию в этой ее части. В нем имеется статья, с помощью которой можно воспрепятствовать осуществлению любой из конституционных свобод (статья об антисоветской агитации). О характере этой статьи можно судить хотя бы по тому, что аналогичное имеется только в законодательстве стран с фашистской диктатурой. Ни в одной стране буржуазной демократии подобных законоположений нет. Даже в США, где монополизация и конформизм достигли очень высокой ступени развития, не удалось протащить закон об антиамериканской деятельности.

А вот в нашей стране теперь оказалось мало даже этой антинародной статьи. Принимаются новые драконовские законы против возможной оппозиции. Так, в сентябре 1966 г. приняты два дополнения к Уголовному кодексу, начисто отменяющие конституционные права граждан - свободу слова, печати, митингов, собраний, демонстраций, а также величайшего из завоеваний рабочего класса права на забастовку. Приняты эти дополнения в глубокой тайне от народа под прикрытием шума о борьбе с хулиганством.

Лагеря для политических заключенных нынче, как и при Сталине, мало отличаются от гитлеровских лагерей.

По-прежнему в СССР нет ни суда, ни следствия (в нормальном понимании этих слов) для политических "преступников". Если у кого и были на сей счет какие либо сомнения, то процесс писателей Синявского и Даниэля и, особенно, последний политический процесс в Москве (Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Дашковой), не

оставили места для сомнений. А подобных процессов, не дошедших, правда, до широкой советской и мировой общественности, за последние два года проведен не один десяток.

Особенную тревогу вызывает упомянутый выше процесс Галанскова, Гинзбурга и др. Тревожит он своей явной провокационностью. Людей арестовали за то, что они осмелились использовать свои конституционные права и выступили против ранее содеянного беззакония. Судили же по состряпанным в ходе годичного "следствия" ни на чем не основанным обвинениям в связях с НТО. Полной необоснованностью обвинений данный процесс примыкает вплотную к тем провокационным процессам 30-х годов, в которых единственным доказательством "вины" служило голословное утверждение, что обвиняемый - враг народа. Разница лишь в том, что тогда были откровеннее. Там была наглая расправа за закрытой дверью, без всякого суда, а здесь разыгрывается комедия "открытого" процесса и даже в газетах дается "репортаж" - возмутительнейшая чушь, не содержащая ни одного слова правды, но выдаваемая за объективный судебный отчет.

Продолжается, правда, в меньших масштабах, чем при Сталине, но не менее возмутительный геноцид. Особенно недопустимые формы и методы он принял в отношении крымских татар и немцев Поволжья. Первых совершенно официально Указом Президиума Верховного Совета СССР - лишили даже права именоваться нацией. В Указе от 5 сентября 1967 г. и в последующих документах их называют: "граждане татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму". Очевидно, что с таким же успехом о венграх, например, можно сказать, что они "граждане татарской национальности, проживающие, пока что, в Венгрии".

Естественно, что в таких условиях не могли развиться нормальные общественные отношения.

В среде служилой бюрократии расцвели карьеризм и безыдейность. Никто из них, несмотря на наличие почти у каждого партийного билета, марксизмом-ленинизмом по-серьезному не занимался. О нем лишь говорят, им клянутся, но основ его не знают и знать не хотят. Их вполне устраивает нынешняя жизнь. Наиболее высокопоставленные бюрократы, при случае, живописуют то счастливое завтра, которое ожидает советских трудящихся, не забывая при этом о защите всеми способами своего сегодня. Они и Ленина цитируют. Но цитаты эти им подбирают секретари и референты лишь для того, чтобы цитатой подкрепить собственную "гениальную" мысль оратора. И горе Ленину, если у него не найдется ничего подходящего. В этом

случае берут первое подвернувшееся и так его препарируют, что небу жарко становится.

Неудивительно поэтому, что судьи на политических процессах оказываются совершенно беспомощными и даже смешными, когда по ходу дела им приходится вступать в полемику с подсудимыми "антисоветчиками", среди которых всегда есть люди много и серьезно занимавшиеся марксизмом-ленинизмом. Выход из этого нелепого положения сейчас найден. Не в том, разумеется, чтобы иметь судьями людей образованных. Нет, на политических процессах просто-напросто запретили цитировать классиков марксизма-ленинизма и ссылаться на них.

Дикость?! Нет, факт! И факт, которому никто не удивится, если узнает, что многие ленинские работы, особенно последних лет его жизни, прежде всего по вопросам бюрократизма, были запрещены к опубликованию Сталиным и до сих пор находятся под негласным запретом, несмотря на уверение, что теперь издано "полное собрание сочинений". Создается впечатление, что это новое "располнение" Ленина сделано не в интересах марксистско-ленинской науки, а чтобы надежнее спрятать настоящего Ленина от широкого читателя. Так неужели же и ленинизм - внутреннее дело руководства КПСС? Неужели же братские партии не вправе спросить у него: почему сие происходит?

Естественно, что внутри страны изложенное не может не вызывать общественного протеста. И он начинает проявляться все более и более открыто. Вот некоторое факты.

В связи с тем, что перед 23 съездом партии поползли слухи о предполагаемой на съезде частичной реабилитации Сталина, несколько десятков наиболее выдающихся ученых, писателей, деятелей культуры и искусства обратились в ЦК с просьбой не допустить такового. Народ откликнулся на это обращение целой волной писем в его поддержку. И хотя ЦК скрыл от съезда это событие, но не посчитаться с ним не мог.

Еще сильнее оказалась реакция нашей общественности на умное, мужественное, гражданственное письмо наиболее выдающегося современного советского писателя Солженицына А. И. четвертому съезду Союза писателей СССР. И уж буквально потоком идут письма Павлу Литвинову и Ларисе Даниэль-Богораз в связи с их обращением к советской и мировой общественности. О характере основной массы писем вы можете судить по письму 24-х школьников, копию которого я прилагаю к сему.

Однако, есть и иные письма - такие, в которых содержится и очень резкое осуждение нашей действительности. Проиллюстрирую это небольшой выдержкой из такого письма:

"Да, действительно, Ваш славный дед не упрекнул бы Вас, своего достойного внука! Это Вам говорит коммунист, которому небезразличны судьбы наших идей. Я помню речи Вашего деда на заседаниях Лиги Наций. В своих выступлениях он бичевал коричневый фашизм. Но фашизм способен краситься в любые цвета, в любые тоги нарядиться. Вы бросили клич новому фашизму, по хамелеонски перекрасившемуся в наш славный красный цвет! Даже при царском строе не судили писателей. Судят только там, где процветают фашистские порядочки. Мы, простые люди, давно уже спрашиваем себя: "Как мы прозевали Советскую власть, в чьи руки она попала?!".

Но дело не столько в письмах, сколько в общем обострении общественной реакции. Пишут, все же, только наиболее активные, а вот говорят об Обращении с сочувствием - большинство. Можно уверенно сказать, что сейчас, по крайней мере в Москве, нет более популярных людей, чем П. Литвинов и Л. Даниэль.

Молчит лишь партийное и государственное руководство. Оно избрало тактику молчания и замалчивания. Ответы ни на какие письма и петиции не даются. Одновременно принимаются меры для затруднения общения советских граждан между собой и с прогрессивной мировой общественностью. В советской прессе не опубликовано ни одно из писем и заявлений представителей этой общественности, а телеграммы П. Литвинову и Л. Даниэль от Бертрана Рассела и других выдающихся ученых, писателей, деятелей искусства и культуры не доставлены адресатам. Как это все выглядит в глазах мировой общественности?! Очевидно, что на таком фоне выступления нашего правительства в защиту греческих патриотов выглядят актом прямого лицемерия.

Немаловажной особенностью нынешнего периода является и то, что людям надоело бояться. В большом количестве петиций, посланных в различные правительственные инстанции во время последнего политического процесса в Москве, люди ставят не только свои подписи, но указывают адреса и место работы. То же самое и в письмах, полученных авторами Обращения. Только в одном из писем, полученных П. Литвиновым, вместо подписи написано следующее: "Извините, что подписаться не могу. Не уверен в нашей демократии даже по части пересылки писем. Думаю, что не осудите меня". Ну что ж, осудить его действительно трудно. И признать за анонимку написанное им тоже нельзя. У человека общественное сознание, видимо, только просыпается. Не так давно подписать подобное во всей стране смогли бы только единицы.

Но есть, все же, анонимки и в полном смысле этого слова. По одной анонимной открытке получили оба автора Обращения.

Вышли эти открытки явно из одной фабрики. Они и начинаются с одинакового обращения - "жидовское отродье" и продолжаются в одном "штиле" - площадная брань, включая и матерную. Сам не пережил, но, думаю, что такие же открытки во времена самой мрачной реакции, во времена Николая Кровавого писали черносотенцы революционерам. И это тоже характерное явление современности в нашей стране. Характерное не только тем, что черная сотня снова поднимает голову, но, особенно, тем, что подонки, выступив с правительственных позиций, не посмели подписаться, ругались и угрожали, трусливо прячась.

Общественный протест зреет. И проявляется это во всем. Даже упомянутые анонимки указывают на его вызревание. Написавшие их понимают, что сочувствующих им найти трудно. Широчайшая общественность сочувствует протестантам. Она прислушивается, ищет ответа на волнующие ее вопросы, хочет знать правду. В театрах пользуются успехом только спектакли, в которых, хотя бы по-эзоповски, ставятся острые общественные проблемы. То же самое следует сказать о литературе и кино. Когда в фильме "Наш современник" главный герой, в ответ на внешне убедительную, но насквозь лживую и лицемерную речь секретаря обкома, которую он завершил провокационным вопросом: "Ну, что вы скажете рабочим?" - не задумываясь ответил - Правду, только правду - зал неизменно разражается бурей аплодисментов. И в этом тоже несомненное проявление общественного протеста против того мерзкого потока лжи, который заливает страницы советской печати и официальные трибуны.

И вот руководство партии, культивирующей у себя в стране все описанное выше, настойчиво твердит о необходимости восстановления единства "на базе марксизма-ленинизма". Спрашивается, что же оно считает марксизмом-ленинизмом?! Неужели же то, что творит у себя дома?! Но это, как всем очевидно, базой служить не может. Ведь уже многим коммунистическим партиям, чтобы сохранить достигнутое влияние, пришлось более или менее открыто заявить, что когда они придут к власти, то не допустят повторения того, что было в СССР. Значит, объединение на основе опыта СССР исключено.

Что же может послужить базой для единства?

Думается, что на этот вопрос может быть лишь один ответ - только полное очищение коммунистической идеологии от скверны сталинизма.

Великий Ленин сказал о коммунистических партиях, что они - "ум, честь и совесть эпохи". Политика КПСС не дает ей никакого права на эту характеристику. И все те партии, которые не хотят

открыто сказать это, тоже не заслуживают такой характеристики. Их заявления о том, что они придя к власти, не допустят повторения того, что было в СССР, в этом случае следует рассматривать как тактический маневр, как попытку обмануть народ своей страны.

Тот, кто действительно предан коммунистической идее, не побоится сказать правду народам всего мира открыто и недвусмысленно. Заявления о том, что вскрытие пороков прошлого повлечет за собой потерю притягательности коммунистических идей, столь же неосновательны, как и антикоммунистические ламентации, использующие опыт СССР для опорочивания марксистско-ленинского учения, для доказательства его нежизнеспособности, утопичности. В СССР потерпели поражение не идеи коммунизма, а определенная практика, именовавшая себя социалистической, но не бывшая таковой в действительности.

Коммунистический идеал общественного устройства живет в мечтах человечества куда больше, чем существует марксистское учение. И, естественно, что последнее, как научное выражение мечты человечества, не может исчезнуть оттого, что имелась неудачная попытка осуществления этой мечты. Опыт, даже неудачный, лишь обогатит науку, поможет ей значительно окрепнуть. Многомиллионные жертвы сталинщины не пропадут бесследно. Их святая кровь и муки призывают нас не пожалеть сил для скорейшей ликвидации нынешнего тяжелейшего кризиса.

Думаю, ясно, что решение этой задачи лежит отнюдь не в сфере тайных соглашений между руководителями партий.

Коммунизм - мечта всего человечества, а опыт претворения его в жизнь совершался в тайне от широких масс трудового люда. Хуже того, его обманывали, вводили в заблуждение относительно истинных результатов опыта. И опыт провалился именно поэтому. Но произошел этот провал уже не под сенью тайных лабораторий, а на глазах у всего изумленного человечества. Очевидно, что после этого народы мира не могут позволить упрятать за закрытые двери выяснение причин происшедшего. Они хотят знать правду - всю правду! И они имеют на это право!

В этих условиях любое совещание, проведенное за закрытыми дверями, с последующим опубликованием какого-нибудь "обтекаемого" заявления, сообщения или коммюнике, народы мира вправе рассматривать как заговор тоталитаристов против коренных интересов этих народов. И Ваше совещание тоже должно быть открытым, должно широко и полно освещаться в печати. Твердо придерживаясь такого взгляда, я и настоящее письмо составил, как открытый документ. По этой причине я не

касался в нем более острых проявлений общественного протеста в нашей стране, а также тех аспектов рассматриваемых в письме вопросов, которые связаны с обороноспособностью моей Родины. Обо всем этом я мог бы сказать, если буду приглашен, на одном из закрытых заседаний, коих, разумеется, не может избежать ни одно международное совещание до тех пор, пока в мире существует раскол на враждующие военные блоки.

Переговоры о единстве - в руки рядовых коммунистов! - вот тот единственный лозунг, выдвинув который, Ваше совещание выполнит возлагаемые на него надежды. Можно только удивляться, почему этот единственно действенный лозунг не был выдвинут до сих пор. Ведь нынешние руководители партий убедительно доказали свою полную неспособность ликвидировать возникшие между ними разногласия. Свыше 20 лет прошло с тех пор, как эти разногласия проявились открыто, и они до сих пор не только не ликвидированы, но все больше углубляются. Дело дошло даже до того, что страны, называющие себя социалистическими, открыто бряцают оружием друг против друга.

Принятие этого лозунга практически будет означать восстановление международного единства между партиями, принявшими его. Совещание выполнит свои задачи и на деле явится поворотным пунктом в истории коммунистического движения, если примет этот лозунг и в его обеспечение возьмется проделать нижеследующее:

1. Открыто осудить нынешнюю внутренюю политику КПСС, как политику антисоциалистическую, противоречащую коренным идеям марксизма-ленинизма. Принцип "невмешательства в дела других партий" не только не применим в данном случае, но вреден, реакционен. Этот принцип нельзя толковать как право делать в своей партии все что вздумается. Коммунистические партии - партии интернационалистические, поэтому они не могут отказаться от своего неоспоримого права открыто критиковать любую из братских партий за нарушение ею своего интернационального долга и основных принципов марксизма-ленинизма. И ни одна из коммунистических партий, если она действительно коммунистическая, не имеет права относиться к этой критике без должного внимания и уважения. Интернациональный долг КПСС состоит в том, чтобы строить общественный порядок, могущий служить вдохновляющим примером для всех братских партий. И если она не выполняет этот свой основной интернациональный долг, их обязанность указать на это.

2. Потребовать от руководства КПСС не на словах, а на деле

вернуться к ленинским нормам в партии и стране. Как минимум, в партии должен быть восстановлен демократический централизм. В частности, должны быть восстановлены в партии все, кто исключен за иное, чем у руководства, понимание ленинских принципов внутрипартийной и государственной жизни, а также исключенные с нарушением устава партии. Во внутригосударственной жизни сделать действующим основной закон страны и, в связи с этим, отменить все законы и установления противоречащие ему; внести в конституцию дополнения, необходимые для приведения ее в полное соответствие с "Декларацией прав человека".

3. Объявить во всех коммунистических партиях широкие внутрипартийные дискуссии, направленные на полное вскрытие причин нынешнего кризиса. Дискуссии должны носить международный характер, что означает, во-первых, что ход и итоги дискуссий освещаются в международной коммунистической печати, с обязательным полным и всесторонним освещением всех высказываемых взглядов самими их сторонниками, а не комментаторами. Во-вторых, право критиковать не только деятельность своей партии, но и любой другой. В третьих, право каждого участника дискуссии требовать и получать любые нужные ему по ходу дискуссии материалы из любой партии. И, наконец, право международного расследования по любому заявлению о недемократичности дискуссии, о том, что какое-либо направление мысли подвергается дискриминации.

В отношении КПСС участники совещания должны рекомендовать начать дискуссию с обнародования платформы ЦК и всех других платформ, кои окажутся представленными к началу дискуссии. В дальнейшем сторонники всех опубликованных и публикуемых в ходе дискуссии платформ должны получить равные возможности защиты своих позиций - то ли путем издания печатного органа для сторонников каждой из них, то ли путем отведения одинакового количества страниц и предоставления равного количества мест в редакции общего печатного органа. Дискуссия должна быть завершена съездом партии, выборы на который проводятся по платформам. Думаю, и без доказательств ясно, что в КПСС сложилась именно та обстановка, о которой Ленин говорил на 10 Съезде партии, как об обстановке, которая может потребовать голосования при выборах на съезд по платформам.

В СССР совершены преобразования, имеющие социалистический характер. Мешает ему стать социалистической страной только укоренившийся в нем бюрократизм. Побороть же его можно лишь путем развития самой широкой демократии.

КПСС, если она заслуживает названия коммунистической партии, обязана возглавить процесс демократизации жизни в нашей стране. Однако это отнюдь не ее внутреннее дело хочу - борюсь с бюрократами, не хочу - способствую дальнейшему развитию бюрократизма. Коммунистические партии всего мира заинтересованы, чтобы прерванный диктатурой Сталина социалистический эксперимент продолжался, чтобы было создано общество могущее служить [идеалом] для всех народов мира. И если руководство КПСС с этим не согласится, истинные коммунисты всего мира обязаны разорвать с ней все отношения и заявить ясно и недвусмысленно, что эту партию коммунистической они не считают и руководимую ею страну социалистической не признают. Товарищи участники совещания!

Я убедительно прошу Вас предоставить нам с тов. Костериным возможность участвовать в совещании. Мы твердо знаем и можем это доказать, что изложенное в наших письмах отражает назревшие в КПСС оппозиционные взгляды. И мы верим, что недалеко то время, когда эти взгляды станут господствующими в нашей партии. Думаю, это достаточное основание для принятия Вами положительного решения по нашей просьбе.

13.2.68 г. П. Григоренко

Григоренко Петр Григорьевич,
Москва Г-21, Комсомольский проспект,
дом 14/1, кв. 96, телефон: Г-6 27 37.

ПИСЬМО Ю. В. АНДРОПОВУ

Товарищ Андропов!

Обращаясь к Вам, как к председателю КГБ, я помню однако, что Вы и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, поэтому надеюсь, что письмо мое будет рассмотрено не только с точки зрения работника "органов", но и с позиции политического деятеля.

12 февраля с. г. меня пригласили в Управление КГБ по Москве и Московской области, к заместителю начальника Управления (фамилию я, к сожалению, запамятовал, зовут же его Михаил Давыдович). Беседа с ним, продолжавшаяся около часа и охватившая довольно обширный круг вопросов, велась в присутствии еще одного работника Управления, по всем признакам подчиненного М. Д.

Впечатление от беседы, несмотря на полную корректность ее тона, тягостное. Этому - ряд причин. Но в числе одной из первых следует поставить оскорбительный характер вызова и состоявшейся беседы. Объяснюсь.

Поводом для разговора послужило опубликованное в газете

"Посев" от 5 сентября 1967 г. материалов, которые, по заявлению редакции, присланы мною. Узнав о причине вызова, я сразу же заявил, что, независимо от того, соответствует ли данное сообщение редакции истине или не соответствует, темы для разговора с КГБ у меня нет, ибо публикация правдивых сведений, не являющихся государственной и военной тайной, в каком бы ни было органе печати не представляет незаконного акта. Что же касается данной газеты, то в нее я никаких сведений не давал и никогда не дам, но вовсе не из-за сомнений в законности этого акта, а исходя из моральных соображений. Мне, как коммунисту по убеждению, не по душе печатные издания организаций, ставящих своей целью реставрацию помещичье-капиталистического строя на моей Родине. Однако, несмотря на этот ясный и исчерпывающий ответ, меня настойчиво пытались поставить в положение дающего показания на следствии: выражали недоверие сказанному, ставили "наводящие" вопросы, пытались "наставлять на чистосердечие" и так далее.

Что это, неумение разговаривать другим языком, чем язык следствия, или же попытка вести следствие под видом беседы?

Я склонен предполагать последнее. Думаю, что в результате "беседы" мое досье пополнилось еще одним "документом" - протоколом допроса в магнитофонной записи. Особенно склоняет меня к этой мысли то обстоятельство, что названная выше газета стала предметом разговоров со мной лишь через четыре месяца после того, как она попала в поле зрения КГБ. Не настолько же я наивен, чтобы поверить, будто до встречи со мной это "дело" не разрабатывалось, а после разговора со мной - прекращено.

Значит, все-таки допрос. И допрос незаконный: без вызова по повестке, без объявления, в качестве кого даешь показания, без официального протоколирования и, главное, при полном отсутствии материалов, дающих право на ведение допроса.

Есть и еще одна сторона данного вопроса. Думаю, не ошибусь, если скажу, что у подавляющего большинства советских граждан приглашение в КГБ вызовет "дрожь в коленках", а у их близких - глубокое беспокойство. У моего семейства, как Вы знаете, имеются особые основания для последнего. И вот, ведя беседу с людьми, без устали повторявшими, что они "желают мне только добра", я не мог не думать о той тревоге, которую сейчас переживают мои близкие, и с возмущением задавал мысленный вопрос: "по какому праву, на основе каких" законов и моральных установлений Вы врываетесь в частную жизнь советских граждан и топчетесь по их чувствам, нервам, переживаниям? И все это лишь для того, чтобы принудить "воспитуемых" отказаться от своих убеждений и принять тот строй мыслей и поведения, каких

придерживаетесь Вы сами!"

Особенно возмущало то, что мои собеседники втайне рассчитывают меня запугать. Правда, открытых угроз, как в двух предыдущих встречах, в этот раз не было, но вся обстановка и весь ход разговора были рассчитаны на слабонервных. И снова в моем мозгу тот же возмущенный вопрос: "По какому праву и доколе?!"

Вы знаете, что издевательства над моими чувствами коммуниста и гражданина длятся уже седьмой год. Напомню основные этапы этого.

В 1961 году Хрущев и его окружение, грубо попирая Устав партии, организовали жестокие административные и партийные репрессии против меня только за то, что я высказал на партийной конференции неугодные им предложения. Потребовал широкой сменяемости для всех выборных должностных лиц и отмены для них неограниченно высоких должностных окладов.

Борясь против этого внутрипартийного произвола, я понял истинную сущность своих гонителей и начал борьбу против культивируемой ими системы произвола в партии и стране. При этом я вышел из рамок дозволенного Уставом партии, но не превысил конституционные права советских граждан. Несмотря на это, меня арестовали, совершив, тем самым, новое беззаконие.

Ну, а поскольку судить с имевшимися у следствия материалами было не так просто, то совершают чудовищный произвол - преступление, равных которому в истории даже самых мрачных реакций не так много. Меня, психически абсолютно здорового человека, по форме законно, загоняют в специальную психиатрическую больницу - фактически в тюрьму, заполненную психически ненормальными.

Противодействовать этому в то время я не мог. И мне пришлось бы, видимо, закончить жизнь в этой "больнице", если бы не два новых обстоятельства.

Первое - главное для моей дальнейшей судьбы - заключалось в том, что правительство, совершив еще одно беззаконие, неожиданно для себя получило обратный эффект - не ухудшение, а облегчение моей участи. Я имею в виду разжалование меня Советом Министров СССР из генералов в рядовые и лишение, тем самым, заслуженной пенсии. Несколько ниже стоящие высокопоставленные чиновники усугубили это беззаконие, не выплатив и причитавшееся мне, по день увольнения из армии, жалование (за 7 месяцев).

Узнав обо всем этом, я не только не огорчился, но воспрянул духом, так как лучшего доказательства моей вменяемости трудно было и придумать. Если бы я был действительно сумасшедшим,

то никакое, даже самое бешеное правительство не стало бы лишать меня пенсии и денежного содержания.

Вторым благоприятствующим событием явилось смещение Хрущева и наступившее в результате замешательство в бюрократическом аппарате. В этих условиях человек, выступивший против Хрущева и поплатившийся за это столь страшным образом, казался опасным для тех, кто имел то или иное отношение к расправе над этим человеком. И естественно, что каждый из них торопился как можно быстрее выпутаться из этого грязного дела. В то же время люди порядочные воспользовались означенным замешательством, чтобы оказать содействие моему освобождению. В результате первый тур беззаконий кончился. Я обрел свободу.

Но "передышка" к этому времени кончилась, и сразу же после моего освобождения начался второй тур, в котором меня пытались сломить голодом, угрозами и тотальной слежкой. Если бы подсчитать, сколько сделано только прямых расходов на преследование меня - на следователей, судей, стукачей, филеров, "психиатров" и на мою изоляцию, - то за семь лет получилась бы, по-видимому, солидная сумма. А ведь этим_ одним ущерб, нанесенный Родине, не исчерпывается. Я же был не просто генерал, а военный ученый, да еще и редкой специальности. Во всяком случае настолько редкой, что замену мне так и не нашли. А это вряд ли на пользу Родине и нашему народу.

В течение всего второго тура я стремился, во-первых, наглядно показать, что коммунист может вести себя не хуже, чем дьякон из купринской "Анафемы", что он так же, как этот последний, "лучше камни ворочать будет", чем поступится своими идеалами и своим человеческим достоинством. Во-вторых, я принял все зависящие от меня меры, чтобы ликвидировать ненормальное положение, созданное совместными усилиями суда и правительства. Я не просил вернуть мне генеральство. Я настаивал только на одном, чтобы со мной поступили либо как с невменяемым, либо как с вменяемым, чтобы из меня не делали "психического гермафродита" - для одних целей невменяемый, для других - совершенно нормальный.

Я предупреждал, что то или иное решение прекратит созданную одиозность, а оставление в нынешнем положении приведет со временем к урону престижа моей Родины. К моим предупреждениям не прислушивались, на мои письма не отвечали. Честь мундира творцы произвола поставили выше престижа государства. Это как раз и явилось той почвой, на которой произрос "Посев", о коем велась речь 12-го февраля.

Эту простую истину мои собеседники понять не смогли. Им

казалось, что все беды от того, что я не хочу молчать. Ну что ж, их позиция неудивительна. Видимо, начинается третий тур беззаконий. Что ждет меня в нем, предположить трудно. Но я готов ко всему самому худшему. И чего хорошего можно ждать от людей, которые в течение ряда лет ведут за мной отвратительную слежку и подслушивание, хотя им прекрасно известна из анализа всей моей жизни и из материалов следствия моя коммунистическая убежденность и то, что я не способен совершить вредное для Родины действие, что для нее я не жалел и не пожалею впредь ни своей жизни, ни своей свободы.

Почему же в таком случае так упорно воюют против меня? Уж не потому ли, что противникам моим на интересы Родины в высшей степени наплевать? Не потому ли, что им дороги свои собственные привилегии, которым моя деятельность действительно угрожает?

"Беседа" оставила особенно тягостное впечатление именно потому, что утвердила меня в этом мнении. Мои собеседники пришли на встречу со мной с заранее вложенной в них "программой". Поэтому, приняв без возражений мое заявление о том, что нет закона, запрещающего передачу несекретных правдивых материалов заграничным изданиям, они никак не могли поверить, что человек может отказаться от представившейся ему выгодной возможности передать такие материалы только лишь из-за того, что это противоречит его идеалам, его убеждениям.

Да и как им было понять это, если их собственный идеал - служение личностям, то есть тем, кто сегодня властен над их судьбами. Они (или им подобные) верно служили диктатуре Сталина. Они же содействовали Хрущеву в его попытках утвердить неограниченную диктатуру. Они верой и правдой служат и "диктатуре элиты" (вынужден воспользоваться термином В. И. Ленина, так как не смог придумать лучшего названия для нынешней системы правления в СССР). Они же не задумаются послужить и против нее, если найдется диктатор похлеще Сталина.

Не могли понять мои собеседники и того, почему я не доволен вызовом и "беседой". До них никак не могло дойти, что у человека есть права, которые не может нарушить никто, какой бы высокий пост он ни занимал, и что для человека оскорбительно, если с этими его правами не считаются. "Право только у начальников" - вот та истина, от которой они никуда уйти не могут. Поэтому для них было аксиомой, что рядовой гражданин не смеет даже и помыслить об обвинении правительства в нарушении законов и пренебрежении правами рядового

гражданина. "Какие права гражданина? У него только обязанности! Какие нарушения законов, какие ошибки у правительства? Правительство ничего не нарушает и не ошибается! А кто с этим не согласен, тот враг нашего государства, антисоветчик!" - вот их несложная философия. Их не смогли выбить из наезженной колеи даже приведенные мной неопровержимые факты ошибок и преступлений правителей. - "О, так это когда же было!! Это же еще при Хрущеве (при Сталине)! - восклицали они и были убеждены, что этим доводом я полностью опровергнут, что непогрешимость нынешнего правительства убедительно доказана.

Не веря в высокие идеалы, они были убеждены и пытались доказать мне, что я руководствуюсь только чувством личной обиды. До их сознания так и не дошло, что протест против произвола, даже если последний учинен против самого протестующего, не есть выражение личной обиды. Это, прежде всего, общественно полезное деяние.

Но что меня особенно поразило, так это политический уровень моих собеседников. Марксизм-ленинизм для них - тайна за семью замками. Им это беспокойное учение заменяют предрассудки. И главный среди них - вера в свою непогрешимость, в то, что только они обладают истиной, что только они могут решать, что Родине полезно и что вредно. Всех, кто не придерживается их предрассудков, кто хочет сам разобраться в происходящем и имеет собственное мнение по вопросам внутренней жизни и международным событиям, - тот отщепенец, антисоветчик. Их не смущает даже то, что сами их предрассудки изменчивы, текучи: то, чему веруют и преклоняются сегодня, завтра может быть отменено, и наоборот. Они готовы к любым поворотам, если те совершаются по указаниям сверху.

Если политический уровень этих двух хоть в какой-то степени соответствует уровню основной массы работников КГБ, то каких же еще несчастий может ожидать мой многострадальный народ?!

Как видите, при таком соотношении взглядов, идейных установок и политического уровня, взаимопонимания между нами установиться не могло. Несмотря на это они взялись за то, чтобы дать мне советы.

Первый. Не общаться с иностранцами, в том числе с иностранными корреспондентами, и не давать им никаких сведений. Независимо от того, собирался ли я до этого совета "общаться" и "давать сведения", я воспринял его как прямое покушение на мои гражданские права, и мне его даже выслушать, а не то, что принимать, было оскорбительно. В этом смысле я и

ответил собеседникам.

Второй. Прекратить общение с людьми, которые на сегодняшний день составляют мое окружение. При этом были сделаны оскорбительные выпады в адрес двух человек. Первый из них - историк Петр Ионович Якир, сын выдающегося советского полководца Ионы Эммануиловича Якира, зверски уничтоженного сталинскими палачами, тоже хвалившимися тем, что они ведут свою родословную от ВЧК. Четырнадцатилетним мальчиком П. Якир, как член семьи "врага народа", попал в заключение и семнадцать лет провел в лагере и ссылке. Я не знаю, много ли найдется среди тех, кто ныне мнят себя "воспитателями" людей, таких, которые смогли бы войти нормальным человеком и гражданином в "вольную жизнь", если бы им выпало так закончить свое детство и пройти всю свою юность и молодость.

Второй - преподаватель физики ВУЗа, кстати, сейчас он незаконно уволен с работы за свое мужественное обращение к мировой общественности, Павел Михайлович Литвинов, внук замечательного революционера-большевика, одного из ближайших соратников великого Ленина, впоследствии выдающегося советского дипломата Литвинова Максима Максимовича.

Думаю, можно не объяснять, что подобный "совет" и особенно неприличные, оскорбительные выпады не могли вызвать у меня никакой иной реакции кроме возмущения. Я горжусь сегодняшними своими друзьями, их умом, мужеством и честностью и не могу оставить без реагирования нанесенные им оскорбления, тем более в их отсутствии и в условиях, которые не позволяли мне ответить на эти выпады должным образом.

Но, предположим, что я захотел бы последовать этому "совету". С кем же мне тогда общаться - позвольте Вас спросить. Ведь из привычного круга меня не только вышвырнули, но "органы" даже сделали все, чтобы исключить возможность моего общения со своими бывшими сослуживцами. Вместе с тем, мне закрыли дорогу в организации офицеров и генералов в запасе и отставке. Из партии меня тоже вышвырнули (уж я сознательно не применяю термин "исключили", так как ничего подобного в уставном понимании этого термина со мной не происходило). Так что же мне, по-Вашему, забраться в берлогу и сосать там лапу, посверкивая глазами на текущую мимо меня жизнь?! Нет, я избрал другое. Начал общаться с теми, на кого ваша "воспитательная" работа не действует, для которых я не "партбилетоносец" и не "генерал", а просто человек. И, ей-богу, последнее звание мне по душе больше всего. Кстати, оно и попрочнее. Никто не может лишить этого звания, кроме самого

его владельца.

И качестве третьего и последнего "совета" мне предложили "бороться за свои права только законными путями".

Мне было сказано буквально следующее: "Пишите куда следует, и, возможно, ваше положение изменится. Выпали случаи, что даже в отношении людей, которые действительно совершили тяжкие преступления, по прошествии некоторого времени, если они осознали свою вину, снимались ранее примененные наказания".

В этом "совете" я вижу, во-первых, замаскированное предложение написать "покаянное письмо". Но каяться мне не в чем. Просить тоже нечего. То, что положено по праву, уважающие себя люди требуют, а не просят. Во-вторых, мои собеседники сделали попытку слишком произвольно толковать понятие "законные пути". На общедоступном языке их понимание можно выразить словами Ломоносова: "В смиреньи тяготы сноси и без роптания проси". Разница состоит лишь в том, что у Ломоносова в этих словах звучит горькая ирония, а мои собеседники вполне серьезно полагают, что именно в этом состоит "социалистический правопорядок". Законным они считают только такой порядок: я пишу "кому следует", а тот "кто следует", то есть тот, кто является творцом произвола, захочет - смилуется, захочет - еще и добавит за "непочитание начальства", а захочет - и вообще отвечать не будет, как это и было в моем деле вплоть до сегодняшнего дня.

Я понимаю термин "законные пути" совершенно по-иному - как мое право бороться с беззаконием всеми способами, предоставленными мне Конституцией СССР, как гражданину этой страны, то есть используя для этой цели свободу слова, печати, собраний, митингов, демонстраций. При этом я вправе контактировать с людьми, придерживающимися одних взглядов со мной или сочувствующими этим взглядам, в какой бы стране эти люди ни находились. В общем, творцов произвола, по-моему, просить нельзя. Их надо, в крайнем случае, заставить отступить, а самое лучшее - беспощадно разоблачать и изгонять с занимаемых постов. Если этого не делать, то они могут обнаглеть до степени так называемого "волюнтаризма" Хрущева или даже "культа Сталина". В силу изложенного я не мог принять и этого "совета".

Под занавес Михаил Давыдович не смог удержаться и от угрозы, хотя в начале беседы и принял мое условие вести разговор без угроз. Уже прощаясь, он сказал мне: "Ну, Петр Григорьевич, больше вызывать мы вас не будем". Сказано это было таким образом, что сама собой прозвучала концовка - "В следующий раз, если вы не будете следовать нашим советам, вас арестуют".

На этом мы и расстались.

Но прежде чем закончить свой рассказ, я должен сообщить Вам о двух фактах, выявившихся во время "беседы".

В 1965 году, во время подготовки выборов в Верховный Совет СССР, я послал письмо Косыгину, как кандидату в депутаты Совета Национальностей, связав свое отношение к его кандидатуре с его ответом на это письмо. Ответа я не получил. Через месяц отправил в газету "Московская правда" обращение к избирателям с призывом голосовать на выборах против Косыгина. В качестве основания этого призыва я выставлял свое письмо Косыгину, копия которого прилагалась к обращению. Ни обращение, ни копия письма не опубликованы, хотя должны были опубликовать, поскольку ни одного выступления против этой кандидатуры не было опубликовано ни до моего обращения, ни после него. И вот, оказывается, - и письмо Косыгину, и мое обращение к избирателям находятся в КГБ. Вот мой ярчайший пример использования этого органа для служения личностям, а не Советской власти, народу.

Очень неприятный осадок оставила и еще одна, внешне незначительная, деталь разговора. Во всех случаях, когда я упоминал о прошлых преступных, античеловеческих действиях органов госбезопасности, в ответ неоднократно, в различных вариациях, говорилось, чтобы я не идеализировал пострадавших при Сталине, что среди пленных было немало легко раненых и совершенно не имевших ранений, и что до сих пор не ясно, как эти люди попали в плен и как вели себя в плену, а среди рспрессированых тоже немало людей с тайным прошлым.

Что это - отзвук скрытой подготовки органов ГБ к возобновлению репрессий в отношении тех, над кем уже и так издевались немало? Сознайтесь, что на фоне полной безнаказанности сталинско-бериевских палачей подобные разговоры выглядят зловеще. Вообще-то это вполне логично. В печати все реже появляются сообщения о выявленных долгими и сложными поисками КГБ полицаях и военных преступниках. Тех и других, по-видимому, осталось так мало, что за ними невозможно больше скрываться "своим", доморощенным, так сказать, преступникам. И народ начинает все чаще вспоминать о них. Ему непонятно, почему те, кто истреблял беззащитных людей во имя Гитлера - преступники, а те, кто делал это во имя Сталина, заслужил право на "законную", т. е. в несколько раз большую, чем у простых тружеников, пенсию или продолжает "служить народу", занимая неплохо оплачиваемые посты.

На этом и окончу рассказ о достопримечательной беседе и перейду к изложению двух основных выводов, вытекающих из

нее.

Вывод первый. Вызов для "профилактической беседы" не только незаконен. Он морально низменен, т. к. преследует цель лишить вызываемого возможности выполнить свой общественный долг и заставить пойти на мерзость - предать товарищей и идеи, которым служил всю жизнь.

Вывод второй. "Беседа" является дополнительным свидетельством того, что КГБ и ныне, как и при Сталине, продолжает оставаться органом войны с народом. Такой характер прошлой деятельности этого органа достаточно хорошо выяснен и в дополнительных иллюстрациях, полагаю, не нуждается.

Сегодняшние дела имеют значительно меньшую ясность. С официальных трибун нас пытаются убедить, в том числе и Вы, что ныне сей орган занят только разведкой и борьбой с разведывательной деятельностью врага. Но какое же отношение имеют к разведывательной или контрразведывательной деятельности писания "Посева", мои открытые письма Косыгину и в редакцию "Московской Правды" или же "беседа", о которой рассказано в этом письме? Мне известны десятки дел, не только в Москве, но и в Ленинграде, на Украине, в Казахстане и Узбекистане, которые прошли в суды через КГБ. И среди них - ни одного шпионского. Судят, в основном, по обвинению в измене Родине - попытки нелегально покинуть свою страну - и в антисоветской деятельности распространение нелегальных листовок, отстаивание национального равноправия, демонстрации, защита свободы литературного творчества и т. п. Думаю, Вы не станете спорить, что и те и другие преступления - искусственные.

Последние происходят потому, что правительство, нарушив Конституцию, лишило советских людей главных из конституционных прав - права на свободу слова, печати, собраний, митингов, демонстраций. Лишило тайно и, я бы сказал, нечистоплотно - путем внесения в Уголовный кодекс статей, замаскированно отменяющих конституционные свободы. Естественно, что в таких условиях "антисоветчиками" становятся как раз наиболее честные, наиболее порядочные, наиболее чуткие к чужому несчастью, наиболее независимые, с особо развитым чувством собственного достоинства и уважения к людям, наиболее доверчивые, можно даже сказать, наиболее наивные, верящие во все, что преподносится народу под покровом из красивых слов о чести, долге, идеалах, верящие всему, что пишется не только в конституции, но даже и в газетах.

И если бы наши суды были, как записано в Конституции, независимыми и подчинялись только закону, то они не приняли

бы к производству ни одного из известных мне политических дел и возбудили бы перед Верховным Советом СССР вопрос о привлечении правительства к ответу за антиконституционные действия. Но суд есть то, что он есть на самом деле, - "орган власти" (В. И. Ленин) - и ничем иным быть не может. А будучи органом власти, он не может не участвовать и в антиконституционных, т. е. направленных против народа действиях, если власть идет на это. Таким же органом власти является и КГБ. И основное его назначение состоит отнюдь не в том, о чем говорят апологеты власти с официальных трибун, со страниц унифицированной прессы, с театральных подмостков, с экранов кино и телевизоров, из радиоприемников и репродукторов. Его задача - выполнять роль основного орудия насилия внутри страны при проведении в жизнь всех установок правительства, в том числе и антиконституционных, т. е. полностью противозаконных.

Так поступают с узаконенными правами советских граждан. Еще хуже, когда признанные всем культурным миром. Права человека в нашей стране даже не декларированы. Говоря об этом, я имею в виду дела о нелегальных переходах границы и о других способах советских граждан покинуть свою страну. В статье 13 Всеобщей Декларации Прав Человека, принятой Организацией Объединенных Наций 10 декабря 1948 года, сказано: "Каждый человек имеет право свободно покидать страну, включая и свою собственную, и возвращаться в свою страну". Наше правительство в своих официальных заявлениях называет закрепленные в данной декларации права человека "общепризнанными нормами", а в законодательстве и в повседневной практике попирает эти "общепризнанные нормы". Название такому поведению найдите сами. Мое, пожалуй, будет слишком неблагозвучным. Многие советские граждане долгие годы томятся в тюрьмах и лагерях лишь за попытку воспользоваться одной из "общепризнанных норм" Декларации Прав Человека (ст. 13, пункт 2).

В ходе беседы меня пытались убедить, что ограничение конституционных свобод и свободы передвижения вызвано стремлением не допустить образования почвы, на которой мог бы паразитировать шпионаж и измена Родине. Но такое объяснение, по-моему, даже и обсуждать неприлично.

Если Вы марксист, а думать иначе я не могу, поскольку Вы входите в состав высшего руководящего органа партии, называющей себя марксистской, то Вы не можете не знать, что развитие общества, как и всего в природе, идет через противоречия, которые выявляются в общественной жизни только через борьбу мнений. Поэтому нормально развивающимся

обществом можно считать только такое, в котором имеются нормальные условия для борьбы мнений.

Мнения в обществе выражаются через людей, а среди них не так уж много тех, кто способен выражать общественное мнение, и, самое главное, совсем нет таких, кто нес бы в себе абсолютную истину. Отдельные люди могут лишь приближаться (больше или меньше), да и то не к абсолютной, а к относительной истине. Выявиться же в относительно полном объеме истина может лишь в столкновении мнений. Ленин стал тем, чем мы его знаем, только потому, что становление его как вождя мирового пролетариата происходило в обстановке бурного общественного творчества, в открытой, свободной борьбе мнений. Время, в котором отсутствовали такие условия, могло дать только такого мрачного тирана, такого "нелюдя", как Сталин.

В обществе всегда идет борьба нескольких меньшинств за влияние на главную массу населения. Ни одно из этих меньшинств не владеет истиной "в первой инстанции". Непогрешимость и всезнайство паразитируют только на невежестве и насилии. Фактически же то или иное из меньшинств на данном этапе может наиболее близко подойти к истине. И если в обществе нет физического подавления одним меньшинством других, то наиболее приблизившиеся к истине завоевывают на свою сторону большинство населения. Я говорю большинство, а не подавляющее большинство и, тем более, не все население, потому что такого в свободном обществе нельзя представить себе даже теоретически.

Сейчас в мире нет общества, которое можно было бы назвать полностью свободным. Даже в странах с широкой демократией стоящее у власти меньшинство различными способами создает преимущества распространению своих взглядов и мешает распространению взглядов других меньшинств. Что же касается стран с тоталитарным режимом, то в них все мнения, не соответствующие взглядам "власть предержащего", подавляются физически всей мощью государственного аппарата насилия. Там нет нормального развития общественной жизни. Там идет, с одной стороны, усиленный процесс загнивания общественного организма, а с другой накопление гнева народного. В такой стране рано или поздно неизбежны серьезнейшие социальные потрясения и поражения, подобные тому, которое потерпели все тоталитарные арабские государства в войне с демократическим Израилем.

Я прошу простить, что пишу Вам о таких азбучных для образованного марксиста истинах, но это вызвано тем, о чем я скажу в конце, а также возникновением разногласий по этому

вопросу с моими собеседниками. Они меня пытались убедить, что мое "протестанство" совершенно бесперспективно, так как 99,99% населения нашей страны голосует за политику нынешнего партийно-государственного руководства. Этот довод (для Вас, думаю, очевидно, и без моих пояснений) - несостоятелен. Во-первых, потому, что малое количество сторонников каких-либо взглядов не может свидетельствовать ни о несостоятельности этих взглядов, ни, тем более, об их вредоносности. Даже отсутствие сторонников определенных взглядов в какой-либо стране не может свидетельствовать о неприемлемости этих взглядов для данной страны.

В конце 19 века большевизмом в России и не пахло. В начале нынешнего века большевики вряд ли набрали бы даже одну сотую процента населения в свои сторонники. А через полтора десятка лет за ними пошла вся Россия. Если исходить из принципов марксизма, то надо не хвастаться малым количеством противников нынешнего режима, а добиваться, чтобы народ получил возможность для неограниченного ознакомления со взглядами оппозиции, ибо, как бы слаба она ни была, не исключено, что именно ее взгляды наиболее полно отражают назревшие потребности ближайшего обозримого будущего. Этого не смогут понять только круглые невежды, которые не знают даже того, что ни одна наука (в том числе, естественно, и наука об обществе) не может развиваться без борьбы мнений, без свободы критики. Не поймут этого также те, кому страх потерять Общественные привилегии затуманивает разум.

Но из марксизма-ленинизма вытекает и еще один вывод. Он заключается в том, что такое "единодушие" народа - явная ненормальность, патология в развитии общественного организма. Он тяжело болен. В нем нет нормальных условий для борьбы мнений, а следовательно, и для развития общества. Диагноз же только один - застарелая, тяжелая форма тоталитаризма.

Именно поэтому возглавляемый Вами орган государственной власти занят преимущественно войной с народом. Именно поэтому, несмотря на все усилия кинопропаганды и славословия со страниц официальной прессы, любовью народной этот орган не пользуется. Думаю, не только у меня возникают отнюдь не художественные ассоциации при виде монументального здания на Лубянке. Я умышленно не говорю о площади Дзержинского, чтобы ничем не связать светлое имя "рыцаря революции" с учреждением, ныне размещающимся в этом здании.

Глядя на него, я не вижу ни его архитектурных особенностей, ни пустых тротуаров вокруг него. Мне представляются только тяжелые бронированные ворота с тыльной стороны здания,

путанные проезды внутри двора, внутренняя тюрьма с моей одиночной камерой (No 76) в ней и прогулочными металлическими клетками на крыше здания. И еще я вижу грязные, заляпанные известкой тома Ленина, которые после длительных моих требований достали специально для меня с чердака лефортовской тюрьмы, и туда же, видимо, отправили "по минованию надобности". А ведь немало и таких, кому видятся еще и подвалы этого здания с орудиями бесчеловечных пыток.

И никакое кино, никакая хвалебная литература не помогут до тех пор, пока эта организация будет продолжать войну с народом, до тех пор, пока не будут до конца разоблачены античеловеческие дела, творившиеся за этими стенами, до тех пор, пока камеры пыток и применявшиеся в них орудия не станут экспонатами музея, как казематы Петропавловки. До тех пор, пока это не сделано, нельзя верить ни одному слову тех, кто является наследниками, а может быть, и соучастниками ягод, ежовых, берий, абакумовых, меркуловых.

Возникает вопрос - зачем я Вам все это написал? Чтобы не нужно было гадать, произведу суммирование.

Я не признаю за КГБ права действовать противно Конституции: вмешиваться в частную жизнь граждан, мешать им выполнять свой общественный долг, как они сами его понимают, а не как предписывает власть, вызывать людей для проведения так называемой "профилактики", а вернее для того, чтобы напугать и деморализовать тех, у кого начинает просыпаться общественное сознание и кто еще недостаточно усвоил свои гражданские и человеческие права.

Применяя сказанное к себе, я настаиваю, чтобы мне не мешали пользоваться свободой слова, печати, собраний, митингов, демонстраций, а также не препятствовали общению со всеми, с кем я считаю нужным общаться, вне зависимости от того, гражданами какой страны они являются. Настаиваю также, чтобы была прекращена унизительная для меня филерская слежка, прослушивание квартиры и телефонных переговоров, перлюстрация писем.

Думаю, излишне даже и говорить, что предоставленного мне Конституцией права я никогда не использую во вред моей Родине и делу коммунизма. Мне нечего скрывать. Намерения мои честные, и нечего тратить народные деньги на содержание дармоедов, филерствующих по моим следам и по следам членов моей семьи. Я свои намерения могу сообщать даже наперед - и не закрытыми донесениями, а во всеуслышание.

Так, ближайшими моими намерениями являются следующие:

- непримиримая борьба с раскольниками мирового

коммунистического движения, прежде всего, с теми, которые находятся в рядах КПСС, особенно на высших руководящих постах;

- борьба против вольных и невольных извращений и прямой фальсификации марксизма-ленинизма, что получило широчайшее распространение в советской печати;

- разоблачение всяческой лжи и фальсификации как в отношении исторических событий, так и современных явлений внутренней жизни страны, что тоже широко распространено в печати и в устной информации;

- борьба за ликвидацию беззаконий в отношении лично меня.

По последнему вопросу могу уточнить, что я имею в виду конкретно.

Вы знаете, что до сих пор я был готов пойти и на формальное восстановление законности, т. е. на то, чтобы не брать под сомнение истинность моей психической невменяемости, если правительство признает определение суда и приведет мое правовое и материальное положение в соответствие с этим определением. Сейчас я на это не согласен. За три года мытарств я понял, что там, где произвол, компромиссы невозможны. Поэтому теперь я буду бороться за установление полной и неприкрытой истины. Эту борьбу я делю на два этапа.

Этап первый. Борьба за отмену диагноза лживой психиатрической экспертизы. Я не сомневаюсь, что добьюсь этого, если сумею достигнуть полной гласности. Достигнуть же ее можно только путем использования конституционных свобод, особенно свободы слова и печати.

Во втором этапе я буду добиваться открытого следствия и суда надо мною по делу, состряпанному в 1964 году и послужившему поводом для заключения меня в тюремную "психиатричку". После суда я отдам все силы и время, сколько бы его ни потребовалось, чтобы посадить на скамью подсудимых всех организаторов и исполнителей учиненной надо мной беззаконной расправы. Хочу надеяться, что у нового руководства КГБ достанет уважения к правосознанию граждан, чтобы не мешать мне выполнить этот мой гражданский долг.

Вот и все, что я хотел сообщить Вам.

Письмо это предназначено только для Вас. Но если я не получу в течение разумного срока удовлетворяющего меня ответа, я сделаю его орудием самозащиты. Тон и размеры письма объясняются именно этим, вторым его предназначением.

Вам лично мне очень хотелось бы написать в более дружелюбном тоне, что, как я понимаю, лучше служит целям достижения взаимопонимания. Но мне так часто, вернее даже -

всегда, не отвечали. Под влиянием последнего, работая над письмом, я больше думал о втором его предназначении.

С уважением

П. Григоренко

P.S. Разумным я считаю срок не более месяца. Но если Вы считаете его недостаточным, прошу сообщить Ваше предложение. Думаю, что согласия на сей счет можно легко достигнуть.

19.2.68 г.

П. Григоренко

Григоренко Петр Григорьевич,

Москва Г-21, Комсомольский проспект,

дом 14/1, кв 96, телефон: Г-6 27 37.

ЗАПИСЬ РЕЧИ

произнесенной 17 марта 1968 года на банкете в ресторане "Алтай", устроенном представителями крымско-татарского народа в Москве по случаю 72-летия писателя А. Е. Костерина

Дорогие товарищи!

Мой самый близкий друг Алексей Евграфович Костерин, который, как вы знаете, лежит сейчас в больнице с тяжелым инфарктом, поручил своей жене Вере Ивановне и мне представлять его на сегодняшнем вечере. Это для меня большая честь. Особенно тронут я тем, что он доверил мне высказать наше общее, т. е. его и мое мнение по вопросу борьбы крымских татар за свою национальную автономию.

Алексей Евграфович, который родился и вырос на многонациональном Северном Кавказе, с детства видел жестокое национальное угнетение малых народов, разжигаемую угнетателями национальную рознь и вражду, отвратительный великодержавный шовинизм. Жестоко страдая от того, что его нация выступает в роли угнетателя "инородцев", он, как русский патриот, решил посвятить всю свою жизнь борьбе за национальное равноправие, за дружбу народов.

Этому своему юношескому решению он не изменил ни разу за свою суровую, нелегкую жизнь.

Три года царской тюрьмы не только не сломили его революционную волю, но еще больше закалили ее. Будучи освобожден Февральской революцией, он с головой уходит в работу по организации и просвещению народов Северного Кавказа. Он не оставил эти народы даже когда край был захвачен "белыми". Он организует партизанское движение в горах и участвует в нем вплоть до полного изгнания белых с Кавказа.

После гражданской войны вопросы национального равноправия остаются главными и в его партийно-советской работе, и в его литературном творчестве.

Только один раз не было слышно протестующего голоса писателя Алексея Костерина. Это случилось в то время, когда происходило зверское изгнание с родных земель немцев Поволжья, калмыков, малых народов Северного Кавказа и вашего народа - крымских татар. Произошло это потому, что не имелось никакой возможности высказаться. Он сам в это время находился за колючей проволокой в сталинско-бериевских лагерях истребления.

Однако и 17 лет лагерного кошмара не сломили его. Оказавшись на свободе, он сразу же, смело и решительно, поднимает свой голос в защиту "малых и забытых".

О нынешней его борьбе говорить не буду. Вы знаете о ней не хуже меня. Его горячее сердце большевика-ленинца целиком отдано борьбе за восстановление ленинской национальной политики. К сожалению, нагрузка оказалась больше, чем могло выдержать это сердце. Но мы все верим, что это временно, и недалек тот день, когда его голос снова зазвучит в полную силу.

(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, возгласы: "Многих лет жизни и здоровья нашему лучшему другу!")

Чем же мне закончить? Что сказать такого, что дало бы его обобщающий портрет? Это нелегко, но я все же попробую.

Это большевик-ленинец, революционер в самом высоком значении этого слова.

Это подлинный гуманист, отдавший все силы своей большой души делу защиты малых наций и народностей, делу борьбы за национальное равноправие, за дружбу всех народов.

Это замечательный и своеобразный писатель, продолжающий лучшие гуманистические традиции русской литературы. К сожалению, жизнь не дала возможности развернуться в полную силу таланту этого писателя. Его и сейчас почти не публикуют, а это, как вы сами понимаете, не может не отражаться на творческой активности писателя.

Это еще и замечательный отец, человек, примером своей жизни воспитавший такую дочь, как Нина Костерина. Вы знаете, наверно, что дневник Нины, изданный многомиллионными тиражами почти на всех языках мира, наряду с дневником Анны Франк служит делу борьбы против фашизма во всех его проявлениях, делу дружбы между народами, развитию гуманистических идей и традиций.

Таков Алексей Костерин, человек, чье 72-летие мы отмечаем сегодня.

Теперь позвольте мне коротко высказать наши с Костериным взгляды по актуальным проблемам вашего движения.

Скоро исполнится четверть века с тех пор, как ваш народ был

выброшен из собственных жилищ, изгнан из земли своих предков и загнан в резервации, в такие условия, в которых гибель всей крымско-татарской нации казалась неизбежной. Но выносливый и трудолюбивый народ преодолел все и выжил назло своим недругам.

Потеряв 46% своего состава, он начал постепенно набирать силы и вступать в борьбу за свои национальные и человеческие права.

Эта борьба привела к некоторым успехам: снят режим ссыльнопоселенцев и произведена политическая реабилитация народа. Правда, последнее сделано с оговорками, значительно обесценивающими этот акт, и, главное, кулуарно широкие массы советского народа, которые в свое время были широко информированы о том, что крымские татары продали Крым, так и не узнали, что эта продажа - вымысел чистейшей воды. Но хуже всего то, что указом о политической реабилитации одновременно, так сказать - походя, узаконена ликвидация крымско-татарской нации. Теперь нет, оказывается, крымских татар, а есть татары, ранее проживавшие в Крыму.

Один этот факт может служить убедительнейшим доказательством того, что ваша борьба не только не достигла цели, но в известном смысле привела к движению назад. Репрессиям вы подвергались как крымские татары, а после "политической реабилитации" оказалось, что такой нации и на свете нет.

Нация исчезла. А вот дискриминация осталась. Преступлений, за которые вас изгнали из Крыма, вы не совершали, а возвратиться в Крым вам нельзя.

На каком основании ваш народ ставят в столь неравноправное положение?! Статья 123 Конституции СССР гласит: "Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав ... граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности ... - карается законом".

Таким образом, закон на вашей стороне. (Бурные, продолжительные аплодисменты.) Но, несмотря на это, права ваши попираются. Почему?!

Нам думается, что главная причина этого заключается в том, что вы недооцениваете своего врага. Вы думаете, что вам приходится общаться только с честными людьми. А это не так. То, что сделано с вашим народом, делал не один Сталин. И его соучастники не только живы, но и занимают ответственные посты. Они боятся, что если вам возвратят незаконно отнятое, то им придется со временем отвечать за свое участие в произволе. (Бурные аплодисменты.) Поэтому они принимают все меры, чтобы

не допустить успеха в вашей борьбе. Ведь если сохранить все, как есть, то вроде бы в прошлом и не было никакого беззакония.

А вы избрали тактику, которая помогает им добиваться этого Вы обращаетесь к руководству партии и правительства со смиренными письменными просьбами, которые идут через руки тех, кто настроен против вашего национального равноправия. А так как просят лишь о том, на что безусловного права не имеется, то ваш вопрос преподносится тем, кто его решает, как вопрос сомнительный, спорный. Ваше дело обволакивается не имеющими к нему отношения суждениями. Например: "В Крыму нет свободных мест для поселения татар", "Если татары уедут, в Средней Азии некому будет работать", "Крымско-татарский народ обжился на новом месте. К тому же, он не представляет из себя самостоятельной нации, поэтому, кому из них хочется жить в татарской республике, пусть едет в Татарскую АССР", "На переселение надо много денег" и т. д.

Все перечисленные, как и множество других мотивов, выдвигаемых врагами вашего национального возрождения, яйца выеденного не стоят. Но так как вы просите, а против вашей просьбы выдвигаются "веские" возражения, то дело не двигается или двигается в обратном направлении. Чтобы покончить с этим ненормальным положением, вам надо твердо усвоить - то, что положено по праву, не просят, а требуют! (Бурные аплодисменты, возгласы: "Правильно!", "Верно!", "Ура!")

Начинайте требовать. И требуйте не части, не кусочка, а всего, что у вас было незаконно отнято - восстановления Крымской Автономной Советской Социалистической Республики! (Бурные аплодисменты, возгласы: "Да здравствует Крымская АССР!", "Ура!")

Свои требования не ограничивайте писанием петиций. Подкрепляйте их всеми теми средствами, которые вам предоставляет Конституция - использованием свободы слова и печати, митингов, собраний, уличных шествий и демонстраций.

Для вас издается газета в Москве. Но делающие эту газету люди не поддерживают ваше движение. Отберите у них газету. Изберите свою редакцию. А если вам помешают сделать это - бойкотируйте эту газету и создавайте другую свою! Движение не может нормально развиваться без собственной печати.

В своей борьбе не замыкайтесь в узко национальную скорлупу. Устанавливайте контакты со всеми прогрессивными людьми других наций Советского Союза, прежде всего, с нациями, среди которых вы живете, с русскими и украинцами, с нациями, которые подвергались и подвергаются таким же унижениям, как и ваш народ.

Не считайте свое дело только внутригосударственным. Обращайтесь за помощью к мировой прогрессивной общественности и к международным организациям. То, что с вами сделали в 1944 году, имеет вполне определенное название. Это чистейшей воды геноцид - "один из тягчайших видов преступления против человечества..." (БСЭ, т. 10, стр. 441).

Конвенция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г., отнесла к геноциду "... действия, совершенные с намерением уничтожить полностью или частично какую-нибудь национальную, этническую, расовую или религиозную группу..." различными методами и, в частности, путем умышленного создания "для них таких условий жизни, которые имели бы целью ее полное или частичное физическое уничтожение ..." (там же). Такие действия, т. е. геноцид, "... с точки зрения международного права является преступлением, которое осуждается цивилизованным миром и за совершение которого главные виновники и соучастники подлежат наказанию" (там же). Как видите, международное право тоже на вашей стороне. (Бурные аплодисменты.) И если бы вам не удалось решить вопрос внутри страны, вы вправе обратиться в Организацию Объединенных Наций и в Международный трибунал.

Перестаньте просить! Верните то, что принадлежит вам по праву, но незаконно у вас отнято! (Бурные аплодисменты, в едином порыве все вскакивают со своих мест и скандируют: "КрымАССР!, КрымАССР!..) И запомните: в этой справедливой и благородной борьбе нельзя позволить противнику безнаказанно выхватывать бойцов, идущих в первых шеренгах вашего движения.

В Средней Азии уже состоялся ряд процессов, на которых незаконно, по ложным мотивам, осуждены борцы за национальное равноправие крымских татар. Сейчас в Ташкенте готовится процесс такого же характера над Энвером Маметовым, Юрием и Сабри Османовыми и другими. Не допустите судебной расправы над ними. Потребуйте, чтобы в соответствии с законом суд был открытым. Добейтесь открытого суда, массой придите на него и не допускайте, чтобы зал заполнили специально подобранной публикой. В зале должны сидеть представители крымско-татарского народа.

И последнее. Алексей Евграфович просил передать вам, что он получил много писем и телеграмм с поздравлениями от крымских татар. Ответить на них он сейчас не может и поэтому просит вас передать его самую искреннюю и глубокую благодарность всем, кто так или иначе прислал ему свои слова привета и поздравления. Он заверяет, что и впредь он будет

отдавать все силы выполнению своего патриотического и интернационального долга, делу борьбы за полное равноправие всех наций, за искреннюю дружбу между всеми народами мира.

Я поднимаю свой бокал за смелых и несгибаемых борцов за национальное равноправие, за одного из наиболее выдающихся бойцов этого фронта, за писателя, большевика, интернационалиста Алексея Костерина, за здоровье крымско-татарского народа! Я желаю вашему народу полного успеха в его справедливой борьбе! За встречу в Крыму, дорогие друзья, на территории восстановленной и возрожденной Крымской Автономной Советской Социалистической Республики!!!

(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, здравицы в честь Крымской АССР, пение "Интернационала".)

Запись проверил и исправил П. Григоренко.

19.3.68 г.

ПАМЯТИ СОРАТНИКА И ДРУГА

Выступление П. Григоренко на похоронах А. Е. Костерина в московском крематории 14 ноября 1968 года

Подвиг воина гигантский
И стыд сраженных им врагов
В суде ума, в суде веков
Ничто пред доблестью гражданской.
К. Рылеев. Ода "Гражданское мужество".

Да, далеко не каждый наделён таким качеством, как гражданское мужество. Алексею Евграфовичу, тело которого мы провожаем сегодня в последний земной путь, это качество было присуще органически.

На моих глазах совершались героические воинские подвиги. Совершали их многие. На смерть во имя победы над врагом на поле боя шли массы. Но даже многие из тех, кто были настоящими героями в бою, отступают, когда надо проявить мужество гражданское. Чтобы совершить подвиг гражданственности, надо очень любить людей, ненавидеть зло и беззаконие и верить, верить беззаветно в победу правого дела. Алексею все это было присуще. И тем тяжелее нам сегодня.

Дорогая Вера Ивановна, дорогие Лена и Алеша, дорогие Ирма и Вера, дорогие родственники покойного! Мы понимаем, как всем вам тяжело, особенно вам, Вера Ивановна, - его самому близкому человеку. Мы понимаем как тяжело его дочери Лене и воспитывавшемуся у вас внуку - наследнику имени и дела своего деда Алеше Костерину. Понимаем и горе Ирмы, для которой в лице Алексея Евграфовича ушёл из жизни не просто брат ее растрелянного отца, а человек, на которого она перенесла дочернюю любовь. Но поверьте, что наша скорбь, горе его друзей

и соратников, тоже очень тяжелы. Наши ряды поредели, и утрату эту мы ничем восполнить не можем. В наших рядах мы, видимо, ещё долго будем ощущать большую брешь, а в сердцах - неутихающую боль. Вот почему, выражая вам самое сердечное соболезнование, я одновременно соболезную всем его друзьям, всему демократическому движению, особенно всем борцам за национальное равноправие малых наций. Они потеряли в лице Алексея Костерина горячего и непоколебимого, умного и душевного своего защитника. Я вижу здесь представителей многих наций. Их было бы куда больше, если бы люди вовремя узнали о его кончине. Но, к сожалению, наша печать не пожелала оповестить об этом, а телеграф позаботился, чтобы некоторые телеграммы шли не очень быстро. В Фергане, например, телеграмма получена только вчера вечером. Поэтому, выражая соболезнование всем вам, я одновременно не могу не выразить своего возмущения и презрения тем, кто всячески пытался помешать нам провести похороны достойно того, что заслужил этот человек.

Дорогие товарищи! И моя душа стонет от горя. И я плачу вместе с вами. Особенно соболезную я вам, представители многострадального крымско-татарского народа. Многие из вашей нации знали Алексея Евграфовича при его жизни, дружили с ним. Он был всегда с вами и среди вас. Он и останется с вами. Думаю, что Нурфет, звонивший вчера из Ферганы, выразил общее мнение вашего народа, когда заявил: "Мы не признаём его смерти. Он будет всегда жить среди нас". Вы знаете, что Алексей Евграфович питал чувства большой любви к вашему народу. Недаром он и прах свой завещал крымским татарам. И мы - Вера Ивановна и все его друзья - выполним этот завет и перевезем урну с его прахом в Крым, как только будет восстановлена крымско-татарская автономия на земле ваших предков. Верьте, Костерин будет продолжать бороться за это. Мы надеемся также, что среди советских писателей найдутся люди, способные подхватить костеринское знамя и повести борьбу за равноправие малых народов не только в США, Латинской Америке и Африке, но и у себя дома, в своей стране.

Я очень недолго знаю Алексея. Меньше трех лет. Но у меня прошла с ним рядом целая жизнь. Самый близкий мне человек еще при жизни Костерина сказал: "Тебя сотворил Костерин". И я не спорил. Да, сотворил - превратил бунтаря в борца. И я ему буду благодарен за это до конца дней своих. Я буду помнить каждый шаг пройденный с ним рядом. Мы были неразлучны, даже когда находились территориально врозь. И я могу сказать, что знаю этого человека всю жизнь и одобряю каждый его шаг,

каждую его мысль. И он дал мне право называться одним из самых близких его друзей.

Что же могу сказать я о нем, как самый близкий его друг? Что привлекало меня в нем с особой силой?

Прежде всего, - его человечность, его неиссякаемая любовь к людям и вера в них, вера в то, что человек создан для того, чтобы идти по земле с гордо поднятой головой, а не ползать - то ли перед властью денег, то ли перед "авторитетами", то ли перед власть имущими. Человек по Костерину - мыслящее существо. Поэтому ему от природы присуще стремиться к познанию, т. е. критически оценивать действительность, делать собственные выводы и свободно высказывать свои убеждения и взгляды. Он и сам был таким человеком мыслителем с очень зорким взглядом на жизнь. За эту черту его жутко ненавидели те, кто считает, что люди существуют для того, чтобы создавать фон для "вождей", аплодировать им и кричать "ура!", слепо верить в них, молиться на них, безропотно сносить все их издевательства над собой и похрюкивать от удовольствия, если в корыто нальют пойла побольше, чем в другие, и погуще.

Алексей отвечал таким существам в человеческом образе полной взаимностью. Людьми их он не считал и верил, что недалеко то время, когда человечество навсегда избавится от подобной мерзости. Он ненавидел не только их, но и созданные ими порядки. Он не уставал повторять слова Ленина: "Нет ничего более жестокого и бездушного, чем чиновничье-бюрократическая машина". Поэтому он считал, что у коммуниста нет более важной задачи, чем разрушение этой машины. Но он не был экстремистом в принятом ныне значении слова бунтарем-разрушителем. Он был уверен, что работа разрушения этой машины - не просто разовое силовое действие, что это - длительная работа, связанная с преодолением многовековых предрассудков и мистического преклонения перед государством, веры в то, что люди могут существовать только в условиях надсмотра над ними, в условиях подавления их мысли и воли извне навязанной силой. Иначе говоря, разрушение чиновничье-бюрократической машины это, прежде всего - революция в умах, в сознании людей, что немыслимо в условиях тоталитаризма. Поэтому важнейшая задача сегодняшнего дня - развитие подлинной ленинской демократии, бескомпромиссная борьба против тоталитаризма, скрывающегося под маской так называемой "социалистической демократии". Этому он и отдавал все свои силы.

Сегодня на примере жизни, смерти и похорон Костерина мы воочию убеждаемся в правоте ленинской характеристики

"нравственного лица" чиновничье-бюрократической машины. В условиях господства этой машины любой из тех, кто сидел на партийном собрании, разбиравшем "персональное дело Костерина", молча слушал клевету на своего товарища по партии, зная, что тот стоит на краю могилы, и потом голосовал за его исключение, понимая, что это не только морально-психический удар по тяжело больному человеку, но и санкция на дальнейшую его травлю, может сказать - "Ну, что я мог поделать один?" - и, освободив таким образом совесть, спать спокойно. До этих людей, воспитанных не в духе личной ответственности за все, что происходит в мире, а в бездушном подчинении "указаниям", так и не дойдет, что они участвовали в убийстве человека, т. к. не только травмировали больного, но хотели лишить его того главного, что делает человека человеком - права мыслить.

А те, кто организовали исключение из партии, а затем как воры, в глубокой тайне, пытались лишить Костерина писательского звания, а вернее, тех преимуществ, кои вытекают из права быть записанным писателем в бюрократических кондуитах, - они что скажут? Они получили "указания" и с видом всемогущим взялись за "разжалование", даже не понимая, что имя писателя приобретается не путем подачи заявления о приеме в ССП. Они забыли, а может и не знают, что ни Пушкин, ни Толстой в этой организации не состояли. Они настолько веруют в силу своих бюрократических установлений, что пытались лишить писательского звания даже такого величайшего поэта нашей страны, как Пастернак. Они не понимают и того, что Солженицын и без их Союза останется великим писателем, а его произведения переживут века, в то время как их бюрократическое творение без писателей, подобных Пастернаку и Солженицыну, - никому не нужная пустышка. Им и невдомек, что каждому действительному писателю приятнее разделить судьбу Пастернака и Костерина, чем заседать рядом с воронковыми и ильиными. Им еще многое непонятно - этим винтикам чиновничье-бюрократической машины "во писательстве". Ни у кого из них даже угрызений совести не появится. Как же! Они ведь "долг свой выполнили" - крутили колеса не ими заведенной машины. А что погиб человек в результате этого - так при чем тут они?!

Никто не виновен. У всех совесть чиста. И у директора столовой, который накануне дня похорон принял наш заказ на поминки по усопшему, а за 2 часа до похорон, после того как его навестили двое с синенькими книжечками, категорически отказал и вернул полученный накануне задаток; и у коменданта крематория, который под руководством таинственной личности в цивильном сократил положенные нам полчаса (два оплаченных

срока) до 18 минут; и у тех многочисленных типов в гражданском и чинов милиции, которые непрерывно маячили у нас на глазах, омрачая и без того тяжёлые минуты нашего горестного прощания, - у всех у них совесть спокойная. Все они выполняли "указания", хотя никто из них даже не знает толком, от кого они исходят. Только у одного человека работника морга, который, тоже руководствуясь указаниями таинственной личности, выдал нам тело нашего друга не за час, как было условлено, а за 20 минут до отъезда из морга, - только у него, после того, как он прослушал выступления нескольких друзей писателя-большевика, шевельнулось, видимо, что-то человеческое, и он с просительно-извиняющимся выражением на лице сказал нам вслед: "Поймите, пожалуйста, что я же не по своей воле сделал это".

Вот какова эта машина, машина, вращаемая нашими руками и головами, беспощадно нас давящая, уничтожающая лучших людей нашего общества, делающая всех невиновными, неответственными за совершаемые ею преступления, освобождающая своих слуг от совести. Страшная, жестокая, бездушная машина.

Именно против этой машины и боролся Костерин всю свою жизнь. Именно от нее он защищал людей. И люди шли к нему, становились с ним рядом, заслоняли его собой. В его кругу не возникал ни национальный вопрос, ни проблема отцов и детей. Украинцы, немцы, чехи, турки, чеченцы, крымские татары и многие другие национальности (всех и не перечислить) находили теплый прием в его доме; среди всех них, а особенно среди крымских татар, чеченцев и ингушей, у него было много близких друзей. То же и с возрастами. Наряду с людьми его поколения, с ним дружили и люди среднего возраста, и молодежь - такие, как талантливый физик-теоретик, сведённый в могилу той же чиновничье-бюрократической машиной, 28-летний Валерий Павлинчук, как ныне отбывающий срок в лагерях строгого режима организатор демонстрации на площади Пушкина в защиту Галанскова, Гинзбурга и других - Володя Буковский, и многие еще более молодые, которых я, по понятным причинам, не назову.

В надгробной речи нельзя рассказать все о таком человеке, как покойный, особенно, когда горло сжимается горем и душит злоба против убийц этого замечательного человека - коммуниста, демократа-интернационалиста, несгибаемого бойца за человеческое достоинство, за права человека, когда слуги убийц пытаются прервать тебя, не дать тебе высказать все что просится наружу из самой глубины сердца.

Прощаясь с покойником, обычно говорят: "Спи спокойно,

дорогой товарищ!". Я этого не скажу. Во-первых, потому что он меня не послушает. Он все равно будет воевать. Во-вторых, мне без тебя, Алеша, никак нельзя Ты во мне сидишь. И оставайся там. Без тебя и мне не жить. Поэтому не спи, Алешка! Воюй, Алешка Костерин, костери всякую мерзопакость, которая хочет вечно крутить ту проклятую машину, с которой ты боролся всю жизнь! Мы, твои друзья, не отстанем от тебя.

Свобода будет! Демократия будет! Твой прах в Крыму будет!

ЕЩЕ ОДНА ИЗДЕВКА НАД ЧУВСТВАМИ СВЯТЫМИ

Похороны писателя-большевика, непоколебимого марксиста-ленинца - Костерина Алексея Евграфовича перевернули еще одну страницу повествования о времени страшном, о делах людей, утративших суть человеческую.

Кто из нас не возмущался до глубины души, читая, как католическая церковь подвергла гонениям мертвого Паганини?! Но нечто подобное произошло и на наших глазах. И не где-то в медвежьем углу, на краю света, а в столице первого в мире социалистического государства. И не в среде каких-то мракобесов, а в "культурном обществе", среди людей, именующих себя "инженерами душ человеческих". И не в лоне средневековой католической церкви или какой-то мракобесной секты, а по инициативе людей, называющих себя коммунистами и носящих в своих напротивосердечных карманах красные книжечки с образом Ильича.

Алексей Костерин умер 10 ноября в 9 часов 20 минут. Никто, разумеется, не думал, что он будет жить вечно. Но в нем было столько оптимизма и юношеского задора, глаза его сверкали так молодо, а смех был столь заразителен, что никто из нас не думал о худшем. Состояние его ухудшилось еще перед праздником. Накануне (9 ноября) ему стало еще хуже и врач сказал его жене - Вере Ивановне - "Приготовьте себя к самому худшему". И все же думать о самом худшем не хотелось. Да и Алексей не позволял нам обращаться к таким мыслям. Он по-прежнему шутил, заразительно смеялся, обсуждал с друзьями перспективы демократизации нашей жизни. Поэтому, когда произошло страшное, бессмысленное, мы все были поражены, потрясены, оказались в столь шоковом состоянии, что в первый день не смогли ничего предпринять - ни оповестить друзей и родных, ни сообщить в организацию писателей, членом которой он состоял со дня ее создания.

Каково же было наше удивление, когда на следующий день (11 ноября) наши представители - племянница писателя Ирма Михайловна и один из его друзей Петр Якир, - прибывшие около 12 часов в Союз писателей, узнали, что там все известно. Больше

того, они уже назначили время кремации - 16 часов 12 ноября, т. е. оставалось в нашем распоряжении всего около суток. Наши представители, разумеется, запротестовали. Петр Якир сказал: "Этого времени, конечно, хватит на то, чтобы сжечь мертвое тело. Но нам надо еще и проститься с покойным". И вот тут впервые были произнесены слова, которые затем сопровождали нас вплоть до печки крематория: "Вам что, демонстрация нужна? Этого мы вам не позволим!"

Наши представители обратились к Ильину, сослались на положение, по которому для усопших ветеранов ССП предусмотрено - давать объявление в печати о смерти, месте и времени прощания с покойным и похорон, публиковать некролог, предоставлять для прощания с покойным и для гражданской панихиды место в доме литераторов, хоронить за счет средств литфонда на Ново-Девичьем кладбище, - и попросили все это и для Костерина - члена ССП со дня его основания. Но во всем этом было отказано. И опять под девизом - "Мы вам не позволим устраивать демонстрации". Под конец все же "смилостивились" и взяли на средства литфонда оплату за катафалк и за кремацию. Однако нам пришлось заявить, что мы откажемся и от этой милости, т. к. литфонд так спланировал подачу катафалка и доставку гроба, что мы могли видеть покойного только в течение тех нескольких минут, когда он будет находиться на постаменте в крематории. Тогда литфонд пошел на уступки: согласился, чтобы гроб с покойником был выставлен на один час в похоронном зале морга, оплатил в крематории за два срока, т. е. предоставил нам постамент и трибуну на полчаса и зафрахтовал, помимо катафалка, еще и два автобуса (впоследствии литфонд отказался оплатить счет за автобусы). Уже без литфонда мы сняли столовую для поминок.

Таким образом, все устраивалось более или менее прилично. Но в день похорон вдруг начались сюрпризы. Началось с того, что автобусы с людьми и венками к моргу не подпустили - остановили метров за 800. Кто остановил? Городская служба регулирования. По странному стечению обстоятельств, она выставила ровно за час до нашего приезда регулировочный пост у въезда на территорию боткинской больницы. Правда, пост там не задержался надолго; он был снят сразу, как только мы убыли из морга. За время своего существования он проделал огромную работу - задержал два наших автобуса и... больше ничего. Вторым сюрпризом, правда, не совсем неожиданным, оказалась усиленная забота о нашей "безопасности" со стороны милиции и сотрудников КГБ. И тех и других собралось вокруг морга немало. Парочка людей с голубыми книжечками прошла и в отделение,

где тела усопших подготовляются к выдаче. После этого началось подлинное чудо. Покойника нам не выдавали ни в 17 часов, как было условлено, ни в 17.10, ни в 17.20. Мы заволновались. Несколько раз вызывавшийся нами завморгом бормотал что-то невразумительное и смотрел на нас умоляющими глазами. Офицер милиции, дежуривший у входа в морг, был буквально осажден моими друзьями, выражавшими свое возмущение самым энергичным образом. Но он и не пытался с ними спорить или оправдывать происходящее. Он просто заявил: "Ну, что вы хотите от меня? Я вас понимаю и сочувствую вам. Но вы же видели кто туда зашел? Против них я бессилен".

В это время новый сюрприз. Подошли товарищи, готовившие поминки, и сообщили: "Столовую нам отказали. Все было уже приготовлено, но приехали двое в гражданском на серой "Волге", зашли к директору. Затем туда был вызван зав. производством и шеф-повар. После этого нашим товарищам возвратили ранее полученный аванс, по существу ничем не мотивировав отказ от прежде достигнутой договоренности.

Стало ясно, что похороны хотят сорвать. Враги прогрессивного писателя и выдающегося общественного деятеля пытались на мертвом выместить ту злобу, которая накопилась против него живого. Мы подошли посоветоваться к Вере Ивановне и она решила: "Если тело покойного не выдадут немедленно, она не повезет его в крематорий, а доставит домой. Завтра или послезавтра организуем похороны без участия литфонда. Траурный митинг проведем во дворе". Разговор наш слушал человек, с ходу названный нашими острословами - "некто таинственный в шляпе". Именно он, по нашим наблюдениям, являлся руководителем кагебистских проводов Костерина. Его такой оборот событий, видимо, не устраивал, и покойный был выдан нам немедленно. В 17 часов 37 минут мы установили, наконец, гроб на постамент и начали траурный митинг. Прошел он без эксцессов. Друзья покойного создали вокруг гроба столь плотную и монолитную массу, что никто не осмелился нарушить порядок и оскорбить нашу печаль. Из морга я уходил последним, убедившись, что никто не задержан, все унесено и все разместились в автобусах и катафалке.

Зав. моргом, прослушавший некролог и речи друзей покойного, шел за мной с совершенно растерянным и виноватым видом. Когда я уже был на выходе, он умоляюще посмотрел на меня и сказал: "Поймите, что это зависело не от меня". Но я не мог выразить ему сочувствия. Я считал и считаю, что человек только сам себя может сделать человеком. Во всяком случае я не позволил бы никому вмешаться в дела, ответственность за

которые возложена на меня. У нас многие (к сожалению, очень многие), как только услышат магическое слово "КГБ", могут совершать по повелению лица, представляющего эту организацию, самые позорные поступки. Но ведь от этого надо когда-нибудь и отвыкать. Надо же, наконец, вспомнить, что есть такие хорошие слова, как человеческое достоинство.

Движение из морга в крематорий прошло без приключений, если не считать, того, что водитель одного из автобусов вдруг "забыл", как от Красной Пресни проехать на Крымский мост, и повернул совсем в другую сторону. Но наши товарищи были достаточно бдительны и быстро "разъяснили" водителю, какого пути следует придерживаться. В крематории тревога наша усилилась. Подъехав, мы увидели, что двор буквально наводнен милицией и людьми в гражданском, которыми и здесь руководил "таинственный в шляпе". Только шляпы на нем уже не было. Видимо, ему стало "холодно" и во время переезда он сменил ее на шапку. Прямо как в плохом детективе!

Однако тревога наша оказалась преждевременной. У зала крематория собралось 300-400 друзей писателя. Плотной массой они вошли в зал сразу же вслед за гробом. При этом держались столь уверенно и сплочено, что "люди в штатском" не осмелились вклиниться в эту массу и остались у входа в зал и на некотором удалении внутри зала. Здесь тоже была предпринята попытка затянуть начало похорон. Но наши люди, как только наступило время (19.00), подняли гроб и понесли на постамент. Служители, видимо, не посвященные в тонкости "высокой политики", включили свет и началась вторая часть траурного митинга. В середине моей речи через микрофон послышалось: "Заканчивайте!". Через несколько минут окрик этот повторился. После этого, как я узнал впоследствии, "таинственный в шляпе" крикнул коменданту крематория: "Опускайте гроб!" Но стоящие рядом наши товарищи твердо заявили: - Попробуйте только! Еще не истекло и половины нашего времени. - Сказано это было таким тоном, что комендант не стал торопиться выполнять распоряжение, а "таинственный" не осмелился его повторить.

Похороны закончились, как и было запланировано. Ушло на это ровно 18 минут, вместо положенных 30-ти. И в этот раз победителем вышел Алексей Костерин, а не его гонители. Первый свободный митинг после десятилетий удушающего молчания состоялся. Мой друг может гордиться. Даже смертью своею он дал новый импульс демократическому движению в нашей стране. Может гордиться и демократическая общественность. Враги прогресса и демократии, душители всего свободного и передового привлекли для операции "похороны" большое количество

специалистов, натасканных на таких делах и сделавших их своей единственной профессией. Всех этих "спецов" специально готовили - производили проигрыш предстоящих действий, намечали различные варианты, обсуждали их. А мы не готовились совсем. Мы даже не знали, кто придет на похороны. Родственники и ближайшие друзья покойного сами занялись организацией похорон. К ним непрерывно прибывали добровольные помощники. Мы даже не составляли списка выступающих на митинге. Просто давали слово всем, кто просил. И несмотря на это мы победили. Победили потому, что на нашей стороне была справедливость, была уверенность в том, что мы делаем правое дело, на нашей стороне были и порожденные этой уверенностью смелость и инициатива. Никто никому не поручал нести гроб на постамент. Пока мы, самочинные руководители, пререкались с комендантом крематория, доказывая ему, что время наступило, гроб был поднят и поплыл на постамент. Вслед за этим загорелся свет и мне оставалось только отправиться на трибуну. Никто никого не уполномачивал и следить за действиями "таинственного в шляпе" и все же в нужный момент наши люди оказались рядом с ним и сорвали его зловещий замысел. Никто никого не уполномачивал и на то мероприятие, которое оказалось, в конечном итоге, самым важным в объединении и сплочении массы людей, прибывших на похороны. Я имею в виду инициативу наших женщин по изготовлению траурных бантов и повязок. Пользуясь каким-то им одним ведомым чутьем, они выдавали эти банты и повязки только тем, кто пришел почтить память писателя. Из людей "в штатском" траурная повязка была только на "таинственном в шляпе". Именно по этой повязке его и отличали все наши друзья. Наличие траурных бантов и повязок дало возможность отличать своих от пришлых, превратило массу малознакомых и незнакомых людей в единый монолит. Этот пример как нельзя лучше свидетельствует, что правое дело восторжествует, как бы ни боролись против него противники этого дела. Нужна только вера.

Как бы ни судили об этом митинге теперь, но тогда у всех была уверенность, что одержана крупная победа. В связи с этим и настроение у всех было торжественно-приподнятое. Расходиться не хотелось и все собрались вокруг автобуса. Но искушать судьбу дальше не стоило. Провокаторы могли начать действовать, могли попробовать отыграться на нас за свое поражение в борьбе с усопшим Костериным. И я, рассказав присутствующим, как, отказав нам в столовой, попытались сорвать поминки, предложил ехать ко мне на квартиру и устроить поминки там. После этого основная масса наших "опекунов" "отвалила" от нас.

"Таинственный в шляпе", видимо, не сообразил, что даже 45 кв. метров жилой площади могут вместить очень много людей, желающих дружить между собой не из корысти, а по высоким убеждениям. Во всяком случае, в мою квартиру вошли все, кто прибыл в двух битком набитых автобусах. Люди заполнили все комнаты, кухню, ванную комнату, коридор и лестничную площадку перед квартирой. И всем нашлась рюмка водки, бутерброд и чашка чаю. Кстати, и это все было организовано без участия хозяев квартиры, даже неизвестно кем. Нашлось всем и теплое дружеское слово. Траурный митинг продолжался и здесь. Только поздней ночью оставили мой дом - жена покойного и его ближайшие друзья.

Думаю, что все присутствующие на похоронах унесли с собой светлую память о большом человеке и чувство удовлетворенности тем, что каждый из них с достоинством и честью выполнил свой гражданский долг.

П. Григоренко

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР ТОВ. РУДЕНКО Р. А.

19 ноября с. г. с 7 часов утра и до 7 часов вечера у меня на квартире производился обыск.

Я оставляю в стороне вопрос о том, что возглавлял - номинально - эту операцию человек, не имеющий никакого представления ни о процессуальных нормах, ни даже об элементарной вежливости - привыкший по своему произволу распоряжаться судьбами людей, отданных в его руки. Об этом напишут те, кто наблюдал за поведением и действиями следователя по особо важным делам прокуратуры Узбекской ССР, советника юстиции Березовского в течение всего дня. Мне не пришлось столь долго терпеть его хамеж. В знак протеста против неправомерных действий производящих обыск, я отказался от участия в нем через полчаса после его начала. Поэтому расскажу лишь о принципиальных нарушениях, зависящих не только от тех, кто производил обыск.

1. Обыск производился на основании постановления следователя по особо важным делам прокуратуры УзССР, советника юстиции Березовского. Постановление утверждено прокурором города Москвы Мальковым. В постановлении указано, что в ходе следствия по делу Бариева и др. установлено, что на квартире Григоренко П. Г. могут находиться документы, содержащие клеветнические измышления на советский общественный и государственный строй.

Я утверждаю и готов нести всю полноту ответственности за это утверждение, что никаких доказательств возможности наличия названных документов у меня на квартире прокурору

Малькову представлено не было. Во-первых, потому, что нет никакого "дела Бариева и др.". Во-вторых, никогда не существовало и не могло существовать документов, содержащих клевету на советский общественный и государственный строй, которые были бы хоть косвенно связаны с именами Бариева и его товарищей.

Что же имеется на самом деле?!

Есть обычная полицейская провокация против людей, вступающих в борьбу с произволом властей. Вам хорошо известно, что 21 апреля этого года в городском парке культуры и отдыха гор. Чирчика было совершено нападение узбекской полиции (которая почему-то до сих пор называется милицией) на мирное гуляние крымских татар, которое было посвящено дню рождения основателя Советского государства и инициатора установления крымско-татарской национальной автономии - В. И. Ленина. На ничего не подозревавших, мирно гуляющих людей, на танцующую молодежь, на группы поющих национальные и революционные песни, на вы.....самообороны и это потом может быть использовано для обвинения в сопротивлении властям. Но народ проявил .....струи холодной воды и хлорной эмульсии. Этими струями сбивали с ног людей, привели в негодность их одежду, нанесли незаживающие морально-психические раны. Затем пошли в ход полицейские дубинки. Все было рассчитано на то, что возмущенные люди примут меры самообороны и это потом может быть использовано для обвинения в сопротивлении властям. Но народ проявил невероятнейшую выдержку и не поддался на провокацию. Он начал мирную демонстрацию протеста против допущенных в отношении его издевательств. В ответ последовали аресты. Было арестовано свыше 300 человек. 12 из этого числа, в большинстве не участвовавшие в гуляний и арестованные по квартирам, впоследствии были преданы суду и осуждены за "нарушение общественно порядка".

Бариев Айдер - рабочий-тракторист, - которому, удалось избежать ареста, в тот же день улетел в Москву и уже утром 22 апреля Прокуратурой СССР была получена его телеграмма, подробно освещающая чирчикские события - это беспрецедентное попрание человеческих прав и норм человеческой морали. В выражениях он, разумеется, не стеснялся, назвал по-простому, по-рабочему все настоящими именами. Он и дальше продолжал оставаться в Москве, как полномочный представитель пославших его людей, безрезультатно обивая пороги возглавляемого Вами учреждения и других правительственных и общественных организаций. Он вместе с другими представителями своего народа добивался, - используя все, какие находил, возможности, -

наказания чирчикских громил и прекращения незаконных судебных преследований жертв чирчикского погрома. Вы никаким образом не реагировали на личные телеграммы и письма Бариева и на коллективные обращения всех, находящихся тогда в Москве, представителей крымско-татарского народа. Ни Вы и никто из Ваших заместителей ни разу не приняли никого из этих представителей и не попытались даже разобраться в их жалобах. Вы и другим образом не ответили ни на одно из писем. Вы не реагировали на их жалобу о неправомерных действиях в отношении посланцев крымско-татарского народа уже со стороны московской милиции. Вас, верховного блюстителя советских законов, не тронуло то, что людей как диких животных вылавливают на улицах столицы нашей Родины и в скотских условиях принудительно вывозят в опостылевшие места административной ссылки. Вас, юриста и правоведа, не тронуло даже то, что это были не просто люди, а народные представители, то есть граждане, у которых не было права на принятие решения о выезде без согласия их пославших. Вы прошли мимо этого, как и мимо тех трагических случаев, которые произошли в результате того, что люди, стремясь быть достойными оказанного им доверия, предпринимали отчаянные меры, вплоть до выпрыгивания из окон на полном ходу поезда, чтобы уйти от сопровождавшей их милиции и продолжать выполнять поручение, возложенное на них народом.

Бариев, как только был заменен в Москве другим лицом, возвратился в Чирчик и подвергся аресту. Основанием для этого послужили перечисленные выше индивидуальные и коллективные письма представителей крымско-татарского народа, посланные в различные советские учреждения, в том числе и в Прокуратуру СССР, в общественные организации и отдельным представителям советской общественности, а также те информации, которые как отчеты посылались народными представителями из Москвы своим избирателям. Все эти документы были признаны людьми типа Березовского содержащими клевету на советский общественный и государственный строй. Здесь я не стану демонстрировать, как умудряются документ, содержащий правдивое описание истинного события, превращать в клеветнический. Я ограничусь лишь тем, что задам Вам несколько вопросов, имеющих прямое отношение к фабрикации подобных дел.

Я спрашиваю Вас, как верховного блюстителя советских законов, имеет ли кто-либо право привлечь к уголовной ответственности человека за то, что он послал Вам жалобу, которую рассмотреть Вы не удосужились, а факты, изложенные в

ней, не проверили?!

Я хочу спросить Вас - можно ли даже при самой богатой фантазии назвать чирчикское побоище нарушением общественного порядка, а не грубой полицейской провокацией против крымско-татарского народа с целью создания повода для жестоких репрессий, направленных на подавление справедливого движения этого народа за свое национальное возрождение?!

Думаю, что после правдивого ответа на поставленные выше вопросы не стоит даже и спрашивать, является ли все, последовавшее за чирчикскими событиями, выполнением указанной провокационной цели. А если это так, то могли ли узбекские "блюстители законов" представить прокурору Малькову доказательства существования названных в постановлении документов (если, разумеется, сам Мальков не участвует вполне сознательно в этой провокации)?

Так обстоит дело с правовыми основаниями на произведение обыска у меня на квартире. На этом с данным вопросом можно было бы и покончить. Но я не могу не сказать о том, что для меня не ясна, вернее совершенно темна, Ваша личная роль и в чирчикском деле, и в судебных процессах над крымскими татарами, которые состоялись после известного Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. и готовятся сейчас. Их неправомерность, а нередко и открыто провокационный характер настолько очевидны, что диву даешься, как это не может понять юрист международного класса, человек, который тщится учить весь мир методам борьбы с преступлениями против человечности!

2. Выяснив, таким образом, что узбекские дела имеют такое же отношение ко мне и к моей квартире, как пресловутая "бузина в огороде" к дядьке, оказавшемуся в Киеве, попробуем разобраться, для чего же производился этот обыск в действительности, и кому это было нужно. Исчерпывающий ответ дает выяснение состава "изыскательской" группы и ведомственной принадлежности того, кто фактически руководил обыском.

На обыск, помимо Березовского, прибыло семь сотрудников КГБ и трое "понятых" - тоже агентов госбезопасности. Таким образом на одного узбекистанца - работника прокуратуры, заметьте - потребовалось десять москвичей, не считая тех, кто блокировал дом с улицы. И все из КГБ. Руководил обыском тоже сотрудник КГБ - Врагов Алексей Дмитриевич. Это все, что мне удалось узнать о нем через Березовского. Сам Врагов отказался назвать не только свою должность, но и место работы - Московское управление или Центр, - хотя по закону должен был сообщить мне и то и другое. Вот этот полуизвестный мне

полуофициальный человек и

руководил обыском. Именно от него получал указания Березовский. Ему же принадлежало право решать в спорных случаях, изымать тот или иной документ или оставить. Он же руководил практическими действиями других сотрудников КГБ при обыске. Единственное, что делал номинальный руководитель обыска Березовский диктовал названия подкладываемых сотрудниками КГБ документов сотруднику того же органа, писавшему протокол.

Таким образом, обыск производили органы ГБ, избравшие в качестве фигового листка "дело Бариева и др.", вместе со следователем, ведущим это дело. Этим обыском завершен еще один этап во взаимоотношениях КГБ со мною. Первый закончился, как Вы знаете, освобождением меня из самой страшной тюрьмы Советского Союза - из так называемой специальной психиатрической больницы, куда КГБ "пристроил" меня в порядке выхода из тупика, в который он попал в результате полной необоснованносети моего ареста и невозможности добиться "чистосердечного раскаяния". Следующий этап начался через два-три месяца после моего освобождения, когда органы ГБ без всяких поводов с моей стороны вдруг снова проявили интерес к моей персоне. С тех пор вот уже более трех лет за мной ведется непрерывная слежка: постоянное круглосуточное филерство за мною, членами моей семьи и людьми, навещающими меня, стационарное наблюдение за квартирой - визуально и с помощью специальной аппаратуры, подслушивание телефонных разговоров, перлюстрация корреспонденции с частичным изъятием писем. Дважды за эти годы на квартире производился негласный обыск. Все эти действия были обжалованы мною в письме на имя начальника КГБ Андропова Ю. В. На это письмо, как и принято у нас в стране, ответа не последовало. Лишь филерскую слежку стали проводить более скрыто. Проведенный обыск есть генеральная проверка моих "закромов", стремление рассмотреть то, чего не видели до сих пор. Но дело, конечно, не только в этом. Видимо, намечаются какие-то новые провокации в отношении меня. Покорно ждать их я не намерен.

Я коммунист и, как таковой, ненавижу всеми фибрами души органы беззаконного кастового насилия и произвола. К ним в нашей стране относится созданная Сталиным организация, именуемая сегодня - КГБ при Совете Министров СССР. Я ни от кого не скрываю своей ненависти к этой организации, считаю ее враждебной народу и буду бороться за скорейшую ее ликвидацию всеми доступными мне законными способами. Поэтому я не желаю вступать с нею ни в какие отношения и не признаю за нею права на вмешательство в мою жизнь, в мою общественную деятельность. Паразитическая организация, пожирающая бездну народных денег и за это отнимающая у народа его лучших сынов и наносящая невосполнимый моральный урон, должна исчезнуть из нашего общества навсегда и чем скорее, тем лучше.

Мне давно известно, что у судов и органов прокуратуры существуют с КГБ отношения фактического подчинения. Если для иллюстрации этого нужны примеры, то проведенный у меня

обыск является весьма показательным. Органы прокуратуры здесь сыграли роль мальчика на побегушках. Они могут и дальше выполнять эту малопочетную роль, но только не в отношении меня. Своей жизнью, участием в защите Родины, кровью, пролитой за нее, своей коммунистической убежденностью я завоевал право чувствовать себя сохозяином своей страны, равноправным членом семьи советских народов. Я имею право свободно ходить, без филерской слежки, по родной земле, свободно защищать свои убеждения, пользоваться всеми правами, предоставленными мне, как гражданину СССР, Советской Конституцией и Всеобщей декларацией прав человека. И никто, тем более такая организация как КГБ, не имеет права мешать мне пользоваться всем перечисленным. А органы прокурорского надзора обязаны помогать гражданам, борющимся за свои узаконенные права, а не организациям, пытающимся лишить граждан этих прав.

3. После всего сказанного нам остается только выяснить, зачем же приходили представители малоуважаемой мною организации, что им нужно было у меня, с чем они борются и, видимо, собираются бороться в дальнейшем. Попробуем разобраться в этом путем анализа изъятого.

Фактически пришлось изымать материалы, не имеющие ничего общего с "клеветническими измышлениями". Изымалось совсем не то, что указано в постановлении на обыск. Изъяли все имеющиеся у меня машинописные документы, письма и записки. Ничего клеветнического и, тем более, антисоветского среди них нет. Это антисталинские материалы и открытые выступления против нарушения властями советских законов, против судебного произвола и против продолжающейся дискриминации и геноцидных действий в отношении крымских татар, немцев Поволжья и некоторых других малых наций. Вот что изъято:

присланные мне многочисленные индивидуальные и коллективные письма крымских татар - вопль души исстрадавшегося обездоленного народа - и материалы народного движения немцев Поволжья за востановление своего национального равноправия;

копии моих писем в Политбюро ЦК КПСС, как тех, которые написаны в связи с произволом, допущенным в отношении меня лично (незаконное исключение из партии, разжалование из генерала в рядовые, лишение заслуженной пенсии), так и тех, которыми разоблачаются судебный произвол и фальсификация истории в угоду возрождающемуся сталинизму;

рукопись брошюры академика Сахарова и моя рецензия на эту брошюру;

все произведения неутомимого борца против сталинизма, писателя-большевика, участника революционного движения с 1912 года, члена партии большевиков с 1916 года, проведшего три года в царской тюрьме и 17 лет в сталинских пыточных застенках и лагерях смерти на Колыме - Костерина Алексея Евграфовича;

рукопись, в которой собраны и проанализированы все ставшие известными мне факты, указывающие, на то, что после октябрьского (1964 г.) пленума ЦК КПСС взят твердый, хотя и скрыто проводимый курс на возрождение сталинизма;

записи открытых судебных процессов (уголовных по форме, политических по существу) над крымскими татарами - участниками движения за национальное равноправие и над свободно мыслящими людьми в Москве (процесс Даниэля Синявского, Хаустова, Буковского и др., Галанскова - Гинзбурга и др.);

биографические справки на осужденных за демонстрацию на Красной площади против вторжения советских войск в Чехословакию и пролития братской крови советских солдат и чехословацких граждан;

рукопись работы академика Варги "Российский путь к социализму";

копия письма группы советской интеллигенции (Арцимович, Капица, Катаев, Леонтович, Плисецкая, Сахаров, Чуковский и др.) к XXIII съезду КПСС с выражением тревоги в связи с появившимися тенденциями к возрождению сталинизма;

копия письма 43-х детей коммунистов, по-бандитски уничтоженных Сталиным (Якир, Петровский, Антонов-Овсеенко, Берзин, Енукидзе, Бухарин, Вавилов, Пятницкий и др.), в котором выражалась тревога по поводу тенденции к возрождению сталинизма и к забвению преступлений, совершенных Сталиным и его приспешниками, а также напоминалось о решении XXII съезда соорудить в Москве памятник жертвам сталинизма,

переводы из чехословацких газет ("2000 слов ...", выступление Смрковского по чехословацкому радио и др.);

список лиц, подвергшихся партийным и административным репрессиям за то, что подписались под различными документами, выражающими протест против нарушений советских законов и элементарных прав человека - судами, органами прокуратуры и КГБ;

машинописный текст, изданной в СССР ничтожным тиражом и только в специальном издании для юристов, Всеобщей декларации прав человека;

машинописный текст неиздававшихся в СССР "Пактов о

правах" (изданные ООН два года тому назад "Пакт о социальных и экономических правах" и "Пакт о политических правах" вместе с факультативным протоколом);

записи всех выступлений на похоронах писателя А. Е. Костерина.

Среди изъятых литературных произведений - "Реквием" Анны Ахматовой по замученным в сталинских застенках вместе с ее единственным сыном, ряд неизданных в СССР произведений Марины Цветаевой, потрясающее произведение о морально растлевающем влиянии сталинщины - неопубликованная поэма Н. Коржавина "Танька", рукопись книги А. Марченко о современных лагерях для политических заключенных - "Мои показания", машинописный текст книги Хемингуэя "По ком звонит колокол".

Перечисленное довольно всесторонне характеризует принципы изъятия. Думаю, вряд ли что добавит к этому, если я укажу, что изъято все написанное мною. Даже клочки бумаги, на которых было написано хотя бы одно слово моей рукой. Таким образом ушли от меня материалы моей научной работы, личная переписка, черновики различных документов, как получивших распространение, так и не выбравшихся из моего письменного стола. В общем изымалось все, что написано на машинке и от руки или не издано в СССР. Очевидно, что если бы я накануне не передал в другие руки "Письма Короленко А. Луначарскому", "Несвоевременные мысли" Горького и стихи Осипа Мандельштама, все это было бы тоже изъято.

У меня имелся экземпляр рукописи книги о начальном периоде минувшей войны - "Записки разведчика" (Мемуары полковника запаса Новобранца В. А.) с дарственной надписью автора. Когда и эту книгу отложили для изъятия, я резко запротестовал, заявив, что она никак не может быть отнесена к материалам, на изъятие которых дана санкция. Тогда производивший это изъятие советник юстиции Березовский, получив предварительно повеление Врагова - "Изъять!", решил продемонстрировать мне клеветнический, в отношении советского общества и государственного строя, характер книги и зачитал из авторского предисловия следующее: "Сталин умер, но посеянные им ядовитые семена продолжают давать ростки".

После этого я отказался от дальнейшего присутствия при обыске. Но в этом не очень-то и нуждались. Не переписав и половины отобранного для изъятия, остальное свалили в мешок, опечатали печатью "КГБ-14" и увезли... и мешок... и печать. Судите сами, насколько гарантирована неизменность содержимого мешка. Тем более, что вскрытие мешка, от участия в

котором я отказался, ввиду полной бессмысленности моего участия в этом акте, производилось в присутствии тех "понятых", которые сами являются работниками органа, производившего обыск. Ни один из тех действительных понятых, на приглашении которых я настаивал, - не были приглашены.

Вот так было обеспечено соблюдение законности в данном конкретном случае. Но меня интересует не только этот случай. Я хотел бы выяснить, каково отношение к советским законам у органов советской же прокуратуры? Мой личный опыт свидетельствует, что эти органы в политических делах занимаются только одним - подбиранием статей, придающих видимость законности дикому произволу властей. Но я наивно полагал, что даже для этого законы надо знать. Оказывается, и это не обязательно. Статьи нужные, очевидно, подбираются специалистами "законниками". Практических же исполнителей законы ни с какой стороны не интересуют. Они делают то, что им приказано, не вникая в вопрос законно это или нет. Березовский явился на обыск без УК и УПК, и когда его уличали в нарушении закона с помощью имеющихся у меня, он лишь в некоторых случаях, да и то с большой неохотой изменял характер своих действий. Насколько обременительны для него законы, можно судить по следующему случаю. Уже почти в конце обыска моя жена сделала ему замечание, заявив при этом: "Это же не по закону!" И тут Березовский не выдержал. Он выложил все раздражение, накопившееся у него за день: "Да, уж, вы законники! Вон у вашего мужа целая полка юридической литературы!" - воскликнул он со злобой. Думаю, это восклицание лучше характеризует отношение "блюстителей закона" к закону, чем все их велеречивые писания, рассчитанные на людей мало осведомленных.

4. В заключение хочется попробовать выяснить с Вашей помощью еще один вопрос - зачем все это делалось?

Может, попытка запугать? Не верится. Мы с КГБ слишком хорошо знакомы, чтобы кто-либо из нас мог рассчитывать на подобное.

Ну, тогда, быть может, желание найти какие-либо зацепки, чтобы создать "дело" и упрятать меня куда-нибудь подальше, откуда мой голос не был бы слышен? Это вполне возможно, но глупо. Идти на процесс, основанный на "липе", сейчас рискованно, а рассчитывать на то, что я действительно займусь преступными действиями... Нет, КГБ слишком хорошо знает меня, чтобы рассчитывать на такое. Я на глупость противника тоже никогда не рассчитывал.

Следовательно, остается только одно предположение - хотели

проверить, чем я сейчас занят, а заодно и затормозить мою работу, лишив материалов и "орудий производства". О последнем свидетельствует, в частности, то, что у меня забрали обе машинки (кабинетную и портативную), хотя санкции на их изъятие не было. Больше того, изъятие машинок в наших условиях - это такой дикий произвол, что мне даже как-то неудобно напоминать об этом. Ну, посудите сами. Если нужен почерк машинки, то для его снятия требуется всего несколько минут. И делать это надо в присутствии хозяина машинки. Тогда зачем же изымают и увозят машинки? В лучшем случае для того, чтобы лишить владельца возможности работать на них. А в худшем? В худшем, скажу я Вам, если Вы этого до сих пор не знали, для того, чтобы изготовить фальшивки против владельца машинок. Следователь Березовский, когда я протестовал против не контролируемого мною изъятия у меня документов, задал мне вопрос: "Вы что ж подозреваете?.." Боюсь, что и Вы можете задать такой же вопрос. Отвечаю так же, как ответил Березовскому: "Я ничего не подозреваю. Я констатирую возможности, вытекающие из процессуальных нарушений. А что из этих возможностей претворится в действительность, покажет будущее". Но у меня нет желания безучастно ждать, что оно покажет. Поэтому я намерен потребовать ликвидации всех допущенных в отношении меня нарушений законов. Итак, я требую:

1) Немедленно возвратить мне все изъятые у меня документы и обе пишущие машинки;

2) Прекратить все неправомерные в отношении меня и моей семьи действия филерскую слежку, стационарное наблюдение за моей квартирой с помощью специальной аппаратуры и визуально, прослушивание квартиры и подслушивание телефонных переговоров, перлюстрацию и изъятие корреспонденции.

Полагаю, что Вашей власти и Ваших прав (если исходить из закона, разумеется) вполне достаточно, чтобы понудить тех, кого следует, выполнить мои требования. В надежде на это я и буду ожидать Вашего ответа.

Надеюсь, Вы оцените должным образом то обстоятельство, что я в течение четырнадцати суток воздерживался от подачи жалобы, давая тем самым время "изыскателям" на то, чтобы разобраться в том, что они изъяли. В надежде, что Вы учтете это, я рассчитываю получить Ваш ответ не позднее чем в срок, установленный Президиумом Верховного Совета СССР - две недели.

4.12.68. П. Григоренко

Григоренко Петр Григорьевич,
Москва Г-21, Комсомольский проспект,

дом 14/1, кв. 96, телефон: Г-6 27 87.

КОММЕНТАРИЙ

К АВТОРСКОЙ КРАТКОЙ ЗАПИСИ СУДА НАД ИРИНОЙ БЕЛОГОРОДСКОЙ

1. Что на политических процессах в нашей стране не судят, а осуждают известно давно. Но все же раньше как-то заботились о создании хотя бы видимости улик, вещественных доказательств, свидетельских показаний, логических умозаключений о виновности подсудимых. Если совсем уж нечем было доказывать сие, как, например, в процессе Галанскова-Гинзбурга и др., то выталкивали на авансцену Брокс-Соколова вместе с его поясом. И хотя ни первый, ни второй не имели никакого, даже косвенного отношения к делу, у неинформированной публики создавалось ощущение серьезности судебного следствия.

Ничем похожим в процессе Белогородской даже и не пахло. Нельзя же, в самом деле, считать вещественными доказательствами подготовки "преступления" надписанные рукою подсудимой 6 почтовых конвертов. Но суд глубокомысленно взирал не только на эти надписанные, но и на чистые конверты (8 штук). Взирал так, что создавалось впечатление - не будь в сумке этих чистых конвертов, то и письма отправить невозможно было бы.

Не лучше обстояло дело и со свидетельскими показаниями. Ведь нельзя же признать полноценными свидетелями шофера такси и диспетчера гаража. Они могли только подтвердить один, и без того очевидный факт, что в найденной в машине сумке имелось 88 экз. писем, надписанные и чистые конверты. Правда, шофер Кудрявцев дал одно очень любопытное показание. Те, кто "интересовался сумкой", оказывается, знали, во-первых, No машины, в которой ехала подсудимая со своими спутниками (она этот No не запомнила), а это свидетельствует, что за машиной велось наблюдение, и вслед за нею ехала оперативная машина КГБ. Во-вторых, телефон Белогородской подслушивался. Узнать, что сумка забыта, другим путем нельзя было. На основе обоих этих фактов думающий человек легко может умозаключить, сколь серьезной и полезной работой были заняты в тот вечер органы государственной безопасности Москвы. Недаром, очевидно, майская программа КПЧ намечала освободить органы госбезопасности ЧССР от таких "тяжелых забот", как слежка за инакомыслящими в своей собственной стране.

Любопытные сведения, но опять-таки не из той области, которая интересовала суд, "выдал" третий свидетель - Иван Рудаков. Он сообщил, во-первых, что за супружество с подсудимой поплатился работой. Во-вторых, заявил, что письма

распространялись и без участия Белогородской, что он сам распространял их.

Любопытный суд! На скамье подсудимых - молодая женщина, которую обвиняют в "подготовке к распространению" неких документов, а свидетельствует на суде тот, кто распространял эти документы. Те же, кто их написал и принял на себя всю полноту ответственности не только за содержание, но и за распространение, стоят перед дверью зала суда, не имея возможности туда попасть, хотя они в течение полугода настойчиво доказывали прокуратуре Москвы и невиновность Белогородской и свое право самим защищать свои документы.

Невиновность Белогородской настолько очевидна и неопровержима, что обвинение даже и не пыталось доказывать противное. Виновность в данном случае совершенно недоказуема. В уголовном кодексе нет статьи, сославшись на которую можно было бы, хоть казуистически, утверждать, что желание помочь человеку в беде - преступно. Именно поэтому обвинение пускается на совершенно невероятный трюк. В течение всего судебного следствия оно доказывает не виновность Белогородской, а преступность личности Марченко и криминальность документов, не Белогородской составленных. В силу физического отсутствия, Марченко, естественно, защищаться не мог. Документы сами по себе тоже беззащитны, а авторы, как уже говорилось, не имели возможности защищать свои творения. Никто из участников процесса тоже не взялся за защиту Марченко и писем. Белогородская, видимо, не смогла противостоять казуистическим ухищрениям прокурора, а адвокат, по-своему понимая интересы подзащитной, очевидно, думал, что у него и без того сильная позиция защиты, и взваливать на себя новые задачи, - это значит распыляться и рисковать.

Так это или иначе, но на деле никто не схватил прокурора за руку на передергивании, на подмене одного вопроса другим, и у сидящего в зале, непосвященного в суть вопроса объективным свидетельством, создавалось впечатление, что Марченко преступный тип. А от этого недалеко и до вывода, что тот, кто защищает преступника, и сам совершает преступление. Именно такую цель и преследовала тактика обвинения. И добилась своего. Следовательно, теперь, чтобы разоблачить эту явную недобросовестность обвинения, надо подвергнуть более подробному и при том объективному исследованию все "дело Марченко", во всей совокупности событий его жизни с того момента, как он встал на самостоятельный трудовой путь.

2. Окончив 8 классов средней школы, восторженно-патриотичный юноша получает комсомольскую путевку и с

энтузиазмом едет работать на "великие стройки коммунизма". Прокурор утверждает, что работал он там плохо. Это утверждение аргументируется тем, что Марченко за свою недолгую трудовую жизнь, включающую также 1 год и 9 мес. лагеря, 4 раза уходил с работы по собственному желанию и дважды увольнялся "за нарушение трудовой дисциплины". У меня нет возможности проверить, нет ли и здесь передержек. Но у меня не может не возникнуть вопроса - как прокурор квалифицировала увольнение в связи с первым заключением Марченко в лагерь и оставление им работы в связи с попыткой перехода границы - как увольнение "по собственному желанию" или - "за нарушение трудовой дисциплины"? Но если бы все было даже так, как говорит прокурор, то разве это характеризует отношение Марченко к труду? Не в большей ли это степени результат условий, в которые попадают неподготовленные к жизни восторженные юноши, почти дети? Обвинение, если бы оно подумало, сумело бы понять, что совсем не в его интересах поднимать данный вопрос. Ведь Марченко, несмотря на очень тяжелые материально-бытовые условия, не бросил все и не побежал под родительский кров, как это делают десятки тысяч восторженных юношей, столкнувшись на этих стройках с реальной прозой жизни. А Марченко продолжал трудиться, самостоятельно зарабатывая свой хлеб. Он, может быть, к сегодняшнему дню стал бы всеми уважаемым высококвалифицированным строительным рабочим, может даже инженером, крупным администратором или партийным работником.

Стал бы!... Если бы не вмешалось... советское правосудие!

Прокурор утверждает, что Марченко попал под суд за свои хулиганские поступки. Но против этого утверждения вопиют даже официальные документы. Марченко судили по статье Уголовного кодекса, античеловеческая сущность которой была столь очевидной, что Верховный Совет Туркменской ССР вынужден был не только отменить ее, но и освободить всех осужденных по этой статье и снять с них судимость. Если придерживаться духа и буквы закона, прокурор имела право говорить о первом осуждении Марченко только как о судебной ошибке или же, в крайнем случае, обойти этот вопрос, не касаться его. Но даже и без документов ни один человек, знающий Марченко, не поверит в его хулиганство. Этот очень чуткий и чувствительный, глубоко интеллигентный по складу своего характера человек с легко ранимой душой, неспособен беспричинно обидеть человека и, тем более, совершить физическое насилие над ним. Может возникнуть вопрос - а не мог ли он совершить хулиганство "по пьянке"? Но в том-то и дело, что Марченко совсем не употребляет

и никогда не употреблял спиртное.

Короче, Марченко в тот первый свой суд никакого преступления не совершал и прекрасно понимал это. Необоснованное осуждение тяжело ударило по его чувствительной психике. Затем лагерь с его противоестественными условиями, и разовая обида перерастает в устойчивое желание покинуть страну, где с ним обошлись столь бездушно. Не зная, что уже подписан документ о его освобождении, он бежит из лагеря, короткое время работает вблизи от границы и предпринимает попытку перейти ее. Его арестовывают, и он снова в руках советского правосудия. Известно, что уголовное преследование за попытку нелегального перехода границы находится в вопиющем противоречии с общепризнанными нормами Всеобщей декларации прав человека и других подписанных нашей страной международно-правовых документов. Но Марченко этого в то время не знал. И если бы его судили за нелегальный переход границы, он бы наверняка признал себя виновным и любой приговор воспринял бы как справедливый. Из лагеря он вышел бы обескрыленным, утратившим иллюзии человеком, обзавелся бы семьей и жил в мелких заботах, как живут многие миллионы обывателей. Но ему предъявили обвинение в измене родине, т е. в преступлении, коего он не совершал.

Что двигало подельником Марченко Буровским, когда он давал лживые показания, известно. В книге "Мои показания" автор описывает свою встречу с Буровским на этапе. Последний, упав перед Марченко на колени, рыдая, просил простить его и не рассказывать "зэкам" о его показаниях. Он знал, что грозило ему, если бы его подлый поступок открылся. Объясняя причину своих лживых показаний, он клялся, будто следователь пригрозил ему, что если он не даст нужных показаний на Марченко, то такая возможность будет предоставлена тому и он не будет таким дураком, как Буровский. Следователь якобы сказал: "Один из вас должен быть осужден за измену родине. И будет осужден! Вот и выбирай, пока тебе дают выбирать!" Марченко никому в то время не рассказал. Он обозвал Буровского "подонком" и посоветовал "не мозолить глаза".

Итак, Буровский ясен. А вот чем руководствовался следователь, возводя такую напраслину на 20-летнего парня, сказать трудно. Вполне возможно, что у него был недовыполнен план по раскрытию преступлений в измене Редине. А, может, здесь сыграли роль личные антипатии? Все это пока неизвестно. Но абсолютно ясно, чем руководствовался суд, вынося явно неправосудный приговор. Суд просто не хотел "выносить сор из

избы", понимая, что это вызовет недовольство такого могущественного органа, как КГБ. Но парень все же невиновен. И суд это прекрасно понимает. Понимает и находит "соломоново решение": покрывает своим неправосудным приговором преступление следственного органа. При этом Марченко, учитывая "смягчающие обстоятельства", дается наказание "меньше минимального срока". Но Марченко не понял этой "гуманности" суда. Не понял не только потому, что назначенное ему "гуманное" наказание вдвое превышает максимальный срок, предусмотренный "за нелегальный переход границы". Надо знать Марченко. Его чувствительную душу потряс не срок, а очевидная для всех несправедливость. И перед ним встал вопрос - почему?!

Он начинает искать ответ. Ищет его в трудах классиков марксизма-ленинизма, в литературе, в общении с людьми, в среду которых попал в мордовских политических лагерях. Марксизм-ленинизм он осваивает просто варварским методом: берет полное собрание сочинений Ленина и изучает том за томом. Пусть каждый, кто прочтет это, вообразит сей воистину "сизифов труд". Человеку, политически почти неграмотному, пришлось вести раскопки в тех 55-ти толстых томах, куда спрятали подлинного Ленина. Но он освоил это наследие. И не только его. Таким же методом работал он и над собранием сочинений Маркса и Энгельса.

Когда я встретился с Марченко в 1967 году, это был глубоко эрудированный в марксизме-ленинизме человек. Людей со столь глубокой эрудицией я не встречал с тех пор, как было покончено с оппозиционерами "всех мастей". Это был высокообразованный, вдумчивый, сознательный, твердый и мужественный политический боец. Книга, которую он написал и теперь отдавал нам на суд, потрясала не только своей правдивостью, документальностью, но и литературными качествами. В ней виделся настоящий, большой художник. Не скрою, некоторые из нас, впоследствии ставшие его самыми близкими друзьями, остерегали от распространения книги, предупреждали, что ему это может грозить большими бедами. Но он был непоколебим. "Мои друзья находятся еще там, ежедневно ходят под угрозой смерти. Как же я могу молчать! - всклицал он. - Пусть будет, что будет, но молчать я не стану. Это позор, что до сих пор молчали об этом!"

В предисловии к своей книге он написал: "Я хотел бежать за границу. Теперь вижу, что это была ошибка. Для меня и на родине очень много дел!" Свое предисловие он заключает словами: "Оперативник в лагере неоднократно говорил мне: - Вот вы, Марченко, постоянно всем недовольны. А вы сами что

полезного сделали для своей страны? - Отвечая сегодня на этот вопрос, я говорю: - Да, действительно до сегодняшнего дня мало что сделал, но этой книгой я начинаю действительно полезную для моей родины работу".

Если мы сравним дело Ирины Белогородской с "уголовным" делом Марченко или, тем более, с другими политическими процессами, то увидим, что последний суд слишком невыразителен, обыденен, заурядный. Перед судом стоял не политический борец, а самый простой человек, только с душой чувствительной и сострадательной, человек, желавший только одного - помочь в беде ближнему. "Рядовое дело. Обычная судебная ошибка" - можно сказать об этом процессе. Но нет, это далеко не так! И никто этой судебной ошибки исправлять не будет. Суд выполнил свою будничную работу. Выполнил так, как ему и положено выполнять в данной судебно-правовой системе. И именно на таком "рядовом" процессе глубже всего просматривается эта система, ее пороки, ее антигуманистическая суть.

Посудите сами - зачем потребовалось применять такую меру пресечения, как арест, в отношении человека, вина которого, мягко говоря, проблематична? Неизвестно даже, являются ли изъятые документы криминальными, т. к. вопрос об этом в суде еще не рассматривался. Но ее арестовали и, убедившись, что она сама на себя наговаривать не собирается, начали вести дело "с искусственным созданием доказательств обвинения". Когда не вышло и это, процесс повели, доказывая обвинение с помощью казуистических ухищрений. И суд этого "не заметил". Он пошел на вынесение явно неправосудного приговора. И все это только для того, чтобы "покрыть незаконное содержание человека под арестом", для того, чтобы "доказать", что органы госбезопасности "напрасно не сажают".

В общем, старый - сталинских времен - принцип: "Органы государственного принуждения ошибок не делают". Очень хорошо об этом сказал в своем последнем слове Александр Гинзбург на январском (1968 год) процессе: "Я невиновен. И это очень убедительно доказал мой защитник. Но так как в практике советского судопроизводства не было случая, чтобы оправдали человека, арестованного органами КГБ, то я об оправдании не прошу. Прошу дать мне не меньше, чем Юре Галанскову, который тоже невиновен"*. Но просьбу Гинзбурга не уважили. Ему дали 5 лет лагеря строгого, режима - на два года меньше, чем Галанскову. Но не в том главное. Суть в том, что суды осуждают всех, кого им поставляет КГБ. Разница в этом отношении между нынешними и сталинскими временами состоит лишь в том, что

тогда осуждали десятками миллионов, а теперь десятками человек. Тогда за такое "преступление", как у Ирины, могли дать десятку, а теперь дали всего один год. Суть же одна и та же: "Невиновных среди арестованных КГБ нет".

* По-видимому, это - свободный пересказ. - Ред.

Процесс Белогородской характерен еще и тем, что он очень четко обнажает ту истину, о которой передовая демократическая общественность нашей страны говорит очень давно: - В нашем обществе запрещено вступаться за людей, на которых обрушивается - справедливо или нет - государственная машина. За простую подпись под обращением в защиту невинно осужденного или против национальной дискриминации, например, крымских татар, людей подвергают беззаконным репрессиям. Это тоже отрыжка сталинских времен, но только тогда за такое "преступление", выраженное даже словесно, сажали в тюрьму, а у нас до сих пор ограничивались увольнением с работы, исключением из партии и комсомола, изгнанием из высшего учебного заведения. И. Белогородская - первая, кого отдали за это под суд. Она женщина твердого характера, здравого ума, чувствительной и чистой души, поэтому не сможет не понять и не почувствовать, что осудили ее несправедливо. А поняв это, не сможет смириться. Следовательно, машина произвола может записать в свой актив еще одного сознательного политического борца. На скамью подсудимых здесь, как и в случае с Марченко, сел честный рядовой труженик, человек с врожденным чувством гражданственности. Верю, что из зала суда вышел политический борец. Не сомневаюсь, что Ирина правильную дорогу найдет. Но и мы, ее друзья, после этого процесса должны многое переосмыслить. Мне представляется, что борьба против неправосудных приговоров в нынешних условиях должна стать более настойчивой. Если прежде мы эту борьбу доводили до кассационной коллегии, то теперь этого недостаточно. Чтобы остановить судебный произвол, надо бороться против таких приговоров до самой их отмены. Бороться, сколько бы это дело ни продолжалось. Надо добиваться отмены неправосудного приговора и наказания виновных в его вынесении и подготовке даже после того как заключенные по таким приговорам отбудут свой срок

25 февраля 1969 г. П. Григоренко

Москва, Г-21, Комсомольский проспект,
14/1, кв. 96. Тел 2-46-27-37

В РАЙОННУЮ УЧАСТКОВУЮ ИЗБИРАТЕЛЬНУЮ КОМИССИЮ

Членам участковой избирательной комиссии Ленинского района г. Москвы

(ул. Тимура Фрунзе, дом No 11).

В редакции газет "Известия" и "Московская правда"

Не желая доставлять излишние хлопоты агитаторам, сообщаю вам, что не приду к избирательной урне.

Причины:

1. У нас нет выборов. Есть голосование за того единственного кандидата, которого выставили те, кто стоит у власти сегодня. Придут ли люди или не придут, этот единственный кандидат будет "избран". Следовательно, выборы - это пустая комедия, нужная тем, кто стоит у власти для того, чтобы продемонстрировать перед заграницей, что весь народ поддерживает их. Я не желаю участвовать ни в каких комедиях. Поэтому пойду на голосование только тогда, когда мой голос будет что-нибудь значить.

2. Наши депутаты не обладают никакой реальной властью и даже правом голоса. Им позволяют высказываться только для того, чтобы одобрять политику и практическую деятельность хорошо спевшейся группы высших правителей. За все время действия нынешней конституции не было случая, чтобы кто-нибудь из депутатов любого ранга выступил против произвола властей. А ведь были времена, когда истреблялись десятки миллионов ни в чем не повинных людей, в том числе подавляющее большинство "избранных" народом депутатов.

О бесправности депутатов свидетельствует и мой собственный опыт. В 1964 году я был арестован органами ГБ только за то, что выступил за восстановление ленинских принципов в партийной и государственной жизни. Судить меня не стали, по-видимому, боясь той правды, которую я мог высказать на суде. Поэтому меня без суда упрятали в тюремную психиатричку, уволили из армии и разжаловали из генералов в рядовые. Мои обращения в правительство и органы правосудия остались без ответа. Не ответил мне и ни один из депутатов. А обращался я ко всем депутатам Верховного Совета СССР, в том числе к тем, за кого я подавал свой голос.

Теперь судите сами, могу ли я участвовать в избирательной комедии, имеющей целью выразить доверие правительству, пытающемуся увековечить свою власть методами произвола?!

16 марта 1969 г. П.Г. Григоренко

Москва, Г-21, Комсомольский проспект,

14/1, кв. 96. Тел. 2-46-27-37

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСТНОСТИ ПРИ СМ СССР АНДРОПОВУ Ю. В.*

Юрий Владимирович!

Не в моих правилах повторно обращаться к тем, кто, пренебрегая основными моральными установлениями всякого порядочного человека, занимая высокий пост, не отвечает тем, кто к нему обращается. Но у меня сейчас нет никакой другой возможности выразить свое возмущение и заявить решительный протест против той провокационной деятельности, которая уже несколько лет ведется против меня, а в последнее время приняла совершенно невыносимый характер и размеры. Чтобы сделать это достоянием возможно более широкой общественности, я и пишу это письмо.

* На это письмо ссылался эксперт-психиатр в суде, как на явное доказательство болезни П. Григоренко. - Прим. самиздата.

В первом своем письме я уже рассказывал Вам о той негласной слежке, которая ведется за мною органами ГБ со времени моего выхода из тюрьмы в 1965 году, о подслушивании моих разговоров и переговоров по телефону, о перлюстрации моей корреспонденции. Все это продолжается и сейчас, но только еще более нагло и назойливо. Дело дошло до того, что филёр, в ответ на мое возмущение его наглой слежкой, открыто заявил: "Это не ваше дело! Мне поручено следить за вами, и я выполняю свое поручение!" Милиция, куда я доставил этого типа, поняв, что она имеет дело с сотрудником КГБ, отказалась сообщить мне его фамилию. Было это 29 сентября прошлого года, а через две недели - 12 октября банда пьяных филёров, видимо, решив проучить меня за то, что я их выявляю и разоблачаю, совершила хулиганское нападение на меня и моего гостя инженер-майора Алтуняна. Если не считать шофера оперативной машины, который только доставил пьяных хулиганов к месту нападения, то в банде было всего только пять человек, в том числе две женщины. Получив отпор, они попытались при помощи милиции представить хулиганами нас. Но это оказалось попыткой с негодными средствами, и тогда оперуполномоченный 7-го отделения милиции начал "заметать следы", выгораживая "своих". Несмотря на мои неоднократные настойчивые требования - привлечь пьяных хулиганов к ответственности или хотя бы сообщить мне их фамилии и адреса, чтобы я мог сам подать в суд - милиция уклонилась и от того и от другого. В последнее время отмечен ряд случаев открытого и наглого фотографирования приходящих ко мне людей.

Невероятно обнаглели и те, кто занимается перлюстрацией моей корреспонденции и подслушиванием телефонных разговоров. Некоторые из моих корреспондентов, по моей просьбе, начали фиксировать места заклейки чернильными крестиками. Совместить перекрест при повторном запечатывании

затруднительно, и перлюстраторы, видимо желая показать, что им плевать на то, знаю я о вскрытии корреспонденции или нет, начали оставлять конверты незапечатанными и даже надорванными. Многие же письма, в том числе заказные и с уведомлением о вручении, исчезают бесследно. Даже не все телеграммы доходят до адресата, а многие из них доставляются с большими купюрами. Телефон очень часто выключается на продолжительное время. Начатый телефонный разговор нередко прерывается и вновь не возобновляется. Особенно часто это происходит при международных телефонных переговорах.

За моей квартирой и за людьми, приходящими в неё, ведется тщательное круглосуточное наблюдение - визуальное и с помощью специальной аппаратуры. Для этого Вашим работникам предоставлены в соседнем доме две квартиры, окнами выходящие на мою квартиру. В этом же доме имеется, кроме того, "дежурка" для филёров. Это при нашем-то квартирном голоде!

Мы с Вами не маленькие и прекрасно знаем, что это всё стоит недёшево. Вы могли бы сказать точнее, во что это обходится советскому народу. Но т. к. Вы этого, безусловно, не сделаете, я попробую сам, хотя бы грубо приближенно, подсчитать эту сумму.

Время от времени я занимаюсь тем, что пытаюсь уйти от филёрского наблюдения, и таким способом мне удавалось установить, что за мною каждый раз следует от 4-х до 6-ти филёров. Но слежка ведется не только за мною, а и за членами моей семьи, за теми, кто к нам приходит. Само собой разумеется, что для этого нужен какой-то резерв. Однако, чтобы не преувеличивать, беру наименьшую из известных мне цифр как среднюю для одной смены. А т. к. слежка ведется круглосуточно, я мог бы с полным основанием считать, что меня обслуживают ежесуточно четыре смены филёров, по четыре человека в каждой. Но, учитывая возможность сокращения ночных смен, буду считать только три смены, т. е. 12 человек в сутки.

В двух квартирах у аппаратуры должны дежурить, как минимум, по одному человеку в смену, а всего, следовательно, не менее восьми человек ежесуточно.

Почти всегда, когда я садился в такси, за мною следовала специальная машина. Полагая, что она вызывается только, когда нужна, считаю, в сутки на меня используется всего один шофер на оперативной машине.

Итак, 21 человек. Но ведь этому взводу нужен командир и, вероятно, заместитель. Всего, значит, получается двадцать три человека. Для удобства подсчета и чтобы ещё раз подчеркнуть, что я не стремлюсь преувеличить сумму расходов, возьмем как окончательную численность группы наблюдателей,

приставленных к моей семье, двадцать человек. В указанных выше целях преуменьшу и их средний оклад содержания. Будем считать, что в среднем каждый из них получает 200 рублей. Мы-то с Вами знаем, что с учетом стоимости обмундирования эта цифра явно занижена.

Итак, 20X200 = 4.000 рублей - вот стоимость месячного негласного наблюдения за мной. В год 48.000 рублей. Наблюдение ведется без малого четыре года. Получается 200 тысяч. Куда, зачем, для чего выброшены эти деньги?! Только для одного, чтобы помешать всего одному коммунисту участвовать в политической жизни страны! Может, хоть это заставит людей задуматься над тем, какую пользу приносит нашей стране внутренний политический сыск. Думаю, это поможет многим уразуметь, почему КПЧ в своей "Программе действий" намечала убрать эту статью расходов из государственного бюджета, предполагая оставить за своим КГБ только борьбу с вражеской агентурой, засылаемой извне. Актуальность этой задачи очевидна из приведенного выше подсчета. А ведь я учел далеко не все. Не учтены расходы на технические средства наблюдения, находящиеся в двух квартирах, содержание самих квартир, на перлюстрацию писем, обслуживание аппаратуры телефонного подслушивания, амортизация оперативных машин. Не учтено также то, что 20 здоровых мужчин и женщин не только потребляют не ими произведенное, но и ничего не производят сами, нанося тем самым во много раз больший материальный и ни с чем ни сравнимый моральный ущерб нашему обществу.

Мне лично это стоит тоже немало. Нервную нагрузку, создаваемую всеми этими противозаконными действиями, вряд ли можно чем-нибудь измерить. Я не жестокий человек, но мне хочется, чтобы Вы испытали на себе такое, хотя бы в течение одного месяца. А я испытываю это уже четыре года. И не только это. Против меня велась всё время, а в последний год начала интенсивно нарастать разнузданная клеветническая кампания.

Началом этой кампании можно считать присылку в июне 1968 года мне и писателю-большевику Костерину А. Е. одинаковых злобно-клеветнических анонимок, которые одновременно были широко распространяемы среди крымских татар в Средней Азии в виде машинописных текстов. По характеру клеветы можно было высказать довольно обоснованное предположение, что она родилась в недрах КГБ. В специально по этому поводу написанном Вам письме мы это предположение и высказали, оговорив при этом, что данное предположение может оказаться неверным только в одном случае: если кто-то, имеющий доступ к служебным тайнам КГБ, воспользовался этим и

позаимствовал из секретных документов сведения для своей клеветы. Но считая такую возможность совершенно исключенной, мы выслали Вам не копию, а подлинник полученной нами анонимки. Мы просили Вас: если КГБ не причастен к этой грязной стряпне, найти виновника и привлечь его к ответу за попытку опорочить органы ГБ путем распространения его клеветнически извращенных тайн. Вы не сочли нужным заняться выявлением авторов анонимки, и тем подтвердили, что таковых нужно искать среди должностных лиц органов ГБ. В противном случае пришлось бы предполагать совершенно невероятное - что КГБ не смог по почерку машинки найти, откуда это письмо припожаловало к нам. Мой личный опыт убедительно свидетельствует, что такого быть не может.

Началом следующего этапа вышеупомянутой кампании следует считать 10-е ноября прошлого года. В этот день сотрудники КГБ произвели у меня незаконный обыск и изъяли, в большинстве без описи, материалы, на изъятие коих у них не было никаких, даже формальных, прав. Я имею в виду, прежде всего, рукописи, из которых видна моя система взглядов. Для Вас и Вам подобных эти взгляды совершенно неприемлемы, но т. к. у Вас нет никакой возможности опровергнуть их коммунистический и демократический характер, то невозможно за них привлечь и к уголовной ответственности. В силу этого для Вас создалось безвыходное положение. Вернуть изъятое - это как бы благословить то, что Вам претит. Не вернуть - так на каком основании? Единственный выход из этого положения - мой арест. У арестованного можно все изъять, и неприятный вопрос исчерпан. Думаю, что именно этим объясняется резкое усиление кампании клеветы в мой адрес после этого обыска. Ведь давно известно - если КГБ распространяет на тебя клевету значит жди ареста!

Каких только вымыслов не было высказано по моему адресу закрытым порядком. Нет возможности пересказать даже всё то, что стало известно мне. Поэтому приведу только примеры.

В одном из секретных приказов министра Обороны говорится, что я веду "яростную антиправительственную агитацию". Этого же тона придерживаются и отдельные высокопоставленные должностные лица названного министерства. Так, генерал-полковник Шмелёв на заседании партийной комиссии Главного политического управления СА и ВМФ* 21 марта с/г утверждал, что я занимался антисоветской деятельностью и призывал к свержению Советской власти. В армии, где моё имя и прошлая научно-педагогическая деятельность ещё не забыты, не брезгуют и более грязными приемами для моей компрометации. В одном

из докладов для военной аудитории утверждалось, что я, прослужив всю жизнь в армии и дослужившись до генеральского звания, тщательно скрывал свою еврейскую национальность и выдавал себя за украинца. Видимо, морально-нравственный уровень этого, с позволения, "докладчика" не позволял ему понять, что я не только не скрывал бы, но гордился принадлежностью к нации Маркса и Энгельса, Шолом-Алейхема и Мандельштама, так же как сейчас горжусь принадлежностью к нации Сковороды и Патена, Шевченко и Ивана Франка.

* Советской Армии и Военно-морского Флота. - Прим. ред.

Доклады и собрания, содержавшие клеветнические измышления в отношении меня и моей семьи, делаются не только неизвестно кем инструктированными лицами, но и высокопоставленными сотрудниками КГБ, среди которых особенно отличается полковник Абрамов. Думаю, этот факт лучше всего указывает на источник грязной клеветы. Именно эти представители, особенно в проводимых ими "воспитательных" беседах, называют меня антисоветчиком, утверждают, что я и моя жена сотрудничаем в зарубежной прессе. Я не вижу ничего предосудительного в выступлениях советских граждан в иностранной печати. Об этом я сообщал Вам ещё в первом своем письме. Больше того, я предпринимал неоднократные шаги для установления связи с зарубежными коммунистическими изданиями, но все мои попытки пресекаются Вашей службой перехвата посылаемых мною корреспонденций. В данном же случае Ваши сотрудники, видимо, имели в виду наши письма, посылавшиеся в различные партийные и советские организации и оставшиеся без ответа, но без нашего ведома пересланные за рубеж, не исключено, что Вашими сотрудниками со специальной провокационной целью.

Кого только не привлекают Ваши сотрудники в помощь себе, чтобы усилить клеветническую кампанию против меня. Включена в это дело, например, вдова моего близкого друга, писателя-большевика, человека несгибаемого мужества и кристальной честности А. Е. Костерина - Вера Ивановна Костерина. Доведенная угрозами и шантажом почти до невменяемого состояния, она распространяет совсем несусветную чушь - будто я передал какие-то произведения ее мужа за рубеж. С помощью Веры Ивановны Ваши сотрудники пытаются отобрать подаренные мне автором при жизни экземпляры его произведений. Через Костерину Ваши представители пытаются наложить свою лапу и на произведения писателя, который больше всего ненавидел Ваши органы. К делу клеветы на меня привлечен и отец внука Костерина - Алеши Смирнова. Этот человек никогда не воспитывал Алеши, а

последние три года не поддерживал даже связи с ним и не знал, что тот окончил десятилетку и поступил в институт. И вот он, человек с уголовным прошлым, сменивший даже фамилию, чтобы уклониться от алиментов, стал Вашей главной опорой в предпринимаемых Вашими работниками "воспитательных" действиях. Что говорилось этому "воспитателю" Вашими сотрудниками, можно судить хотя бы по тому, что придя от них, он кричал Алеше: "Я пойду к этому Григоренко и отверну ему голову". О подлости приемов, которыми действуют Ваши работники, можно судить и по тому, что они пытаются запустить в среду близких мне людей слух о том, что я являюсь секретным агентом КГБ.

На днях я ознакомился с новой анонимкой клеветнического содержания, которая прислана мне друзьями из Средней Азии. Там она распространяется в машинописных текстах среди крымских татар. По содержанию она, в сущности, не отличается от той, которую я упоминал в начале настоящего письма. Разница лишь в том, что та была обращена ко мне и Костерину, а эта - к крымским татарам. Вот, что пишется в этой анонимной клевете, исполненой на отличной машинке и на хорошей бумаге высококвалифицированной машинисткой, о моем прошлом: "П. Г. Григоренко в прошлом генерал-майор. В 1961 году организовал антисоветскую группу, в которую вовлек и своих родных сыновей. Группа занималась клеветой на советский общественный строй. Она была полностью разоблачена. Григоренко исключили из рядов КПСС, разжаловали в рядовые, и он остался на свободе лишь только потому, что страдал тяжелым недугом - шизофренией".

Скажите, положа руку на сердце, мог кто-нибудь, кроме КГБ, дать такую сжатую "лживую правду"?! Надо очень хорошо, досконально изучить мое следственное дело 1964 года, чтобы изложить так похоже на правду и так тенденциозно все факты этого дела! Как по-Вашему, откуда бы группе крымских татар, которые даже боятся подписаться под своей стряпней, узнать о моем деле? Ведь материалы этого дела нигде не публиковались. Больше того, рассматривалось это дело на строго секретном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР. Даже я, обвиняемый по этому делу, не был допущен на это заседание и никогда не был ознакомлен с материалами этого дела. Именно поэтому я до сих пор молчал о нем. Вы решили распространять ложь по этому поводу. Я попытался остановить это своим письмом к Вам насчет первой анонимки. Вы не остановили ложь. Наоборот, она усилилась. Тем самым Вы дали мне право рассказать - что же произошло на самом деле в 1961-64 годах со

мной. Думаю, что моя правда окажется сильнее Вашей лжи, хотя ей и служит колоссальный аппарат насилия и обмана и мощная техника.

Состряпанная Вашими людьми анонимка утверждает, что я создал в 1961 году антисоветскую группу. Это наглая ложь! В 1961 году (7 сентября) произошло только вот что. Я выступил на партийной конференции Ленинского района города Москвы против проводившейся в то время линии на возвеличение личности Хрущева, на создание нового культа. За это я по партийной линии получил строгий выговор с предупреждением, а по служебной - был снят с должности начальника кафедры и с большим понижением по службе направлен на Дальний Восток. Организацию я создал лишь в 1963 году (7 ноября). Ваши творцы клеветнического документа пишут, что это была антисоветская группа, но они не рискуют сообщить ее название. Ну, что же, я сделаю это сам. Наша организация называлась Союз Борьбы за Возрождение Ленинизма. И ставили мы своей целью не ниспровержение Советской власти, а устранение всех извращений Ленинского Учения, восстановление ленинских норм партийной жизни и возвращение реальной власти Советам депутатов трудящихся. То, что успела высказать эта организация за время своего короткого существования, и до сих пор владеет моими мыслями и действиями. Кстати, и моя борьба против гонений, обрушиваемых Вами на малые народы, в том числе на крымских татар, берет свое начало от того времени.

Пусть осмелятся те, кто называет документы Союза антисоветчиной, опубликовать их. И если на любом открытом собрании трудящихся в моем присутствии хоть один из этих документов будет признан антисоветским, я готов буду признать себя шизофреником. Но ведь не осмелитесь опубликовать, господа хорошие. Не осмелитесь опубликовать не только наше разоблачение антинародного характера серии расстрелов демонстраций трудящихся в 1958-1963 годах, не опубликуете и листовку "Почему нет хлеба", листовку, о которой даже один из участников беззаконной расправы надменно сказал после мартовского пленума ЦК КПСС в 1965 году: "Здесь изложено то, что и в докладе Брежнева на пленуме, только намного короче и яснее. И беда Григоренко не в том, что он сказал это, а в том, что он сказал на полтора года раньше, чем сказала партия". Сила документов нашей организации была такова, что хрущевское правосудие не рискнуло вынести дело даже на закрытое судебное рассмотрение. Потому все арестованные члены нашей организации, кроме меня, после четырехмесячной обработки "на покаяние" были выпущены на волю, а меня без суда упрятали в

тюремную психиатричку на основании лживого заключения специально подобранной экспертной комиссии из преступников с дипломами врачей-психиатров из так называемого "Научно-исследовательского института судебной психиатрии им. проф. Сербского".

Всё сделали "законно". Для несведущих дело выглядело так - человека постиг тяжелый психический недуг, и он натворил всяческой антисоветчины. При этом он увлек за собой политически и жизненно незакалённых юнцов. Очевидно, что раз это болезнь, больного надо отправить на лечение, а остальных, наставив "на путь истины", отпустить подобру-поздорову. Все правильно, умно и гуманно. Все, за исключением того, что бюрократическая машина столь глупа и столь безрассудно жестока, что она не может довести до умного конца даже самый умный свой замысел. Наиболее высокопоставленные партийные и государственные чиновники так озлились на нас за написанное в их адрес, что забыли о том, что больного человека нельзя наказывать не только по суду, но и во внесудебном порядке. Забыв это, они уже после того, как Военная коллегия, узаконив заключение экспертной комиссии, прекратила моё уголовное дело и направила меня в тюремную психиатрическую больницу, учинили надо мною жестокую и беззаконную внесудебную расправу. Получилось, что меня наказали за то, что я заболел, хотя ни один психически невменяемый человек ответственности за то, что совершил в состоянии невменяемости, не несет. Это был произвол, беззаконная расправа!

В изложении анонимщиков эта расправа выглядит совсем мило и пристойно: "Григоренко исключили из рядов КПСС, разжаловали в рядовые, и он остался на свободе лишь только потому, что страдал тайным недугом - шизофренией". Зачем Вам такая наглая ложь? Ведь если Григоренко действительно "страдал тайным недугом - шизофренией", то на каком основании его разжаловали? В этом случае, если бы он даже убил человека, то по закону его не могли наказать. Даже по народным традициям сумасшедший - "божий человек", издеваться над которым могут лишь самые подоночные элементы общества. А тот, кто наказывает психически больного, не заслуживает даже названия зверя. Как можно наказать человека, который и без того наказан сверх меры! Что может быть тяжелее для человека, чем потеря рассудка?! Именно поэтому и наши законы предусматривают не только освобождение от наказания лиц, совершивших преступление в состоянии психической невменяемости, но и заботу о них после их выздоровления. По закону меня не имели права исключить из партии. По закону я выбывал из нее до

выздоровления. По закону меня, как психически невменяемого, имели право уволить из армии только по болезни, с выплатой мне выходного пособия и жалования по день увольнения и назначением пенсии со дня увольнения. По закону никто не имеет права после выздоровления больного говорить о том, что он совершил в состоянии невменяемости, как о преступлении. Почему же в отношении Григоренко все эти законы нарушены? Из партии его исключили "за поступки, порочащие звание члена партии". Из армии его выбросили - после 34 лет безупречной службы, участия в двух войнах, двух ранений и контузии тяжелой, как враждебный элемент; разжаловали в рядовые, не выплатили ни выходное пособие, ни жалованье по день увольнения (за семь месяцев). Не дали и пенсии. И в дополнение к сему распространяют теперь клевету, убеждая людей, что я совершал антисоветские действия. Нет, так с психически больным не поступают! Наоборот, это лучше всего указывает на то, что само психическое заболевание придумано для того, чтобы возможно более жестоко наказать человека, не совершавшего никаких преступлений.

С этой точки зрения особенно мило выглядит утверждение анонимки о том, что "... он остался на свободе ..." Я просидел в тюрьме свыше 15 месяцев. Из них более восьми месяцев в так называемой "специальной психиатрической больнице". Поскольку она тюрьмой не называется, авторы анонимки, видимо, относят пребывание в ней к пребыванию на свободе. Но такую "свободу" я не могу пожелать даже людям, которых ненавижу всеми фибрами души. Если у Вас еще сохранилась способность к воображению, то попробуйте представить, как бы Вы чувствовали себя, если бы Вас посадили в тюрьму (в тюрьму, Юрий Владимирович, а не в больницу), но не со здоровыми, а с душевно больными людьми. Я могу только поблагодарить судьбу за то, что мне попались врачи, понимавшие мое истинное состояние и стремившиеся всеми способами облегчить мою участь, особенно после того как надо мной была учинена беззаконная расправа. Мне говорили: "Психически здоровые люди попадали к нам и до вас, но чтобы того, кто юридически признан невменяемым, наказывали внесудебным порядком, да еще так жестоко, такого ещё не бывало!" И эта жестокость как нельзя лучше свидетельствовала о моей полной вменяемости, здравости мыслей и страхе перед этими мыслями тех, кто в то время стоял у самых вершин власти.

Слежка, которую установили за мною после моего выхода из психиатрической тюрьмы, также свидетельствует о том, что никто в вашем учреждении никогда не считал меня психически невменяемым. Значит, упоминание о моей свободе в ваших

анонимках используется сейчас для создания какой-то нужной КГБ атмосферы вокруг меня. Клевета - тяжелая, мутная - не продохнешь - всё заполонила! Даже во дворе, среди моих соседей по дому, какие-то типы распускают слухи о каких-то моих предосудительных, чуть ли не шпионских связях. Все это еще и еще раз указывает на подготовку моего ареста. Но только Вам "не с руки" предавать меня суду именно за то, чем я ненавистен Вам - за мою преданность идеям коммунизма и демократии, за мою непримиримость к сталинизму во всех его формах и проявлениях, за мою борьбу против нарушений законов и произвола властей, за то, чтобы проводились в жизнь общепризнанные нормы Всеобщей декларации прав человека и чтобы советский гражданин мог действительно пользоваться правами, записанными в Конституции СССР.

Вам хочется, чтобы на суде все это не фигурировало, чтобы меня можно было судить за простые, всем понятные "преступления", вроде шпионажа, измены родине или, на худой конец, хотя бы "за связь с НТС". Видимо, с этой целью Ваши люди предприняли в субботу 19 апреля с. г. попытку устроить мне встречу у комиссионного магазина на Комсомольском проспекте со "связным иностранной разведки" или, может быть, "НТС". Друзья помогли мне сорвать эту провокацию. Среди этих друзей были и неизвестные мне люди - те, кто не назвав себя, заблаговременно предупредили о готовящейся провокации и помогли тем самым лучше подготовиться к парированию ее. Я преклоняюсь перед благородным поступком этих людей, но должен сказать, что я и мои товарищи всегда на страже, всегда готовы к любым провокациям.

Могу заверить Вас, Юрий Владимирович, что поймать себя на "шпионстве" никто из нас не позволит. Если решено меня арестовать, то придется сажать за то, что я делаю в действительности, т. е. за мои коммунистические и демократические убеждения и действия. За это придется и судить. Правда, у "правосудия" и теперь в запасе имеется "институт" им. Сербского. Но я надеюсь, что сейчас и в Советском Союзе и за рубежом найдется не так много тех, кто поверит, что сказанное, сделанное и написанное мною - бред сумасшедшего. 1964-65 годы кое-чему научили. Теперь не удастся, как в те годы, спрятать написанное и сделанное мною, т. к. всё это уже является достоянием широкой гласности.

Однако, несмотря на это, никто, я в том числе, не может быть гарантирован от произвола. Опыт показывает, что отдельный человек бессилен перед произволом КГБ. Десятки миллионов ни в чем не повинных людей замучены в застенках, расстреляны,

уничтожены в лагерях смерти только потому, что выступали против жестокой организованной силы в одиночку. Чтобы этого не происходило в будущем, люди должны организоваться для защиты своих гражданских прав. Этим я и буду заниматься впредь, основываясь на Конституции СССР и действующих законах. Буду организовывать людей для коллективной защиты тех, на кого обрушиваются беззаконные судебные и внесудебные репрессии.

Сейчас во всем мире много говорят о сталинизме. Судят и рядят о том, возрождается он или нет. Еженедельник ЦК итальянской компартии "Ринашита" начал дискуссию по этому поводу. Я буду рад, если это письмо попадет в "Ринашиту" и будет опубликовано, как сигнал о проявлении тенденций к возрождению сталинизма в СССР.

В заключение один вопрос, не относящийся прямо к теме моего письма. Я обращаюсь к Вашей совести и прошу - сделать все, чтобы семья моего друга Костерина А. Е. была оставлена в покое.

Не мне рассказывать Вам, что пережил сам Алексей Евграфович по милости учреждения, которое ныне возглавляется Вами. Пытки в застенках госбезопасности, 17 лет сталинских лагерей смерти и жестокая травля, которой он подвергался до конца дней своих, - по-моему, цена достаточная, чтобы получить право на спокойное переселение в мир иной. Однако, его лишили и этого. Вряд ли уместно рассказывать в данном письме, как сотрудники КГБ провожали в последний скорбный путь прах этого мужественного, кристальной честности коммуниста-ленинца-интернационалиста, непоколебимого защитника малых гонимых народов. Эту последнюю картину я, как сумел, описал в сборнике, посвященном памяти писателя. Сборник получил широкое распространение в "Самиздате" и отпечатан по заказу Фламандского Комитета сотрудничества с Восточной Европой в типографии издательства "Посев" отдельной книжкой. Образцы того и другого я Вам не посылаю, т. к. мне доподлинно известно, что в КГБ они имеются и лежат без употребления. У нас же - друзей Костерина - их очень ограниченное количество, и находятся они в непрерывном обращении. Сейчас Костерин мертв, и из уважения к его памяти, учитывая его более чем полувековой большевистский стаж, будет справедливо не вымещать зло на его семье. Ни сам Костерин, ни его семья уже ничем Вам повредить не смогут, и было бы просто бесчеловечно продолжать преследование беспомощных людей.

27 апреля 1969 года П. Григоренко

Москва, Г-21, Комсомольский проспект,

14/1, кв. 96. Тел. 2-46-27-37

P.S. Я ничего не написал о самой большой и наиболее низменной провокации против меня и моих друзей в Москве - незаконном ведении против нас следствия (без нашего участия) в Киеве, Харькове и о судах над разработанными нами документами в тайне от нас - в Ленинграде, Москве, Симферополе, Ташкенте. Не пишу не потому, что не знаю об этом и не потому, что меня не возмущает сей произвол, а потому что это тема специального письма.

Правда, адресовано оно уже будет не Вам.

29 апреля 1969 г. П. Г.

КОНЕЦ ИЛЛЮЗИЙ

Заявление по поводу ареста Яхимовича Ивана Антоновича

Итак, первый круг прозрения человека в нашей стране завершился и для Ивана Антоновича. 24 марта он арестован, и сейчас для него создается искусственное дело.

Это - конец всем иллюзиям, тайным надеждам, что страшные дела - просто ошибки, а взгляды руководителей партии и государства соответствуют тем идеалам, о которых они говорят с официальных трибун. С арестом эти иллюзии исчезают. Того, кто является действительным коммунистом, теперь уже никогда и никому не обмануть никакими велеречивыми заявлениями. Для людей особо чувствительных это самый тяжелый, самый страшный перелом в жизни. Я все это испытал сам в свое время.

Теперь это испытание выпало и на долю моего дорогого друга. Каково ему, вы можете судить по письму, которое он написал перед самым своим арестом. История рождения этого письма тоже поучительна. В отношении Яхимовича велось дело. На последнем перед его арестом допросе ему предъявили клеветнические показания одного из преподавателей Сельхозакадемии и такого же рода характеристику первого секретаря Краславского райкома партии. И Иван сделал правильный вывод: если следствие пошло на фабрикацию подобных документов, значит вопрос о его аресте и осуждении предрешен. Воспользовавшись тем, что его в этот раз отпустили домой, он и написал письмо. Кто его прочитает, почувствует, какая невыносимая боль звучит из каждой его строчки. Боль не за себя, не за свою искалеченную жизнь, а за дорогие сердцу, так безжалостно попранные идеалы.

Да, Иван человек с обостренной чувствительностью, человек беззаветно преданный идеалам, усвоенным еще в детстве, человек очень честный, доверчивый, любящий людей. В каждом шаге, в каждом его действии - моральная чистота, цельность натуры, вера в людей, в правоту дела, которому отдавал всего себя. Надо было

видеть, как он разговаривал с людьми, как относились к нему они, какая трогательная дружба была у него с женой, как любили своего отца три его дочурки, старшей из которых всего 8 лет, чтобы понять, какой это чистый, честный, светлой души человек.

Познакомился я с Яхимовичем в марте 1968 года. Он приехал в Москву, чтобы найти Павла Литвинова и Ларису Богораз. Их обращение "К мировой общественности" он услышал по зарубежному радио. Под свежим впечатлением написал, как коммунист коммунисту, товарищеское письмо одному из секретарей ЦК - Суслову. Последний, как это и принято во взаимоотношениях высокопоставленных партийных чиновников с рядовыми коммунистами, на письмо не ответил. Но зато оно было встречено с большим интересом в "Самиздате", начало быстро распространяться и вскоре попало за рубеж. После того, как его передали по зарубежному радио, Яхимовича вызвали в КГБ. В ходе длительной беседы ему было, в частности, заявлено, что никакого обращения Литвинов и Богораз не подписывали, что это фальшивка, вымысел Би-Би-Си. Чтобы выяснить, кто прав КГБ или Би-Би-Си - он и прибыл в Москву.

С первого же разговора я понял, что имею дело с убежденным коммунистом, высокообразованным марксистом-ленинцем. Это сразу сблизило его не только со мною, но и с моими друзьями коммунистами - членом партии большевиков с 1916 года, отбывшим три года царской тюрьмы и 17 лет сталинских лагерей смерти, 72-летним писателем Алексеем Костериным, членом партии с 1920 года, перенесшим страшнейшие пытки в застенках госбезопасности, пытки, оставившие след на всю жизнь (разрыв связок позвоночника), 64-летним научным работником Сергеем Писаревым, секретарем партийной организации в одном из НИИ города Обнинска, талантливым молодым ученым, одним из авторов книг - "Физики шутят" и "Физики продолжают шутить", физиком-теоретиком Валерием Павлинчуком. Многие вопросы обсуждались в этой пятерке преданнейших идеям коммунизма людей. И когда летом 1968 года нависли тучи над Чехословакией, мы решили открыто высказать, что мы думаем по поводу событий в этой стране. Передать наше коллективное письмо в посольство ЧССР друзья поручили мне и Яхимовичу. 28 июля 1968 года мы исполнили эту миссию.

Последний раз я виделся с Иваном Антоновичем в конце февраля с. г. В этот очень короткий его приезд (всего на два дня) мы беседовали наедине чуть ли не больше, чем за все предыдущее время. Очень грустно было расставаться. Может потому, что в отношении Яхимовича уже тогда велось следствие, и можно было ожидать ареста, а, может, потому, что к этому времени из нашей

"пятерки" остались только мы двое. Ушли из жизни затравленные жестокой бюрократической машиной Алексей Костерин и Валерий Павлинчук, тяжело заболел подвергшийся жестоким гонениям Сергей Писарев.

Глубокий анализ внутриполитического и международного положения СССР и противоречий в международном коммунистическом движении, который я услышал от своего собеседника в тот раз, указывал на то, что он в течение всего времени, когда мы находились врозь, внимательно изучал эти вопросы, много передумал и перечувствовал. Надо было слышать, с какой болью и тревогой говорил он о тех неразумных действиях, которые ставят нашу партию и страну в исключительно неблагоприятное положение, ослабляют ее и подрывают международный авторитет. Завершением этих бесед и явилось наше совместное обращение "К гражданам СССР" по поводу самосожжений в Чехословакии.

О себе Яхимович рассказал очень убедительно в своем последнем письме. Поэтому я напомню лишь в общих чертах его биографию. 23-х лет он закончил университет. Благородный труд педагога, которому он посвятил себя после этого, увлек его, полюбился ему. Однако проработать в школе он смог всего 4 года. Руководство КПСС призвало культурные силы партии в деревню - спасать сельское хозяйство, загубленное всей предыдущей преступной политикой. И молодой коммунист Яхимович решает оставить ради этого любимую работу. Не ради карьеры, не ради славы, а исключительно из коммунистической убежденности.

Вступив в партию в 1960 году, он много работает над изучением классиков марксизма-ленинизма и текущих партийных документов. Все изученное, трансформируясь в его мозгу, становится его личным мироощущением, постоянным руководящим началом для всех его поступков и действий. Правильному развитию его коммунистического мышления способствовало то, что начал он свою партийную жизнь после XX съезда КПСС и потому не пережил во всей полноте мертвящее воздействие на умы догматики периода культа личности. Но не пережив этого лично, он все же получил достаточно правильное представление об этом периоде, и это сказалось на формировании его взглядов. Он сделал для себя твердый вывод, что нельзя больше позволять партийной олигархии бесконтрольно хозяйничать в партии и государстве. Каждый коммунист, какой бы пост он ни занимал, имеет одинаковое право участвовать в решении всех внутрипартийных вопросов и в государственных делах. Яхимович был уверен, что это не только

его вывод, но и общепартийная линия. Он не знал еще в то время, что одно дело слова руководителей партии и государства, а другое - их реальная практика. Ему невдомек было, что именно отстаивание выработанного им взгляда на жизнь приведет его на скамью подсудимых.

До тех пор, пока он предъявлял свое право только на первую часть своей жизненной формулы, все было хорошо. Никто не возражал, когда он, отказавшись от привилегий, которые ему давала любимая педагогическая работа, выразил желание, не считаясь с предстоящими бытовыми трудностями, пойти на работу в отсталый колхоз. Наоборот, этот поступок получил одобрение партийного аппарата.

В 1960 году он избирается председателем колхоза "Яуна Гварде". Работал самозабвенно, осваивая новое, незнакомое и сложное дело. До всего доходил опытом, учился у рядовых колхозников. За делом не оставалось времени даже на семью, которую очень любил. И все же он решает найти время еще и на учебу по новой своей профессии. В 1964 году он начинает учиться в Латвийской сельскохозяйственной академии. Напряженный труд не пропал даром. Колхоз пошел в гору. О нем заговорила даже центральная пресса. Колхозники достойно оценили своего председателя, прониклись к нему полным доверием и уважением: четырежды переизбирали его на этот пост.

Но вот пришла пора второй половины принятой Яхимовичем жизненной формулы. Он высказал свои взгляды по очень небольшому вопросу, и сразу выяснилось, что его мнение не только не нужно руководителям партии, но раздражает их своим напоминанием об узурпированных правах членов партии. Оказалось, что руководители только на словах за партийное равноправие, а в действительности их устраивает внутрипартийная обстановка, сложившаяся в период культа личности - обстановка полной бесконтрольности руководителей и их независимость от партийной массы. Не секрет, что в те проклятые времена в партию проникло большое количество шкурников и карьеристов, морально растленных типов. Основная же масса остальных членов партии, в результате многократных зверских чисток партии от мыслящих ее членов, превратилась в людей политически индифферентных, живущих по принципу: "ЦК лучше знает, что и как делать, а наше дело - беспрекословно подчиняться партийным "вождям". Идеология именно этой части партийной массы поддерживалась и поощрялась верховным руководством партии.

Сами высшие партийные руководители, воспитанные в затхлой атмосфере узкого семейного кружка приближенных

"вождя", воспринимали "партизанские вылазки", подобные письму Яхимовича, как бык воспринимает красный цвет. И что бы и как бы он ни написал, но если это было сделано по собственной инициативе, а не по указке свыше, его могла ожидать только та судьба, которая и постигла его в действительности. Минуя первичную партийную организацию, его исключают из партии, по сути выбрасывают решением партийно-чиновничьего аппарата райкома, а затем, когда он уехал сдавать экзамены за четвертый курс сельхозакадемии, его, в нарушение Устава сельскохозяйственной артели, отстраняют от должности председателя колхоза. Одновременно уволили и его жену из школы, где она преподавала русский язык.

Яхимовичам с тремя малолетними детьми на руках пришлось начать поиски работы и жилья. Поехали в город Юрмала к матери жены и поселились вместе с ней в комнате, площадью восемь квадратных метров. Их прописали, но через несколько дней Ивана Антоновича оттуда выписали. Пришлось пережить много мытарств, пока, наконец, было получено разрешение на временную прописку, а с ним и возможность устроиться на работу. Ивана приняли кочегаром в санаторий, а Ирину воспитателем в детский сад, видимо, не без оснований надеясь, что дети в этом возрасте еще не подвержены воздействию ее "враждебной" идеологии.

Пока Яхимович добивался прописки и ввиду этого не работал, его вдруг "заподозрили" в ограблении банка и произвели обыск. Но, странное дело, обыск производит не уголовный розыск, а сотрудники КГБ, и ищут почему-то не орудия преступления и похищенные деньги, а очень внимательно листают книги, изымают все "самиздательское", дневниковые записи и письма "подозреваемого". Скоро начинается и следствие, но не по тому поводу, по которому производился обыск, а по подозрению в "распространении клеветнических слухов, порочащих советский государственный и общественный строй". Кстати, во время этого следствия случайно удалось установить, что настоящий преступник, человек в действительности ограбивший банк, был задержан задолго до того, как у Яхимовича производился обыск.

Но какое все это имеет значение?! Для КГБ законов не существует. Если человек арестован этими органами, то дело будет оформлено, прокурор обвинение поддержит, а "самый справедливый" советский суд осудит этого человека. Прошлый опыт не дает ни одного примера, когда было бы иначе. Десятки миллионов реабилитированных посмертно или после многолетнего пребывания в сталинских лагерях смерти - лучшее

подтверждение "правосудности" приговоров в прошлом. А нынешняя система отличается от той только количественно (меньше сажают), но не по существу. В коренной своей сути ("КГБ ошибок не делает") она осталась прежней. Поэтому и Яхимович будет обязательно осужден, если не найдутся силы, способные остановить преступную руку сталинских последышей.

Отдельный человек ничто для сталинистов. С ним они считаться не будут.

30 апреля 1969 г. П. Григоренко

КТО ЖЕ ПРЕСТУПНИКИ?

Защитительная речь, подготовленная для выступления на суде над 10-ю представителями крымско-татарского народа в г. Ташкенте

Передо мною "Обвинительное заключение по уголовному делу по обвинению: Байрамова Решата, Бариева Айдера, Аметовой Светланы, Халиловой Мунире, Умерова Ризы, Эминова Руслана, Хаирова Иззета, Кадыева Роллана, Гафарова Ридвана, Языджиева Исмаила". Все они обвиняются по ст. 1901 УК РСФСР, соответствующим статьям УК УССР и УК УзССР, а одного (последнего в списке) настигла даже рука Таджикской Немезиды. Ему инкриминировали кроме ст. 1914 УК УзССР и 1901 УК РСФСР еще и ст. 2031 УК Таджикской ССР.*

* Не следует думать, что текст Обвинительного заключения был любезно предоставлен автору прокуратурой. - Ред.

Не будем однако придавать значение разнообразию кодексов и нумерации статей. Во всех статьях на разных языках дана одна и та же формулировка преступления и предусматривается абсолютно одинаковое наказание.

"Обвинительное заключение" производит весьма внушительное впечатление. 78 страниц основного текста и 9 страниц приложений, внушительная размашистая подпись - следователь по особо важным делам при прокуратуре УзССР Советник юстиции Березовский. Над первой страницей - солидная, вызывающая ведомственный трепет резолюция - Обвинительное заключение "Утверждаю" Прокурор Узбекской ССР Государственный Советник юстиции 3-го класса - К. Рузметов. " " апреля 1969 г.

Солидность нарушается только тем, что уважаемый "советник" юстиции забыл выше своей подписи поставить дату составления обвинительного заключения; под фамилией "К. Рузметов" нет даты утверждения обвинительного заключения. О ... Это мелочи! В главном всё выглядит очень внушительно - 10 обвиняемых, 108 свидетелей и объем. Объем обвинительного заключения чуть ли не в том! Объем следственного дела - 20

томов. Серьёзное дело, очень серьёзное дело!

А суть обвинения в чем?

Обычно положено суть выносить в голову обвинительного заключения. Приведем эту "голову" полностью. Вот она:

"Основанием к возбуждению настоящего уголовного дела послужил клеветнический документ под названием "Траурная информация No 69", поступивший в адрес Союза Писателей Узбекистана от обвиняемого Байрамова Решата (том 1, л.д. 14). Как установлено в ходе предварительного следствия, в течение ряда лет, начиная с 1962 г., в Узбекистане действовали так называемые "Инициативные группы из лиц татарской национальности, ранее проживавших в Крыму". Наиболее активными членами нелегальных "инициативных групп" являлись обвиняемые Байрамов Решат, Бариев Айдер, Хаиров Иззет, Гафаров Ридван, которые совместно с обвиняемымы Кадыевым Ролланом, Аметовой Светланой и Халиловой Мунире включились в активную деятельность по разрешению так называемого Крымско-татарского вопроса. Указанные лица продолжительное время занимались изготовлением и распространением различного рода документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие Советский государственный и общественный строй; сбором подписей под этими документами; проведением нелегальных сборищ; а некоторые, как Байрамов, сбором денег, которые использовались на расходы "представителей" лиц татарской национальности. Находясь в Москве, обвиняемые Байрамов, Бариев, Кадыев, Аметова, Халилова и другие, помимо отправления клеветнических документов в партийные и правительственные инстанции, рассылали их в большом количестве в общественные и государственные организации, работникам науки, культуры и искусства, общественным деятелям и частным лицам. Они же занимались размножением клеветнических документов и знакомили с ними широкий круг татарского населения, проживающего в Узбекистане, Москве и других городах и районах Советского Союза. В документах, изготовленных и распространяемых Байрамовым, Бариевым, Кадыевым и другими обвиняемыми, в ложном клеветническом духе излагается политика КПСС, Советского правительства по национальному вопросу, а также содержится утверждение о том, что лица татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму, находятся якобы в состоянии крайней нужды, бесправия, угнетения и т. д.".

На этом общая характеристика преступной деятельности обвиняемых и заканчивается. Эта характеристика не отличается

ясностью и определенностью. Бросается в глаза ее лоскутность - отсутствие органической связи между различными утверждениями обвинения.

Последнее утверждение - просто ложь. Нет ни одного составленного крымскими татарами документа, в котором было бы написано подобное. Крымские татары очень трудолюбивый народ. Их культура, особенно земледельческая, значительно выше, чем у местного населения, ввиду чего выше и их материальное благосостояние, чем они очень гордятся, и поэтому никогда не прибедняются.

Первое утверждение коротко состоит в том, что в Узбекистане с 1965 г. действует нелегальная организация, поставившая своей целью разрешение крымско-татарского вопроса. В состав этой организации входили (нелегально) и все обвиняемые, кроме Кадыева, Аметовой, Халиловой. Эти последние в разрешении крымско-татарского вопроса, согласно обвинительному заключению, не участвовали; вопрос же об их участии в нелегальной организации обойден. Вопрос о нелегальной организации темен не только в отношении названных лиц. Возьмем, например, формулу обвинения Баирамова Решата, который совершенно определенно назван членом нелегальной организации. Вот что сказано в отношении его, как итог следствия (стр. 82 обвин. закл.):

"...Обвиняется в том, что в период с января по август 1968 года, находясь в городах Москве, Мелитополе, систематически занимался изготовлением и распространением клеветнических документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие Советский государственный и общественный строй, т. е. в совершении преступлений, предусмотренных статьями 1901 УК РСФСР и 1871 УК УССР".

Формула обвинения в конце обвинительного заключения всем, кто в начале этого документа назван как участник нелегальной организации, аналогична приведенной выше. А где же участие в нелегальной организации? Куда девалась эта организация?! Существовала ли в природе такая нелегальная организация? Если да, то почему в отношении ее не принято никаких мер? А если нет, то в общей формуле обвинения содержится - клевета. Совершенно очевидно, что верно последнее предположение, так как не только советник юстиции Березовский, но даже прокурор УзССР К. Рузметов не рискнул бы оставить безнаказанным участие в нелегальной организации и не тронуть саму эту организацию, коль скоро ему стало известно о ее существовании. Значит действительным вопросом, который и надлежит выяснить, является вопрос о том, зачем понадобилась

столь грубая и беспардонная клевета в таком документе как обвинительное заключение. Но чтобы это выяснить, надо прежде всего разобраться - существует ли тот вопрос, ради решения которого была якобы создана нелегальная организация, крымско-татарский национальный вопрос, и в чем суть этого вопроса.

Итак, поговорим о крымско-татарском национальном вопросе.

Существует ли он? Да, существует. И создан он не крымскими татарами, а теми, кто оклеветал этот народ, ограбил его, зверски изгнал его со своей Родины, истребив при этом почти половину его состава, и поселил оставшихся в живых в резервациях на полупустынных территориях Средней Азии, Урала и Сибири.

Это было величайшее преступление против человечества - геноцид.

Крымских татар хотели истребить как нацию, частично - физически, затем путем ассимиляции. Именно для последнего крымских татар лишили исконной Родины... Ликвидировали: крымско-татарскую национальную автономию, крымско-татарский язык, крымско-татарскую литературу, духовную жизнь народа, его верования, традиции, праздники.

Геноцид - что в переводе на русский язык означает убийство народа - это страшное порождение двух окаянных фюреров XX века. Но бесноватый Адольф сразу замахнулся на нацию, насчитывающую много миллионов, а "марксист" Сталин решил "потренироваться" на малых нациях. В число этих наций попали и крымские татары.

Свыше 10-ти лет совершалось наиболее зверское убийство этой нации содержание ее в резервациях, которые назывались в нашей стране комендантурами. Со смертью Сталина резервации не были уничтожены. Изменился лишь режим в них. С 1956 года с крымских татар сняли режим спецпереселенцев, но оставили в силе запрещение покидать места ссылки. Их закрепостили на тех местах, куда они были в свое время так зверски депортированы со своей родной земли.

И народ, перенесший столь страшный террор, задавленный своим неравноправным положением, лишенный даже права называться крымскими татарами исконным названием своей нации, - начал борьбу за свое национальное равноправие, за право жить на родной земле, среди людей своей нации, за право иметь свой язык, школы на родном языке, периодическую печать, литературу, искусство, культуру. Это было всенародное движение, и руководство партии и страны понимало эти чаяния народа. Народные представители неоднократно принимались представителями партии и государства, которые выслушивали

народных представителей и давали обещание разрешить наболевший вопрос. Но одновременно на местах велась другая "работа". Наиболее активных участников народного движения отдавали под суд по различным вымышленным обвинениям, распространялась клевета на движение крымских татар, с помощью полицейских репрессий подавлялась естественная национальная жизнь народа - массовые гуляния, свадьбы, похороны и так далее. Все это изображалось как враждебные акции со стороны крымских татар. Довольно продолжительное время существовали рядом названные тенденции - тенденция к справедливому разрешению крымско-татарского вопроса и тенденция к клевете на это движение и к насильственному его подавлению.

Соотношение между двумя этими тенденциями не всегда было одинаково. Если в начале преимущественное влияние имела первая тенденция, то потом на первый план начала все более выходить вторая.

Положение дел крымско-татарского народа стало совсем тревожным, когда партийно-государственное руководство послало для переговоров с народными представителями летом 1967 года одних только руководителей карательных органов государства - председателя Комитета безопасности Андропова, министра охраны общественного порядка Щелокова и Генерального Прокурора СССР Руденко. Присутствие секретаря Президиума Верховного Совета СССР не могло изменить нерадостной картины этой встречи представителей народа с теми, у кого в руках средства массового принуждения. Естественно, что после такой встречи народ с особо пристальным вниманием и тревогой ждал обещанного на ней Указа Президиума Верховного Совета СССР. И вот Указ от 5-го сентября 1967 года опубликован.

Первая радость от того, что наконец-то снято дикое обвинение в измене Родине. Обвинение, которое почти четверть века тяготило народ. Оно клеймило и тех, кто в 1944 году был грудным младенцем, и беспомощных стариков, инвалидов, женщин, и тех, кто сражался с гитлеровскими захватчиками в рядах Советских вооруженных сил и в партизанских отрядах, и тех, кто погиб, защищая Родину, и даже могилы предков.

Радость была велика, но она почти сразу начала омрачаться второй, весьма зловещей, непонятной частью Указа. Той частью, в которой Президиуму Верховного Совета понадобилось отметить, что крымские татары укоренились на территории Узбекистана и других республик Средней Азии. Обвинительное заключение ставит в вину Языджиеву, что он сказал, будто Верховный Совет

считает крымских татар за саженцы. Но это выражение принадлежит не Языджиеву - оно родилось в народе. Причем повсеместно. Люди спрашивали друг друга: "Зачем надо было это писать? Мы что - саженцы"? Передо мной стоит все время этот вопрос и другой - как вообще можно определить, насколько укоренился данный человек на данном месте? И существуют ли вообще объективные критерии для определения этого? Если этот вопрос перенести с отдельного человека на целую нацию, то отрицательный ответ на оба моих вопроса будет совершенно очевиден. Действительно, только в отношении саженцев можно твердо сказать, укоренились они или не укоренились. К людям это выражение неприменимо. Но тогда возникает вопрос: для чего это написано в Указе? Объяснить это неграмотностью составителей было бы слишком просто и вряд ли верно. И передовые люди крымско-татарского народа пришли к заключению, что это завуалированное, в иносказательной форме произнесенное распоряжение - не выпускать крымских татар с мест их ссылки и продолжать насильственную их ассимиляцию. Об этом же свидетельствовал и совсем незначительный внешне факт.

В Указе крымские татары были лишены своего исконного названия. Указ говорит не о "крымских татарах", а о "татарах, ранее проживавших в Крыму". Этим вроде бы малозаметным приемом изъяли из употребления наименование определенной нации со своей территорией, языком, многовековой культурой. Нет теперь такой нации. Есть просто татары. Правда, они когда-то проживали в Крыму. Но теперь укоренились в Средней Азии. Таким образом, и это название как бы есть мера геноцидного характера.

Этим путем хотят скрыть тот факт, что было совершено убийство народа, хотят стереть из памяти народной даже само понятие - крымско-татарская нация, крымско-татарский народ. Для нас валено установить, что такое предписание действительно существовало в Указе от 5 сентября 1967 г., и что оно выполняется неукоснительно. Активистов крымско-татарского движения за национальное равноправие судят на основании различных сфальсифицированных обвинений. Любое скопление крымских татар, даже если это просто национальное праздничное гуляние, подвергается разгону с применением силы, с употреблением милицейских дубинок и водометов, с массовыми арестами ни в чём не повинных людей. Свободно избранных народом представителей, которые едут в Москву, чтобы принести жалобу на бесчинства местных властей, как диких зверей выволакивают на улицу и в скотных вагонах этапируют в места

ссылки в Среднюю Азию, в том числе даже тех, которые приехали из Белоруссии, Украины, Северного Кавказа. Те из крымских татар, кто, поверив Указу и одновременно с ним изданному постановлению, едут на родину в Крым, - подвергаются там страшным гонениям, им не дают возможности ни работать, ни жить в Крыму. Их вылавливают, избивают, связывают и вывозят под конвоем. Куда? Да снова туда, где они "укоренились" по милости Сталина и его подручных - в Среднюю Азию. Именно эти действия властей в Средней Азии, в Москве, в Крыму породили те документы, которые в рассматриваемом обвинительном заключении называют клеветническими, ставят обвиняемым в вину их составление, размножение и распространение. Очевидно, что ни один из этих документов не может являться криминальным для его составителей, поскольку никто в компетентных инстанциях, которым были посланы эти документы, не рассматривал и не расследовал изложенные в них факты и не дал своего компетентного заключения об их ложности. Но в самом деле происходили ли события, изложенные в "Траурной информации", в письме "Кровавое воскресение", "Чирчикских громил к ответу" и во всех других документах, перечисленных в обвинительном заключении? Кто, где, когда расследовал факт за фактом, событие за событием те зверства, которые учинили громилы гуляющим крымским татарам, весело отмечавшим день рождения В. И. Ленина и свой весенний национальный праздник "Дервиза" в городском парке города Чирчика? Советник юстиции Березовский заявляет, что "милиция приняла меры по наведению общественного порядка". Но, извините, даже если бы Вы, "советник юстиции", были при этих событиях в Чирчике, Ваше мнение по этому вопросу, выражаясь не вполне юридически, плевка доброго не стоило бы. Еще меньше стоит заявление тех, кто "наводил общественный порядок"; меньше потому, что они в данном случае лишь "сторона". Причем сторона, на которую жалуются десятки тысяч крымских татар - все крымские татары, участвовавшие в своем национальном празднике в гор. Чирчике 21 апреля 1968 года.

Авторитетным в этом споре между трудящимися и органами насилия Узбекистана может быть решение только тех, кому жаловались трудящиеся - высшего партийно-государственного руководства СССР. Только оно имело право и должно было назначить соответствующую квалифицированную государственную комиссию, должно было рассмотреть это дело и вынести честное, и определенное решение. Было ли это сделано? Нет! А поставила ли прокуратура УзССР вопрос о таком расследовании перед Генеральным Прокурором СССР? Тоже нет!

Так может быть, прокурор УзССР, считая себя компетентным в таком расследовании, произвёл его и дал исчерпывающий ответ трудящимся крымским татарам? Опять-таки - нет! Единственное, что сделала прокуратура УзССР - она попыталась заткнуть рот жертвам чирчикского побоища, проведя провокационный процесс над ними. Но это не только не ответ по существу, а косвенное подтверждение справедливости жалобы трудящихся крымских татар. Точно так же никто не расследовал жалобы крымских татар на дискриминационные и просто бандитские действия крымских властей, жалобы на то, что там проводится политика "Крым - без крымских татар".

В этой жалобе изложены конкретные даты, цифры, факты, лица. Все это можно либо опровергнуть, либо подтвердить, но нельзя голословно квалифицировать как ложные измышления. Если в Крым после Указа от 5 сентября прибыло 12000 семей, а прописались меньше 200, хотя в это же время велась усиленная вербовка рабочей силы во всех областях СССР для работы в Крыму; если крымских татар выдворяли из Крыма с применением грубой силы, избивая, связывая, - то можно ли доказать, что этого не было, что прописаны и трудоустроены все, кто прибыл, что никого насильно не вывозили, и можно ли сказать, что что-то предпринято в целях неповторения такого в будущем и что кто-нибудь наказан за этот произвол? Должны быть расследованы также и события, связанные с незаконным выдворением представителей крымско-татарского народа из Москвы.

Произвол!

В общем, ни один из фактов, изложенных в инкриминируемых документах, никем не проверялся, и в распоряжении следствия нет никаких документов, опровергающих достоверность того или иного из приведенных фактов. В силу этого следствие вынуждено ограничиваться голословными ругательствами в адрес рассматриваемых документов. Во всем обвинительном заключении нет ни одной строчки, где бы доказывалось фактами, что сообщения, жалобы обвиняемых являются клеветническими. Составитель обвинительного заключения огульно порочит имеющиеся у него в руках документы.

Вот несколько примеров "полемики" советника юстиции Березовского с фактами, приводимыми в документах, составленных обвиняемыми.

Информация No 60 - "Байрамов возводил клевету на положение крымских татар в СССР" (стр. 1).

Информация No 61 "...он вновь возводит клевету на положение крымских татар в СССР, к представителям якобы

применяются методы насилия и произвола" (стр. 4). (Да, действительно, Байрамов не разбирается в современных правилах хорошего тона. Насильственный вывоз из Москвы и Крыма - это не насилие и произвол, это - забота о благе человека. - П. Г.)

Информация No 62 "...вновь заявил, что крымские татары находятся якобы в ссылке (нет, они приехали туда на экскурсию, да задержались. - П. Г.) и что над ними... беззакония и гонения, и что в Крыму проводится расистская тактика - Крым без татар" (стр. 4). (В связи со сказанным выше, коментарии здесь излишни - П. Г.)

В Информации No 63 "Бариев возводит клевету на положение крымских татар в СССР, утверждая, что они, якобы, находятся в местах "ссылки"". (Видимо, Березовский всерьез думает, что словцом "якобы" и кавычками можно заставить крымских татар забыть, что места их теперешнего проживания являются местами их ссылки, и что таковыми они будут до тех пор, пока власти не прекратят насильственно удерживать их там. - П. Г.)

И вот такой цепочкой пунктов заполнено все обвинительное заключение. Но изредка попадаются места посерьезнее. Сталинизм нет-нет да и покажет свои хищные клыки. Вот что написано, например, на 10-й стр. обвинительного заключения: "В этом письме возводится клевета на национальную политику Коммунистической партии и советского правительства, факты переселения крымских татар в 1944 году авторы письма преподносят как варварское злодеяние". Итак, зверская депортация 1944 года - это национальная политика коммунистической партии и советского правительства, а тех, кто называет это "варварским злодеянием" - под суд за клевету на эту "политику"!

Вот это да! Спасибо, "советник юстиции" Березовский и прокурор К. Рузметов, за откровенность!

Мы давно были уверены по вашим действиям, что вы - сталинисты. Теперь вы сказали это сами. Но вы проявили себя сталинистами не только в этой случайной обмолвке. Вы сталинисты прежде всего по окраске, которую вы придали делу. Ни один из документов, которые вы пытаетесь вменить в вину обвиняемым, вы не имели права взять для исследования в уголовное дело.

Во-первых, потому что основу этих документов составляют обращения в партийные и государственные органы; обращения, в которых излагаются конкретные, действительно имевшие место факты, определенные просьбы. Обращаться с такими сообщениями и просьбами в любые правительственные и партийные инстанции - неоспоримое право всех советских

граждан. Кто может в этом видеть преступление? Возьмем, например, "Обращение" к сессии Верховного Совета СССР по поводу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г.

Я спрашиваю - кто и какое имел право задержать это обращение граждан, не допустить его до сессии, т. е. того органа, который один имеет право утверждать или не утверждать Указ Президиума.

Крымским татарам этот Указ не нравился. Главным образом из-за его второй части. Но могла не нравиться и его первая часть. В ней вопрос о политической реабилитации тоже сформулирован не очень четко и, я бы сказал, недостаточно честно. В принятой формулировке при желании можно найти оправдание и произволу 1944 года. Нечестен этот Указ и в том отношении, что вопрос политической реабилитации не связан с вопросом ликвидации последствий произвола 1944 года.

Ведь если выселили незаконно, то, признав этот факт, надо решить вопрос и о возвращении на родину всех желающих. Может быть, нецелесообразно ставить сейчас вопрос о возвращении всего конфискованного и разграбленного имущества, но вопрос об оказании государственной помощи и об обеспечении жильем возвращающихся на родину должен быть решен. В Указе эти вопросы затронуты не были, и крымские татары имели право жаловаться сессии, а мешать им в этом никто не имел права. Тем более лишены вы права приобщать эту жалобу к уголовному делу ее составителей.

Что, разве сессия Верховного Совета рассматривала этот документ и приняла решение направить его в прокуратуру для привлечения авторов к уголовной ответственности?

Я знаю, что нет, что депутаты Верховного Совета СССР не видели этого документа.

Аналогичным образом обстоит дело с документами, направленными в ЦК КПСС, Правительство, Генеральному Прокурору. Неоспоримо право граждан писать в эти инстанции и получать от них ответы. Нет права у тех, кому пишут, не отвечать; а у органов юстиции нет права привлекать к уголовной ответственности за то, что пишут в верховные партийные и государственные инстанции.

С рассмотренной точки зрения все указанные документы не могут быть основанием для привлечения к уголовной ответственности. Ни один из привлечённых к делу документов не может служить основанием для обвинения до тех пор, пока компетентное расследование не докажет, что факты, изложенные в этих документах, не имели места или извращены. Этого сделано

не было, в виду чего все обвинение построено на песке.

Обвинение специально "шито белыми нитками", чтобы крымские татары видели, что судят их за участие в национальном движении, что их судят за то, что они хотят покинуть места ссылки и вернуться на Родину. Для этого написана ложь в первой части обвинения о нелегальной организации; показав обвиняемым, за что их судят в действительности, тут же говорят: хоть это и не уголовно наказуемое деяние, но мы его так можем переиначить, что оно станет уголовно наказуемым. Правда, будут видны белые нитки, но на это наплевать. В суде, прокуратуре свои люди.

Вот поэтому мы и задали в самом начале вопрос: КТО ЖЕ ПРЕСТУПНИКИ? Те, кто борются за национальное равноправие своего народа, или те, кто хотят увековечить сталинский произвол 1944 г., кто хочет продолжить политику геноцида в отношении крымских татар?

Ещё раз перечитав "Обвинительное заключение", я вижу, сколь слаба моя критика. "Обвинительное заключение" - документ такой антисоветской силы, что для компрометации данного судебного дела и судебно-правовой системы, порождающей такие дела, надо распространять само "Обвинительное заключение", а не критические заметки о нем.

Апрель-Май 1969 г. Григоренко П. Г.

О СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ ("ДУРДОМАХ")

Товарищи просили меня коротко рассказать об этих учреждениях на основании личного опыта. Выполняю эту просьбу.

Идея психиатрических специальных больниц сама по себе ничего плохого не содержит, но в нашем специфическом осуществлении этой идеи нет ничего более преступного, более античеловеческого.

Дело в том, что метод расправы с неугодными людьми путем признания их сумасшедшими и помещения на длительные сроки или на всю жизнь в психиатрические лечебницы начал применяться с тех пор, как появилось понятие "сумасшедший". Учитывая это, передовая общественность издавна боролась за то, чтобы лечение психически больных проходило под действенным контролем общественности. Общественность боролась также за то, чтобы люди, совершившие преступление в состоянии психической невменяемости, уголовному наказанию не подвергались, а направлялись на психиатрическое лечение. Боролись за это и выдающиеся русские психиатры Бехтерев и Сербский. Советское законодательство пошло по пути удовлетворения этого требования передовых людей общества.

Но беда в том, что все это дело одновременно было

полностью изъято из-под надзора общественности, отдано в руки специально подобранного аппарата, в том числе и врачи назначаются только по специальному подбору, в котором квалификация врачебная роли почти не играет. На первое место выдвигаются другие качества, главное из которых - умение подчиняться, не проявлять своего медицинского "Я".

Если начать разбирать всю систему лечения психических больных, совершивших преступление, то основной ее порок - не в самих специальных психиатрических больницах. И если бы я описал только условия содержания больных в СПБ, как меня просили, то из этого еще ничего ни страшного, ни противозаконного не вытекало бы.

Больные в Ленинградской психиатрической больнице содержатся в большинстве в условиях менее строгих, чем тюремные. Только в пяти отделениях содержатся камерные. В остальных камеры от подъема до отбоя открыты. Большинство больных работает в мастерских. Одно отделение - санаторного типа, там имеется радио и телевидение. Имеется библиотека - и очень хорошая. Правда, многие книгоноши не любят освежать фонд, находящийся в отделении, но тот, кто пожелает, может добиться, чтобы ему принесли все, что ему нужно. Кроме того, книги, газеты, журналы разрешается передавать с воли. Два раза в неделю бывает кино. Свидания дважды в месяц местным и три дня подряд приезжим. Одновременно со свиданиями принимаются и продуктовые передачи. Питание значительно лучше, разнообразнее и вкуснее, чем в тюрьме. Дается белый хлеб. Нуждающиеся в диете получают ее. В меню входит масло сливочное, молоко, иногда фрукты. Мяса дают значительно больше, чем в тюрьме. Медицинское обслуживание (я не боюсь переоценить) образцовое. Думаю, что обычным психиатричкам далеко до такого обслуживания. Бросается в глаза очень высокая квалификация среднего медицинского персонала (видимо, дают знать себя значительно более высокие оклады содержания). Поэтому такие больницы, как ЛСПБ, в экскурсионном порядке можно показывать кому угодно, даже интуристам. Наиболее доверчивые могут даже восхищаться. Но не будем торопиться. Давайте посмотрим всю систему.

И начать надо с истока, т. е. выяснить - действительно ли туда попадают психически больные люди. И не заложены ли в самой системе условия для грубейшего произвола. Человек попадает на психиатрическое обследование в скандально знаменитый "Институт судебной психиатрии имени проф. Сербского" на основании постановления следователя. Институт этот номинально входит в систему Минздрава СССР, но я лично

неоднократно видел зав. отделением, в котором проходил экспертизу, проф. Лунца, приходящим на работу в форме полковника КГБ. Правда, в отделение он всегда приходил в белом халате. Видел я в форме КГБ и других врачей этого института. Какие взаимоотношения у этих кагебистов с Минздравом, мне установить не удалось.

Говорят, что кагебистским является только одно отделение - то, которое ведет экспертизу по политическим делам. Мне лично думается, что влияние КГБ, притом решающее влияние, распространяется на всю работу института. Но если дело обстоит даже так, как говорят, то возникает вопрос - может ли психиатрическая экспертиза по политическим делам быть объективной, если и следователи и эксперты подчиняются одному и тому же лицу, да еще связаны и военной дисциплиной?

Чтобы долго не гадать над этим вопросом, расскажу о том, что видел сам. Прибыл я во второе отделение (политическое) Института им. Сербского 12 марта 1964 года. До этого я даже не слышал о таком приеме расправы, как признание здорового человека психически невменяемым, если не считать то, что мне было известно о Петре Чаадаеве. О том, что в нашей стране существует система "Чаадаевизации", мне и в голову не приходило. Я понял это лишь когда мне самому было объявлено постановление о направлении на психиатрическое обследование. Состоялся следующий разговор со следователем.

Я, прочтя постановление, посмотрел на следователя и спросил: "Что, нашли выход из тупика?" (до этого я неоднократно говорил следователю, что если следствие и дальше будет продолжаться с соблюдением всех процессуальных норм, то оно очень скоро зайдет в тупик). На этот вопрос следователь, находившийся в большом смущении с самого начала, стал сбивчиво и путано говорить:

- Петр Григорьевич, что вы подумали! Да нет, это простая формальность. Вы человек абсолютно нормальный. Я в этом не сомневаюсь, но у вас в медицинской книжке имеется запись о контузии, и в этих случаях психиатрическая экспертиза обязательна. Без этого суд не примет дело.

На мое замечание, что для передачи куда бы то ни было дела, надо сначала иметь само дело, он продолжал заверять, что после окончания экспертизы следствие будет продолжаться, и дело оформят. Но для меня становилось все яснее, что никакого следствия не будет, что мне обеспечена психиатричка на всю жизнь (так я в то время думал). Логически придя к этому выводу, я впоследствии рассматривал все явления под углом зрения этого вывода.

Когда я прибыл в отделение, там находилось 9 человек. В течение последующих пяти-шести дней прибыло еще двое. Руководствуясь своим пониманием цели назначения экспертизы, я предсказал всем 11-ти, кого какое ждет заключение. Исходил я при этом только из характера дела каждого - из доказанности или недоказанности преступления, а не из психического состояния человека. Да, собственно, даже и без медицинского образования было ясно, что психически неполноценным является среди нас один только Толя Едаменко, но именно ему я предсказал обычный лагерь. "Дурдом", по-моему, ожидал только трех: меня, Боровика Павла (бухгалтер из Калининграда) и Дениса Григорьева (электромонтер из Волгограда). У всех этих людей следственное дело было пустое, и не было никакой возможности наполнить его содержанием.

Все остальные, по-моему, должны были быть признаны нормальными, хотя трое очень искусно "ломали ваньку", изображая из себя психически невменяемых, а один и в действительности был таковым. Один был у меня под сомнением - Юрий Гримм, крановщик из Москвы, который распространял листовку с карикатурой на Хрущева. Ему я сказал: "Не раскаешься - пойдешь в дурдом, раскаешься - в лагерь". Это заключение я сделал на том основании, что к нему несколько раз в неделю приезжал следователь и, обещая ему всякие блага, убеждал в необходимости "раскаяться". В конце концов Юра "раскаялся" и получил три года лагеря строгого режима. Полностью оправдались и все другие мои предсказания. Особо следует обратить внимание на пример с Гриммом. Когда я требовал прокурора и следователя, мне ответили, что в период экспертизы они не могут иметь доступа к подэкспертному. В отношении Гримма это не соблюдалось, что наилучшим образом свидетельствует о том, что так называемый институт - всего лишь подсобный орган следствия. И врач-эксперт, и следователь говорили с Юрой только об одном - о раскаянии. При этом врач вел себя хамовитее следователя и картинно живописал, как Юру упрячут на всю жизнь среди "психов", если он не раскается.

Уже в Ленинграде я тоже встретился с теми, кто попал в психиатричку, не будучи психически больным. Особенно тягостное впечатление произвел на меня инженер Петр Алексеевич Лысак. За выступление на собрании студентов против исключения нескольких из них по причине политического недоверия - он попал в Спецпсихбольницу и к моменту моего прибытия находился там уже 7 лет. Злоба за эту страшную расправу, за всю свою искалеченную жизнь затопила его мозг, и он ежедневно пишет самые злобные послания, которые,

естественно, никуда не идут, а ложатся в его медицинское досье и служат основанием для дальнейшего его "лечения" (из СПБ не принято выписывать тех, кто не признал себя больным). Я попытался ему втолковать эту истину. Но он, имеющий абсолютно нормальные суждения по всем вопросам, в этом пункте, что называется, "непробиваем". Хуже того, он соглашается с убедительностью моих доводов, но, когда я задаю наконец решающий вопрос: "Ну, так как, с завтрашнего дня писать прекращаем?" - он вдруг снова загорается - нет, я им сволочам все равно докажу! - Однажды во время такого разговора, когда Петр особенно увлекся мыслью о том, как он докажет, я с раздражением сказал: "Вы настолько нереально рассуждаете, что я начинаю сомневаться в вашей нормальности". Он вдруг остановился, посмотрел на меня взглядом, который нельзя забыть до смерти, и тихо, очень тихо, с какой-то горькой укоризной спросил: "А неужели вы думаете, что здесь можно пробыть 7 лет и остаться нормальным?"

И в этом его вопросе - вся суть нашей античеловеческой системы принудительного лечения. Очевидно, что если бы случаи содержания нормальных людей среди психически невменяемых были даже единичными, то и в этом случае надо было бы поднять самый решительный протест. Весь ужас положения здорового, попавшего в эти условия, состоит в том, что он сам начинает понимать, что со временем может превратиться в одного из тех, кого он видит вокруг себя. Особенно это страшно для людей с легко ранимой психикой, страдающих бессонницей, не умеющих самоизолировать себя от посторонних звуков, а они там распространяются с невероятной силой.

Ленинградская СПБ находится в здании бывшей женской тюрьмы, рядом со знаменитыми "Крестами". Здесь, как и в обычных тюрьмах, нормальные перекрытия имеются только над камерами. Середина же здания полая. Так что из коридора первого этажа можно видеть стеклянный фонарь крыши над пятым этажом. В этом колодце звуки распространяются очень хорошо и даже усиливаются. Именно на этом была основана одна из психических пыток заключенных этой больницы в сталинское время.

Создана она была в 1951 году. И тогда даже не скрывали, что создана она для того, чтобы без суда содержать в ней людей неугодных режиму. Тогда и врачей в этой "больнице" было столько же, сколько и в тюрьме, и права их ничем не отличались от прав тюремных врачей. Здесь в те времена смена постов производилась так: на первом этаже сменяющийся надзиратель во весь голос выкрикивал - "Пост по охране самых опасных врагов

народа сдал", и заступающий вторил - "пост по охране самых опасных врагов народа принял..." Это слышно было во всех камерах всех этажей. Затем то же самое повторялось на втором этаже, потом на третьем, четвертом, пятом. И так изо дня в день, при каждой смене. Теперь этого нет. Теперь это учреждение возглавляется врачами, и врачи во всех делах, связанных с содержанием тех, кто попал в больницу, играют решающую роль. Однако и они не в силах изменить звукопроводность здания, созданную при его постройке. Поэтому все происходящее на всех этажах прекрасно слышно было и при мне.

Но для меня лично это обходилось благополучно. Возможно, условия профессии, а может, железное здоровье, которым наградили меня родители, позволили быстро приучить себя к самоизоляции от всего, что не имеет непосредственного отношения ко мне. Я мог не слышать, чем жила вся тюрьма в течение более, чем двух часов - ловлей буйнопомешанного, которому удалось каким-то образом вырваться у санитаров и в голом виде носиться по всем этажам. Я мог привыкнуть не замечать непрерывную чечетку, отбиваемую у меня над головой почти круглыми сутками (перерывы наступали только в те короткие промежутки времени, когда танцор падал в полном изнеможении). Я не замечал и многого другого. И в этом отношении мое пребывание в этой больнице прошло без особого вреда для моей психики. Единственно, чего я не могу забыть, от чего иногда просыпаюсь по ночам, - это дикого, ночного крика, смешанного со звоном разбитого стекла. От этого я изолироваться не мог. Во сне, видимо, нервы не защищены от таких воздействий. Но я представляю, что должен переживать человек, который все окружающее воспринимает прямо на открытую нервную систему, у кого не развиты, как у меня, защитные нервные функции.

Если бы в такую обстановку люди могли попадать только иногда, случайно, то и в этом случае каждый такой факт надо было бы расследовать самым тщательным образом и, безусловно, с соблюдением самой широкой гласности. Но это не случайность, а система. Притом широко практикуемая. Я уже указывал, что только в течение месяца, когда я был на экспертизе, институт Сербского произвел трех здоровых в сумасшедшие и отправил одного безусловно психически ненормального человека в лагерь. Последнее тоже ведь система. Правда, я это понял только после прочтения книги Анатолия Марченко "Мои показания". Оказывается, такие люди нужны в лагерях для того, чтобы делать жизнь здоровых людей еще невыносимей.

Насколько широко пользуется следствие методом лживой

психиатрической экспертизы, можно судить по следующему факту. В ЛСПБ я встретился на прогулках с очень интересным собеседником, обладающим незаурядной памятью и умением увлекательно рассказывать. При этом, у него было что рассказать. Он, несмотря на свой не очень большой возраст, уже успел перешагнуть за десяток лет пребывания в местах заключения. Большую часть этого срока - в детских. В СПБ он попал при следующих обстоятельствах. Его арестовали за мелкую кражу и, вполне вероятно, выпустили бы, не отдавая под суд, если бы его следователю не вздумалось с его помощью закрыть одно "дохлое" дело - нераскрытое убийство. От рассказчика требовалось немногое - показать, что один из его ближайших друзей в момент совершения убийства находился в том населенном пункте, где оно произошло. Рассказчик знал, что это неправда, и потому отказался дать такие показания. Тогда следователь заявил: "Ах, не хочешь помогать следствию! Ну тогда я тебя упеку в такое место, что ты меня всю жизнь не забудешь", и ... направил его на психиатрическую экспертизу, которая не замедлила признать его невменяемым. С тех пор он и борется с этим заключением.

Володе Пантину (так назывался этот человек), повезло. Ему попалась умная, честная женщина, которая сумела повести дело таким образом, что заключение экспертизы было отменено. Очень хорошо относившийся ко мне врач сказал, что это исключительный случай. Как правило же, отменить заключение экспертизы невозможно, так как на отмену обязательно необходимо согласие врача, поставившего первичный диагноз. Володя прошел через все это, но прошло шесть долгих лет.

Когда диагноз был отменен, дело пошло в суд для рассмотрения за преступление, совершенное психически здоровым человеком. И суд, знавший, сколько уже лет находится в заключении подсудимый, дал ему максимум, предусмотренный соответствующей статьей (4 года), и освободил из зала суда. Два года, выходит, пересидел за отказ "помочь следствию".

Очень страшна психиатричка психически здоровому человеку тем, что его помещают в среду людей с деформированной психикой. Но не менее страшны полное бесправие и бесперспективность.

У больного" СПБ нет даже тех мизерных прав, которые имеются у заключенных. У него вообще нет никаких прав. Врачи могут делать с ним все, что угодно, и никто не вмешается, никто не защитит, никакие его жалобы или жалобы тех, кто с ним находится, из больницы никуда не уйдут. У него остается лишь одна надежда - на честность врачей.

Мне мой лечащий врач так и сказал, когда я при первой

нашей беседе нарисовал ему картину моего полного бесправия, полной незащищенности. Глядя на меня честным, открытым взглядом, он спросил: "А честность врачей вы ни во что не ставите?" Я ответил:

- Нет, на нее я только и рассчитываю! Если бы я перестал верить и в это, то мне пришлось бы искать только пути к самоубийству.

Мне никогда не пришлось раскаиваться в том, что я поверил в честность врачей, но я и сейчас продолжаю настаивать на том, на чем настаивал и тогда никуда не годна та система, при которой у тебя остается надежда только на честность врачей! А если врач попадется нечестный? Это не только не исключено, а сему имеются убедительные примеры, хотя бы в практике признания психически невменяемыми вполне здоровых людей. За это же говорит и логика. Если властям потребуется ухудшить положение здоровых "психов", они начнут изгонять из этой системы честных людей и набирать вместо них таких, кто ради денег и положения на все готов. Нельзя же думать, что среди врачей-психиатров такого добра меньше, чем среди других профессий.

Особо тяжко сознавать полную неопределенность времени, на какое человека определили в это положение. У врачей существуют какие-то минимальные нормы. Мне они неизвестны. Однако достоверно знаю, что совершивших убийство держат не менее пяти лет. Говорят, что политические в этом отношении приравнены к убийцам. Но их, если они не раскаиваются, могут не выписать и после этого.

Кстати, и честность врачей не поможет. Дело в том, что и в этом учреждении КГБ держит своих секретных агентов, и их донесения играют не менее важную роль, чем заключение врачей. Могут быть случаи, когда суд не утверждает решение о выписке из больницы, принятое медицинской комиссией, на том основании, что "срок лечения не соответствует тяжести совершенного преступления".

В общем, обстановка сумасшедшего дома, полное бесправие и отсутствие реальной перспективы выхода на свободу - вот те главные страшные факторы, с которыми столкнется каждый, кто попадет в СПБ. В этих условиях у людей с ранимой психикой может быстро начаться психическое заболевание, прежде всего подозрительность к врачам - боязнь того, что в отношении тебя умышленно проводится лечение, направленное на разрушение нормальной психики. Хуже всего, что в условиях отсутствия прав у больных и при полном отсутствии контроля со стороны общественности такое логически вполне допустимо.

В связи с этим общественности надо бороться за коренное изменение системы экспертизы и содержания больных в СПБ, за предоставление общественности действительной возможности контролировать состояние содержания и лечения больных в этих условиях. А пока это не достигнуто, тем, кто попадает туда, больше веры в лучшие стороны человеческой сущности врача. Надо верить ему и соответственно относиться - с доверием. Это будет только полезно. И потому полезнее, что подозрительность вообще никакой пользы принести не сможет. Уж если к вам решат применить незаконные методы лечения, то результат будет одним и тем же и для подозрительных, и для доверчивых. А может, для последних даже лучше.

ЗАПИСИ, ПЕРЕДАННЫЕ ИЗ ТЮРЬМЫ*

Краткая хроника

3 мая утром прибыл в аэропорт Ташкент. Билет был взят не на мое имя. С аэропорта приехал к сестре, но ее дома не оказалось, и я поехал к Ильясову, у которого и остановился. Сразу установил, что мой вызов сюда, якобы на суд в качестве общественного защитника, - провокационный. Решил сразу уехать. Ночью поднялась температура до 40°, обложило горло, появился астматический кашель, поднялось давление, начались сердечные перебои.

* 1969 г. - Ред.

4 мая днем хозяева заметили слежку за квартирой. "Пусть следят. Мы же не преступники", - сказал я. Но ташкентских друзей это обеспокоило.

Ночью с 5-го на 6-е на своей машине приехал один крымский татарин и предложил уехать с ним на другую, более безопасную квартиру. Я от переезда отказался. И потому, что болен, а главное, потому, что скрываться мне незачем. Но, учитывая тревогу друзей и свое болезненное состояние, решил уехать домой.

6 мая боролся за снижение температуры.

7 мая утром мне взяли авиабилет до Москвы, не на мою фамилию, а вечером за 2 часа до отлета на квартиру Ильясова пришли с обыском. Первым вбежал один из постоянных моих московских филёров и с радостью отметил: "А, Григорий Петрович!" - это как раз тот, что во время обыска 19.XI.68 г. у меня на квартире также перевирал мое имя и отчество. Его присутствие и тот факт, что постановление на обыск выписано именно на ту квартиру, где я находился, - а, собираясь уехать, в милиции не регистрировался, - указывает на то, что я все время находился под платным наблюдением. После обыска, ничего не давшего "искателям", меня арестовали, предъявив постановление

на арест по ст. 1914 УК УзССР (аналогичной ст. 1901 УК РСФСР).

8 мая подал заявление прокурору УзССР Рузметову, с копией прокурору СССР Руденко, в котором мотивировал просьбу об изменении меры пресечения. В тот же день, будучи вызван к следователю на допрос, заявил, что никаких показаний давать не буду, пока не будут созданы нормальные условия следствия.

15 мая предъявлено обвинение по ст. 1901 УК РСФСР. "Первый провал следствия, - отметил я про себя. - Рассчитывали изъять что-то во время обыска и обсчитались. А теперь юридический казус: "преступление" совершено в Москве, а узбекские органы правопорядка арестовывают "преступника"; не задерживают по просьбе Москвы для переправки, а сами предъявляют обвинение, приняв позу: "Нет у вас в Москве порядка. Преступники на глазах творят преступления. Вот мы возьмемся и наведем в Москве порядок". - Прямо-таки курам на смех.

26 мая. В связи с молчанием Рузметова (я получил пустую бюрократическую отписку за подписью зам. нач. следственного отдела Уз. прокуратуры Никифорова, даже без ссылки на решение прокурора), подаю жалобу Руденко.

30 мая подаю заявление Рузметову, с копией Руденко, в котором требую изменить меру пресечения или перенести следствие, по принадлежности, в Москву, а если в том и другом будет отказано, дать свидание с женой. Если ни одно из этих требований не будет удовлетворено, объявлю голодовку.

2 июня со мной ведется разговор по заявлению от 30/V. Возглавляет группу зам. нач. следственного отдела Никифоров. В группу входят прокурор по надзору Наумова и следователь Березовский. Я настаивал на изменении меры пресечения, т. к. скрываться не могу по характеру, известному всем, а главное, потому, что не считаю себя виновным. Я не написал ни одного анонимного письма, а что подписано мною - правдиво, и я это заинтересован доказать. Не могу я помешать следствию, т. к. все документы, написанные мною, в руках следствия. Что касается места ведения следствия, то УПК прямо указывает: по месту совершения преступления. Никифоров обещает доложить прокурору, который и поручил ему этот разговор. До получения прокурорского ответа, но не более установленного на ответ времени, я обещаю голодовку не начинать.

9 июня. Получен ответ за подписью Никифорова, в котором сообщается: 1) изменить меру пресечения нельзя, т. к. я могу помешать следствию; 2) предоставить свидание с женой не представляется возможным; 3) следствие в Узбекистане, потому что здесь большинство свидетелей.

11 июня посылаю заявление Рузметову, с копией Руденко, о том, что голодовку начинаю с 13. Руденко пишу просьбу о перенесении следствия в Москву и изменении меры пресечения. Показываю смехотворность мотивировки содержания под стражей и причин ведения следствия в Ташкенте (большинство свидетелей).

13 июня с утра отказался от пищи.

15 июня начали принудительное кормление. Сначала удивился, почему так быстро. Потом понял: решили сразу сломить. Пока упаковывали в "смирительную рубашку", били и душили. Потом началась мучительная процедура - вставление расширителя. Мучительность процедуры усиливалась тем, что два зуба оголены, без эмали. Мне их перед отъездом обточили под коронки, но надеть не успели.

16-19 июня - ежедневно процедура кормления. Сопротивляюсь, как могу. Меня снова бьют и душат, вывертывают руки, специально бьют по раненой ноге. Особенно жестоко издевались надо мной 17 июня - в день подписания документов Международного совещания коммунистических и рабочих партий в Москве. Ведущую роль в издевательствах надо мной играли "лефортовцы", специально для меня присланные из Москвы. После каждого "кормления" писал заявления с описанием зверств.

17 июня написал заявление, что дальнейшая голодовка будет в знак протеста против зверского обращения со мной.

18 июня написал, кого считать виновником моей смерти. После этих двух заявлений жестокости прекратились. Стали просто силой упаковывать в смирительную рубашку. Я сопротивлялся. Число наваливавшихся на меня с пяти в первый день возросло на 19 июня до 12 человек. Борьба продолжалась долго, и я обычно сваливался со страшными болями в сердце. Но я продолжал сопротивляться все настойчивее, надеясь, что сердце не выдержит. Измученный, я уже желал смерти, рассчитывая, что она поможет разоблачению произвола.

20 июня пришла в камеру прокурор по надзору Наумова и дала понять, что они, собственно, надеются на мою смерть и ждут ее. Меня как током ударило: "Зачем же я им помогаю? Зачем иду навстречу их желаниям?" Когда она ушла, мне совсем в новом свете представилось высказывание в беседе со мной, перед началом моей голодовки, начальника изолятора майора Лысенко В. М.: "Вы не думайте, что вы заработаете громкие похороны. Нет, их не будет - таких, как у Костерина. И тело ваше родственникам не выдадим. Они даже не узнают точную дату смерти. Им сообщат, может, через три дня, а, может, через три месяца, а, может, и через полгода. И точного места вашего захоронения не

укажут".

Обдумав все это, я заколебался в своем решении "держать курс на смерть".

24 июня получил сообщение от Березовского, что в связи с моим арестом семья лишена пенсии. Поняв эту информацию как усиление моральной пытки, я, озлобившись на палачей, принял решение.

25 июня послал заявление Руденко с просьбой (еще раз) изменить меру пресечения, т. к. арест повлек за собой лишение пенсии, следовательно, старая, больная жена и сын - инвалид с детства - остались без средств к существованию.

27 июня вечером сделал заявление, что с завтрашнего дня голодовку снимаю.

2 июля написал Руденко еще одно письмо, в котором на опыте истекшего времени еще раз показал, сколь незаконно ведение следства в Узбекистане. До этого, 26 июня я пожаловался ему, что узбекские законоблюстители не изволят отвечать на заявления. В связи с этим я прекращаю им писать.

3 июля написал Косыгину обо всех жестокостях и беззакониях против меня и спросил, чем вызвано перенесение этих гонений на семью. Их наказали более жестоко, чем меня, оставив без средств на хлеб. Просил решить вопрос о пенсии старой, больной жене и сыну - инвалиду с детства.

6 августа. Объявлено постановление о назначении амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы. Написал заявление, чтобы от меня включили докторов Клепикову, Мисюрова, Ильясова.

11 августа ознакомился с постановлением об отказе включить моих представителей в состав экспертной комиссии.

18 августа. Судебно-психиатрическая экспертиза. Состав: доктор наук Детенгоф, Каган, Смирнова.

27 августа. Ознакомлен с актом экспертизы: признан вменяемым.

28 августа. Сделал заявление, что в целях ускорения следствия буду давать показания.

С 28 августа по октябрь. Вызывали на допрос 8 раз. По сути был задан один вопрос, правда, к разным документам: "Не вами ли составлен этот документ, не на вашей ли машинке напечатан, и распространяли ли вы этот документ?" Были, правда, вопросы, касающиеся других лиц, но это я сразу отбивал, заявляя, что на любые вопросы, касающиеся меня, отвечаю, о действиях других молчу. Следователю после нескольких неудавшихся попыток пришлось принять это мое заявление к руководству. Я обратил внимание, что интереса к допросам у следователя нет. На

допросы приходит неподготовленный, по нескольку раз хватается за одни и те же документы. Из этого я сделал вывод, что мне надо ждать еще одной психоэкспертизы. Срок подходил к концу, а дело явно неподготовленное. Или, может, собираются продлить срок до 9 месяцев, затем и больше, чтобы просто держать в тюрьме? В общем, мучительные сомнения человека, полностью изолированного, которому не дают ни свидания, ни переписки с родными (просил не раз), и даже не отвечают на жалобы и заявления.

В октябре следователь не приглашал ни разу.

21 октября вдруг вывезли самолетом в Москву, в Институт им. Сербского. Там продолжал сидеть и после комиссии. Не говорят о заключении и не увозят.

4 декабря поднимаю вопрос, что у меня еще 6 ноября кончилась санкция на арест. Поднимается паника. В тот же день везут в Домодедово на самолет.

5 декабря я снова в изоляторе следственного отдела КГБ УзССР. Здесь тоже заявляю, что без предъявления мне санкции на продление в камеру меня доставят только силой. Находят санкцию, данную еще 21 октября зам. ген. прокурора сроком по 31 декабря. И вот я снова в той же камере, где находился во время голодовки. И снова у камеры лефортовская охрана.

Некоторые аналитические выводы по Хронике

1. Физическое воздействие во время так называемого "кормления" - не единственный способ физической пытки. Применяли ко мне и другие, более изощренные, но и более замаскированные способы, имеющие ту же цель: лишить меня здоровья.

2. Главное, однако, заключается не в физическом воздействии, а в моральном. Ниже привожу основные приемы подрыва морально-психического состояния.

- Незаконный арест в Узбекистане, служащий изоляции меня трехтысячекилометровым расстоянием от родных и друзей, одновременно явился сильным морально-психическим ударом: "Понимай, мол, законы для нас не писаны. Что хотим, то с тобой и сотворим".

- Заключение в подвалах КГБ, хотя по данной статье положено содержать в тюрьме. Таким образом ухудшены условия содержания и питания. Последнее ухудшено не менее, чем втрое по калорийности и, особенно, витаминозности.

- Двойная охрана: общая для всего изолятора и персональная, из лефортовских надзирателей, непосредственно у моей камеры.

- Режим полного беззакония, даже в мелочах. Меня, например, лишили возможности пользоваться УК и УПК. Ни на

одно свое заявление, жалобу, адресованные Рузметову, Руденко (их было 15), ответа не получил. Начиная с октября, перестал отвечать и следователь Березовский. С семьей меня лишили какой бы то ни было связи. В 1964 году я был арестован по ст. 70, и все же следователь информировал меня о семье почти ежедневно. Письмо жены я получил через 2 недели. Первое свидание мне дали через 5 дней после судебно-психиатрической экспертизы. Сейчас мне от жены не передали ни одной даже простой записки о здоровье. 16 декабря в день нашего рождения (у нас день рождения в один день) жена, напрягаясь материально и физически, приехала за 3 тыс. километров, и ей отказали даже в пятиминутном свидании. После экспертизы в ин-те Сербского я пробыл в Москве 15 дней, но свидания тоже не получил. Еженедельные передачи, получаемые всеми находящимися на экспертизе, мне были запрещены. Заключение ташкентской экспертизы мне объявили только через 9 дней. Заведомо зная, как я жду решения, тянули, мучили. На вторую экспертизу привезли без постановления, опять по той же тактике - "что хотим, то и творим". Заключение второй экспертизы вообще не объявили, а на каждом шагу подчеркивают: "ты сумасшедший".

Готовя меня в "сумасшедшие", Березовский распространял клеветнические сведения обо мне. Случайно я узнал о таких сообщениях следователю КГБ Обушаеву и следователю Узб. прокуратуры Рутковскому. Прибегал Березовский и к прямой провокации: 25 сентября, когда Березовский, не подготовив вопроса для меня, рылся в бумагах, у нас с Обушаевым завязалась частная дискуссия. Вдруг Березовский, перебивая Обушаева, на самых высоких нотах закричал: "Что ты ему доказываешь? Ведь он готов на любом суку повесить нас с тобой!" С криком он долго варьирует это утверждение, ясно рассчитывая на мою вспышку. Но я переждал, пока он кончит, и спокойно сказал: "Могу ответить на это только несколько перефразированными словами Лидии Чуковской: "Вы, может, и заслужили повешения, но наш народ не заслужил, чтобы его продолжали кормить повешениями". Уважая наш народ, вешать вас отказываюсь".

Мне очевидно, что вся обстановка создана для того, чтобы внушить чувство безвыходности, безнадежности, отчаяния. Сказанное начальником изолятора о последствиях моей смерти преследовало ту же цель, так как подчеркивало: "Ты в полной нашей власти, и не только теперь, но и после смерти". И не удивительно, что в такой обстановке идут на смерть. Меня от смерти спас случай.

Только теперь я по-настоящему понял, в чем был особый ужас положения тех несчастных, которые миллионами гибли в

застенках сталинского режима. Не физические страдания, - их можно перенести. Но людей лишали каких бы то ни было надежд, убеждали их во всевластии произвола, в безвыходности. И это непереносимо.

3. Весь ход следствия по моему делу указывает, искали не доказательств совершения преступления, а способ, как обойти законы, чтобы меня можно было бросить в заключение как бы на законном основании. А чтобы я каким-нибудь образом не помешал этому, то искали пути, следуя которым можно было бы не допускать меня к ознакомлению с делом. В общем, наказание за убеждения посредством ложных обвинений, изоляции, а затем пожизненной тюремной психбольницы.

П. Г. Григоренко

Вторая экспертиза

21 октября перед ужином вдруг открывается дверь моей камеры (No 11) в Ташкентском следственном изоляторе КГБ. Входит начальник изолятора майор Лысенко Виктор Моисеевич. За ним дежурный старшина и еще двое надзирателей.

- Петр Григорович, вам ничего не снилось?

Пожимаю плечами.

- Так вот, вас приказано отправить в Москву. Не спеша одевайтесь, соберите свои вещи. Что у вас сдано на склад?

Отвечаю. Все уходят. Начинаю одеваться. Минут через 20 я уже с вещами в дежурке. Туда же доставлены вещи из кладовой. Все упаковывается вместе для отправки со мной. Из этого заключаю, что отправляют меня "насовсем". Если бы на время, да еще в ин-т Сербского, то брать вещи из склада было бы бессмысленно. Ведь в институте отбирают даже надетое на тебе.

Короткая процедура передачи меня караулу - четверо во главе с майором Малышевым - и я в "воронке", а затем и в самолете. Настроение хорошее. Что бы меня ни ожидало, перебросить меня в Москву - это уже отступление беззакония. А видеть произвол отступающим всегда приятно, даже и в моем положении.

Первый конфликт на аэродроме в Домодедове. Несмотря на то, что нас втречают два тюремных микроавтобуса - один для меня и "моего" караула, второй с дополнительной, московской охраной, мне предлагают залезть в бокс - в клетушку, в которой при моем росте можно сидеть только скрючившись и плотно прижавшись спиной и боками к железной обшивке. А на улице уже холодно и железо основательно остыло. На мне даже нет легкого осеннего пальто. Мои "опекуны" об этом не подумали вовремя, и я еду в легком летнем костюме. Первая и, я думаю, вполне естественная реакция - отказаться от столь

"комфортабельного купе". Небольшая заминка. Встречающие меня, натолкнувшись на мой решительный протест, растерялись. У них ведь нет другого выхода, кроме как затолкать меня в этот "бокс". Но ведь мы на аэродроме - кругом народ. Значит, не избежать шума. Это понимают и они, и я. Им шум невыгоден, нежелателен. А мне?!

Они вряд ли поняли, почему я, только что решительно заявивший, что не поеду в "боксе", вдруг молча полез в него, без какого бы то ни было вмешательства с их стороны. Для них это полная неожиданность. Они не сомневались, что я, затевая скандал, хочу привлечь внимание окружающих. И это был бы с моей стороны разумный, справедливый шаг. Но я вовремя вспомнил, что меня, вполне вероятно, везут в Институт им. Сербского. А там скорее всего заинтересованы в получении поводов для признания меня психически невменяемым. Скандал на аэродроме вполне может послужить таким поводом. Я решил такого повода не давать.

Поездка была до крайности мучительной. К неудобному положению и холоду, о чем я уже говорил, добавились выхлопные газы, которые каким-то образом пробивались в мой "бокс". В результате я прибыл в Лефортовскую тюрьму в полубессознательном состоянии. По прибытии - обычный обыск, сдача вещей на склад, получение постельных принадлежностей. До камеры (No 46) добрался лишь около часу ночи (4 часа по Ташкенту). Несмотря на это, подняли меня, как всех, в 6 утра.

После завтрака снова сборы, сдача казенного, ведут из камеры, обыск. Зачем все это, - никто не говорит. Но по тому, как смотрят на меня надзиратели, твердо решаю: "Сербский". Сомнение внес начальник тюрьмы полковник Петренко, который изволил лично проводить меня. На вопрос "Куда меня отправляете?" он без запинки ответил: "В прокуратуру. Там хотят с вами поговорить. И я от души желаю, чтобы вы сюда не вернулись"... "Вы меня поняли?" - спросил он, когда я уже садился в "воронок". Я ничего не ответил, но в голове мелькнула радостная мысль: "Неужели прекращено дело?"

Но мысль эта продержалась недолго. Несмотря на то, что путь наш был виден мне только позади машины и в чрезвычайно узком секторе, я, хорошо зная Москву, быстро обнаружил, что направляемся не в сторону прокуратуры. Когда же промелькнули площади Маяковского, Восстания, Смоленка, сомнений не осталось "Сербский".

В этом для меня, собственно, ничего нового не было. Я давно потерял веру в разум творцов произвола. Поэтому я и не надеялся на прекращение дела. Знал я и то, что любой преступник боится

гласности. А суд - гласность. Значит, и на суд меня не пустят. Значит, остается одно - признать меня сумасшедшим. В Ташкенте с этим произошла ошибка. Березовский, - самовлюбленный кретин, - всерьез поверил, что сможет создать дело против меня. Поэтому он не мог понять всё значение психиатрической экспертизы и не озаботился подбором такого ее состава, который обеспечивал бы безотказное признание меня невменяемым. В результате создалось положение, потребовавшее вмешательства Москвы.

Я ждал этого вмешательства с тех пор, как прочитал заключение ташкентской психэкспертизы (18/VII). Убеждало меня в этом и поведение Березовского. Видимо, получив нагоняй от начальства, он скис после экспертизы и утратил всякий интерес к моему делу. Поэтому я все время ждал второй экспертизы и знал, что на этот раз рисковать не станут и направят меня в то учреждение, которое для этого и существует, чтобы превращать неугодных КГБ людей, которые преступлений не совершали и являются психически нормальными, в "опасных для общества невменяемых". Подчеркиваю: я знал это. Но кто не надеется где-то в тайниках души на лучший исход! Для меня лучшим исходом был бы суд или прекращение дела. Слова начальника Лефортовской тюрьмы пробудили надежду на последнее. Очень быстро я понял, что сказанное им - ложь. При этом ложь подлая, направленная на то, чтобы созданием временной иллюзии сделать реальность еще более тяжелой.

Естественно поэтому, я выходил из машины озлобленным на тюремщиков всех рангов и специальностей и отказался разговаривать и с майором, возглавляющим лефортовский караул, и с дежурным офицером охраны института, и с принимавшим меня врачом Майей Михайловной. Так началась моя вторая экспедиция в Институт им. Сербского. Ничего хорошего я от нее не ожидал. И первые шаги показали, что самые худшие мои опасения имеют под собой основание.

Меня, что называется "с ходу", загнали в одиночку, закрыли на замок и к двери приставили специальную охрану, которая не пропускала сюда никого из "политиков". Чтобы суть сказанного могли понять и те, кто никогда не был в отделении, где оказался я (в 4-ом), мне придется дать краткое описание планировки отделения.

Если входить в 4 отделение с лестничной клетки, ведущей к прогулочным дворикам, то вы окажетесь в одном из торцов широкого длинного коридора, упирающегося вторым торцом в дверь комнаты дежурной сестры. Из этой комнаты есть и второй выход - к кабинетам врачей и на другую лестничную клетку. По

обеим сторонам коридора - палаты уголовников, или, как их здесь называют, "бытовиков", процедурная, ванная, уборная. Последняя дверь слева, - в самом конце коридора, - ведет в отсек для политических, т. е. обвиняемых по статьям о государственных преступлениях. Открыв эту дверь, попадаем в небольшую прихожую. Прямо напротив, через прихожую, вход в палату на 4 койки, через эту палату проходим в другую - на 3 койки. Слева от двери из коридора микроскопическая уборная с раковиной для умывания, вправо - сама прихожая. В конце нее (слева) дверь в еще одну небольшую палату. Вот в нее-то меня и поместили. Предъявленная мне статья не входит в главу "Государственные преступления". Поэтому обвиняемые по этой статье проходят экспертизу в палате для "бытовиков". Меня поместили в отсек для политических, но изолировали от них. В отделении я был единственным человеком, который находился на камерном режиме. Все остальные общались между собой свободно: бытовики с бытовиками, политические с политическими. Не допускается только общение между бытовиками и политическими. Меня не допускали ни к тем, ни к другим. Вскоре мне стало известно, что я, кроме того, нахожусь на положении поручика Киже. Все в отделении - и бытовики и политические - жили под своими фамилиями. Мою же фамилию знали только врачи. Сестрам и остальному персоналу сообщили только мое имя и отчество.

Все это, естественно, не могло не насторожить. Но я твердо решил не давать поводов для психиатрических прицепок и вел себя спокойно. Однако на каждом обходе задавал вопрос: долго ли меня еще будут держать в строгой изоляции, и чем таковая вызвана? Ответы приводить не буду. Они совершенно несуразные и лживее один другого. Не скрывал, что не верю сказанному, но и не спорил. Обычно я спокойно говорил: "Ну и считайте, что я поверил". На восьмой день мою палату, наконец, открыли; что к этому понудило - сказать трудно. Или не получили от изоляции результатов, на которые рассчитывали, или уже нечем было объяснить особенность моего положения и, в частности, тот факт что я оказался лишенным прогулок, или же были получены новые указания по режиму моего содержания. Так или иначе, но я, наконец, смог познакомиться с политиками. Правда, поговорить с ними пока не было никакой возможности. Санитарки, видимо, специально проинструктированные, настойчиво мешали нашему общению. Когда же я, наконец, смог познакомиться с этими людьми поосновательнее, то понял, что контингент подобрали специально для меня. Кстати, заканчивалась эта операция в дни моей изоляции. Подобрали, видимо, с таким расчетом, чтобы

впоследствии можно было сказать: "Вот видели, кто выступает против нынешних порядков?" Но это - тема особая. Если судьба сохранит меня, надеюсь рассказать о тех, с кем я столкнулся в этот период. И полагаю, что выводы из этих рассказов, будут диаметрально противоположные тем, которых хотели добиться, подобрав такой контингент.

За время моего пребывания в изоляции никаких медицинских обследований не было, если не считать обычных анализов крови и мочи. Правда, один раз пригласила меня на беседу Майя Михайловна. Но беседы не получилось. Все закончилось моим заявлением о том, что я не желаю, чтобы мои ответы на вопросы врача излагались в его вольной записи. "Я могу вести любую беседу, - сказал я, - но лишь с тем условием, что содержание моих ответов будет записано мной лично". В необходимости этого меня убедил прошлый опыт.

Наблюдавшая за мной в 1964 году врач - Маргарита Феликсовна - записывала мои ответы невероятно извращенно. И делала это не только потому, что ей страшно хотелось представить меня невменяемым, но и в виду своей полной политической неграмотности и обывательской психологии. Последнее, пожалуй, было самым главным, что мешало ей понять меня правильно. Был, например, с ее стороны такой вопрос: "Петр Григорьевич, вы получали в академии около 800 рублей. Что же вас толкнуло на ваши антигосударственные действия? Чего вам не хватало?" Я взглянул на нее и понял, что любой ответ бесполезен, что для нее человек, идущий на материальные жертвы, невменяем, какими бы высокими побуждениями он ни руководствовался при этом. Поэтому я ответил кратко:

- Вам этого не понять. Мне дышать было нечем. - И надо было видеть, как радостно блеснули ее глаза, как быстро чиркнула она в блокноте мой ответ, вероятно, свидетельствующий, по ее мнению, о том, что перед ней - сумасшедший маньяк.

Так было в 1964 году. И поскольку у меня не имелось оснований рассчитывать на то, что за истекшие годы в политическом и моральном облике психиатров Института им. Сербского произошли изменения к лучшему, я счел за благо для себя не давать им права производить вольную запись моих ответов на их вопросы.

Кончилась изоляция - начались и обследования. В первый же день после открытия палаты я был приглашен на беседу с зав. отделением профессором Лунцем Д. Р. Присутствовала и Майя Михайловна. Содержание беседы излагать не буду. Во-первых, потому, что после ее окончания, я, согласно достигнутой с Лунцем договоренности, письменно изложил содержание

сказанного мною. Следовательно, эта запись должна быть в деле и при надобности сможет говорить сама за себя. Во-вторых, беседа по своему содержанию аналогична излагаемой ниже беседе с председателем экспертной комиссии. Единственное из этой беседы, что я не осветил в письме Лунцу и о чем не было разговора с председателем, - это вопрос о причинах беззаконных правительственных репрессий, обрушенных на меня в 1964 году и в последующие годы. Я сказал Лунцу, что я могу объяснить это только тем, что Институт им. Сербского дал на меня два заключения. Одно, признающее меня невменяемым, - для суда, другое - для правительства. В последнем, полагаю, указывалось, что невменяемость мне дали из гуманистических соображений, учитывая мои заслуги, возраст и здоровье. Фактически я же вменяем. Второе заключение, - сказал я, - могло быть и устным. Лунц горячо доказывал, что я ошибаюсь, что институт дал только одно заключение - для суда. Когда он закончил свои уверения, я спросил: "А чем же вы объясняете тот факт, что психически невменяемого человека лишили заслуженной пенсии и подвергли другим исключительным по своей жестокости гонениям? Ведь на такой поступок могли пойти только люди, которые сами с травмированной психикой. Но мне не хочется думать, что нами правят бешеные люди, и потому я настаиваю: у правительства имелось иное, чем у суда, заключение. Вы со мной не согласны?" Но он только угрюмо проворчал: "Никакого другого заключения институт не давал".

Беседа с Лунцем мне досталась очень дорого. Еще в день приезда в институт я почувствовал неизвестную мне до этого боль в затылочной области. В тот же день я заявил об этом. Мне сказали: "Завтра принимает терапевт, и мы покажем ей вас". Но почему-то не показали. А так как терапевт принимает один раз в неделю, то я должен был продолжать привыкать к непривычной для меня боли. Первое напряжение, вызванное беседой с Лунцем, доконало меня. Боль в затылке стала невыносимой, и я свалился. Ночная сестра, измерив мое давление, сделала укол магнезии, и мне удалось уснуть. Днем боль снова усилилась, и меня стало тошнить. В этот день (30 октября) меня, наконец, осмотрел терапевт. Было назначено лечение. Через пару дней боль стала меньше, и обследование продолжалось.

Серьезным обследованием, наряду с беседой Лунца, здесь считают психологическое. Проводил это обследование очень сдобный и рыхлый мужчина, примерно моих лет. Майя Михайловна, присутствовавшая при этом, называла его профессором. Присутствовала и еще

одна женщина, - видимо, ассистент, - которая безотрывно

строчила в свой блокнот. Беседа с этим профессором была глупейшей по содержанию. Подобная беседа, возможно, и нужна, когда имеешь дело с кретином или выжившим из ума, впавшим в старческий маразм человеком. Но в данном случае не надо было большого ума, чтобы сразу понять неуместность такой беседы. Профессор, несомненно, понял это и все время держался и чувствовал себя смущенно. Я смущался, пожалуй, не меньше. Еще по прошлой экспертизе я знал, в чем суть психологического обследования, и я хотел отказаться от него. Но та же мысль не давать повода для прицепок - погнала меня и на эту беседу. Мне было страшно неловко, особенно за профессора. Я не буду пересказывать весь наш разговор, но чтобы не знакомые с таким обследованием люди могли получить хоть поверхностное представление о нем, приведу два вопроса психолога, которые я считаю самыми умными из всех заданных мне.

1. Мне было предложено последовательно вычитать из двухсот - семнадцать, называя после каждого вычитания вслух остаток. Я проделал это, но когда дошел до последнего остатка (13), мне показалось, что это неверно, и я сказал:

- Я кажется ошибся где-то.

- А проверить можно? - спросил профессор.

- Да, конечно, - ответил я. И тут же поделив 200 на 17, убедился, что конечный результат последовательного вычитания правилен.

2. Мне показали рисунок, видимо, из "Крокодила": стол, за которым сидят с одной стороны женщина, а напротив нее мужчина, оба смотрят на мужчину, стоящего у председательского кресла, в поднятой руке которого курортная путевка. Под рисунком подпись: "Кому четвертую?" Профессор спросил, в чем суть вопроса. Чтобы не обижать читателей, своего ответа на этот вопрос приводить не буду. Отмечу лишь, что отвечал серьезно, как ученик на уроке в школе. После этого меня дважды вызывала Майя Михайловна; о чем она хотела поговорить со мной во время первого вызова, не знаю, т. к. ее пригласил к себе Лунц, когда она еще не закончила словесной разминки. Меня отправили в отделение. Во время второго вызова она сообщила мне о предстоящей комиссии. На этом мои предварительные встречи с врачами и закончились, если не считать врачебных обходов, проводившихся дважды в неделю. На всех обходах задавали один и тот же вопрос: "Как себя чувствуете?" Ответ был под стать вопросу: "Как обычно". На этом мы и расставались.

Кроме бесед с врачами и упомянутых выше лабораторных анализов, были проведены следующие инструментальные обследования: рентген грудной клетки, рентгеновский снимок

позвоночника (по моей жалобе) - на предмет обнаружения отложения солей - и энцефалограмма (дважды). Причем, второй раз съемка продолжалась свыше часа (обычно на это уходит не более 15 минут). Прекратили лишь после того, как я заявил, что больше терпеть не могу. Мне и действительно было невтерпеж. Образовались глубокие вмятины от зажимов на моем безволосом черепе, и началась сильная головная боль от этого. Мои ноги сантиметров на 20 выходили за габариты лежака и, свисая с него, сильно затекали.

Таким образом, за 28 дней т. н. клинического обследования, т. е. со дня моего прибытия в институт (22 октября) и до дня заседания комиссии (19 ноября), в руках последней, дополнительно к тому, что имела ташкентская комиссия, сказалась только моя последняя энцефалограмма (у ташкентской имелась энцефалограмма 1964 года). Стоит ли из-за этого доставлять в Москву 5 человек? Или права ташкентская комиссия, записавшая в своем заключении, что стационарная экспертиза не только ничего не даст нового, но даже может деформировать картину в связи с болезненным реагированием обвиняемого на обследование его в условиях психиатрического судебно-экспертного учреждения? У меня нет никаких сомнений, что у московской комиссии не было никаких данных, каких не имела бы ташкентская комиссия. Тем важнее для меня возможно более точно осветить ход заседания судебно-психиатрической экспертной комиссии в Институте им. Сербского.

Большая комната, плотно заставленная канцелярскими столами. Один из них посреди комнаты. За ним сидят четверо. На председательском месте - довольно молодо выглядевший, упитанный шатен со слегка вьющимися волосами. Это, как я узнал впоследствии, директор Института судебной психиатрии им. Сербского член-корреспондент АМН* СССР Морозов. Слева от него - Лунц, справа - человек в коричневом костюме, единственный в комнате без халата. Поэтому я его с ходу окрестил ЧБХ (человек без халата). Напротив председательствующего - Майя Михайловна. Мне показывают место в стороне от стола - вблизи председателя. Сажусь. Осматриваюсь.

* Академия медицинских наук. - Ред.

- Что, много знакомых?

- Да. Но из старых - только Даниил Романыч и врач, что сидит вон там у окна. С ним встречался в Ленинграде, когда в 1964 году решался вопрос о моей выписке из ЛСПБ.** Остальные, - указываю я на врачей 4-го отделения, нынешние знакомые.

** Ленинградская спецпсихбольница. - Ред.

Я понял, что за центральным столом - комиссия, остальные присутствуют, учатся. Они расположились за столами, стоящими у стен в такой последовательности, если перечислять от левой руки председательствующего: Зинаида Гавриловна, Яков Лазаревич, мой ленинградский знакомый, Любовь Осиповна и у самой двери Альберт Александрович. На его обязанности лежит доставка экспертных. Во всяком случае, меня он привел на комиссию и проводит в отделение. Обращаю внимание на то, что по фамилии я назвал только Лунца. Это особенность порядков данного учреждения. По закону мне были обязаны назвать всех экспертов, и я даже имею право отводить одних и ходатайствовать о включении других. В Ташкенте так и было. Здесь сидят жрецы, которые священнодействуют, и ты, ничтожный, не имеешь даже права знать, кто они. Но возвратимся к комиссии. Разговор начинает председательствующий:

- Ну, как себя чувствуете?

- Не знаю, что вам ответить. Вероятно так, как чувствовал бы себя подопытный кролик, если бы мог осознать свое положение.

- Нет, я не об этом. Мне хотелось бы знать, есть ли разница в самочувствии по сравнению с экспертизой у нас в 1964 году.

- Есть.

- В чем?

- Видите ли, тогда для меня такой прием следствия, как превращение обвиняемого в сумасшедшего, оказался совершенно неожиданным. Я был буквально потрясен этим открытием и на персонал института смотрел как на специально подобранных закоренелых преступников. Я считал, что меня привезли сюда для того, чтобы "оформить" заключение в сумасшедший дом до конца дней моих. Поэтому ко всем здешним работникам я относился с ненавистью, в силу чего был предельно возбужден, раздражителен, не хотел считаться ни с какими здешними правилами, много времени уделял политическому просвещению окружающих меня экспертных. Всем этим, я, видимо, производил странное впечатление на окружающих и тем мог дать какой-то повод для признания меня невменяемым.

- Даниил Романович говорил мне, будто в беседе с ними вы сказали, что происходившее тогда представлялось вам, как в тумане.

- Да я и сейчас по сути говорю то же самое. Мое открытие меня тогда так потрясло, что я и сейчас воспринимаю происходившее в то время, как кошмар, ужасный кошмар.

- А теперь?

- Теперь положение иное. Во-первых, психиатрическая экспертиза сейчас для меня - не неожиданность. Во-вторых, после

того я узнал много высокопорядочных психиатров и помню, что даже в тех случаях, когда имеешь дело с преступным учреждением, нельзя забывать, что там тоже работают люди, и среди них могут быть очень порядочные, и я решил во всех своих общениях с людьми ориентироваться именно на порядочных. Поэтому сейчас я совершенно спокоен и вижу вокруг не просто врачей, а людей. Надеюсь, что и эксперты постараются увидеть во мне человека (я ему улыбнулся).

- Да, но все, что вы говорите, связано с событиями самой экспертизы, а ведь были действия, которые заставили и без врачей усомниться в вашей вменяемости?

- Я таких действий за собой не знаю.

- А вот в протоколе комиссии, определившей возможность прекращения вашего содержания в ЛСПБ, указано, что вы признали свои действия ошибочными.

- А я это и сейчас признаю.

- Ну, а как увязать одно с другим?

- Очень просто. Не всякая совершенная человеком ошибка есть результат нарушения его психики. Мои ошибки явились следствием моего неправильного политического развития - слишком грубо прямолинийного, большевистско-ленинского воспитания. Я привык считать, что правильно только, как Ленин учил. Поэтому, когда я столкнулся с расхождением между тем, что написано Лениным, и тем, что делается в жизни, я увидел из этого только один выход: назад к Ленину. Но это была ошибка. В нашей жизни произошли необратимые изменения, и никто не в силах вернуть жизнь не только что к 1924-му, но даже к 1953-му году. Дальнейшие шаги можно совершать, лишь отталкиваясь от сегодняшнего дня, используя ленинское теоретическое наследие творчески, с учетом всего накопившегося опыта. Этого я тогда не понимал, и в этом была моя главная ошибка. О ней я прежде всего думал, когда признал ошибочность своих действий. Суть своих ошибок я там не раскрывал. Да этого от меня и не требовали. Поэтому оставалось невыясненным тогда и то обстоятельство, что ошибки мои не относятся к числу тех, кои исправляются вмешательством психиатров.

- А чем же объяснить, что после вмешательства психиатров вы год или полтора вели себя как положено, нормально, а затем снова принялись за старое?

- Психиатры не имет никакого отношения к моему, так называемому, "нормальному" поведению. Я думаю, вы под этим подразумеваете то, что я ничего не писал для распространения? (Председатель утвердительно кивает головой). Но не писал я в 1965 и в 1966 годах по двум, не зависящим ни от меня, ни от

психиатров причинам.

Первая. Не было времени. Я работал, добывая кусок хлеба для себя и своей семьи, грузчиком в двух магазинах. Получал за эту работу в общей сумме 132 рубля, т. е. почти столько, сколько платил подоходного налога с жалования, выплачивавшегося мне в Военной академии. Работа очень тяжелая. Рабочий день 12 часов, и выходных не было. Поэтому я изматывался страшно. Когда приходил домой, то сил хватало только, чтобы добраться до постели. Исхудал до того, что одежда висела на мне, как на вешалке.

Вторая. В эти первые полтора года я еще надеялся, что удастся добиться восстановления незаконно отобранной у меня, заслуженной пенсии. Если бы это удалось, мы сейчас не разговаривали бы с вами здесь, т. к. я еще в ЛСПБ наметил, что по освобождении сосредоточусь на написании истории Великой Отечественной войны. У меня, что называется, "душа горела" к этой работе. Но опыт показал, что незаконные репрессии не только не отменяются, но нагромождаются чем дальше, тем больше. Недопущение меня ни к какой работе с целью поставить в условия полуголодного существования, непрестанная оскорбительная и незаконная слежка продемонстрировали со всей наглядностью, что еще не приспело время для того, чтобы залезать в башню из слоновой кости для занятий "чистой наукой". До тех пор, пока в нашей стране произволу не поставлен надежный заслон, каждый честный человек обязан принять участие в создании такого заслона, чем бы это ему ни грозило. И я встал в ряды борцов против произвола.

Но вы ошибаетесь, когда говорите, что я принялся за старое. То, что мною делалось в последние 2 года, не имеет даже внешнего сходства со старым.

Тут меня прервал ЧБХ, бросив реплику-вопрос:

- В чем же разница? Только тактика другая, а суть одна и та же.

- Нет! И суть другая. Там - типично большевистское решение: создание строго законспирированной нелегальной организации и распространение нелегальных листовок. Здесь - никакой организации и никаких листовок, а открытые, смелые выступления против актов очевидного произвола, против лжи и лицемерия, против извращения истины. Там - призыв к свержению тогдашнего режима и к возвращению назад - к тому, на чем кончил Ленин. Здесь - призыв к ликвидации очевидных язв общества, борьба за строгое соблюдение существующих законов, за осуществление конституционных прав народа. Там - призыв к революции. Здесь - открытая борьба в рамках дозволенного

законом - за демократизацию нашей общественной жизни. Что же здесь общего в тактике и в существе? Конечно, если считать нормальным советским человеком только того, кто покорно склоняет выю перед любым произволом бюрократа, конечно, я "ненормальный". На такую покорность я не способен, как бы и сколько бы меня ни били.

Я говорил и говорю еще раз: в 1963-64 годах я совершил ошибки. Но для их исправления психиатры не требовались. Я начал понимать эти ошибки еще до ареста. В тюрьме много свободного времени, и я, внимательно проанализировав пройденный путь и еще раз перечитав всего Ленина, сам увидел, сколько грубейших ошибок я натворил. Но наличие таковых в моих действиях не может свидетельствовать о моей психической невменяемости. Больше всего ошибок делают именно нормальные люди. Притом особо активные, смелые, ищущие. В своих действиях последних лет я тоже вижу ошибки, но исправлять их опять-таки не психиатрам.

- А в чем ваши теперешние ошибки?

- Мне кажется, что это - не тема для сегодняшней беседы. Для делового анализа моих ошибок последнего времени нужны единомышленники. Мы с вами таковыми не являемся. А говорить об этом в форме раскаяния я не могу. Да если бы в чем и раскаивался, то, находясь под топором, каяться не стал бы. Считаю недостойным человека раскаиваться под угрозой наказания и смерти.

- Ну, спасибо, Петр Григорьевич, мне все ясно. У вас есть вопросы? обернулся он к человеку без халата.

Последний в течение всего нашего разговора сидел ко мне боком. При этом очень искусно отворачивал лицо свое в сторону и прикрывал его левой рукой. Меня почему-то очень заинтересовал этот человек, и я, ведя разговор с председателем, все время, пытался рассмотреть лицо ЧБХ. Но у меня как-то не получалось. Когда председатель обратился к нему и он заявил, что у него есть несколько вопросов, я обрадовался: "Наконец-то я увижу твое лицо". Но не тут-то было. И задавая вопросы, он сумел скрыть свое лицо. Низко склонившись над столом, он спрашивал, глядя на меня из-под левой руки. Получалось, что ты вроде бы видишь его лицо, но запечатлеть не можешь. Невольно у меня мелькнула мысль: "Да ведь он не ЧБХ, а ЧПЛ (человек, прячущий лицо)". Так я его лица и не рассмотрел, хотя потратил на это все время своего нахождения в комиссии. Увлекшись его лицом, я не заметил и других его примет: ни роста, ни комплекции, ни цвета волос. Только коричневый цвет костюма остался в моей памяти.

- Как вы представляете свою будущность? - задал свой первый

вопрос ЧБХ или, пожалуй, вернее ЧПЛ.

- Мне трудно ответить на этот вопрос. Сейчас я при всем желании не могу смотреть далее суда.

- А вам что, обязательно хочется попасть на суд?

- К сожалению, решение этого вопроса зависит не от меня. Я, разумеется, предпочел бы, чтобы дело было прекращено на стадии предварительного следствия. Но это, повторяю, зависит не от меня.

- Но ведь от суда может избавить и лечение.

- Мне не от чего лечиться. А симулировать, чтобы избавиться от ответственности, я не намерен. За содеянное готов отвечать полной мерой.

- Но если вас осудят, вы лишаетесь пенсии.

- Есть хорошая русская пословица: "Снявши голову, по волосам не плачут". Осудят или засадят в тюрьму, именуемую СПБ, я потеряю свободу прежде всего. А ее пенсией не заменишь. Что же мне тужить по ней. А потом, почему непременно осудят? Я себя виновным не считаю и попытаюсь доказать это суду.

- А что же вы, собираетесь защищаться, не считаясь ни с чем?

- Я не совсем понимаю, что означает ваше "не считаясь ни с чем". Я не собираюсь лгать и изворачиваться. Я буду искренне и честно говорить о своих действиях и мотивировать их. В общем, я буду считаться с истиной в таком виде, в каком она мне представляется. Но даже если мне не удастся доказать свою невиновность, то максимум, что я могу получить по инкриминируемой мне статье, - 3 года. А это значит, что к тому времени, когда приговор войдет в законную силу, мне останется досиживать около двух лет. Так называемое лечение займет не меньше. Но зато эти два года проведу не в крытой тюрьме, а в ИТЛ, трудясь на свежем воздухе и среди нормальных людей. Но мне ведь могут дать и меньше трех лет, а может, даже ссылку, - прецедент имеется, - в этом случае я и пенсии не лишусь. Наконец, не исключена возможность амнистии к 100-летию со дня рождения Ленина. Амнистия может коснуться и меня, если я буду осужденным. При "лечении" это же исключено. Сумасшедшего же не амнистируешь от его болезни.

На этом и закончилась моя вторая судебно-психиатрическая экспертиза в этом году и вторая встреча с Институтом судебной психиатрии им. Сербского. Я не знаю пока, каково заключение второй экспертизы. Когда узнаю, для меня окончательно прояснится, является ли именно Институт преступной организацией, оставшейся от проклятого прошлого, или и люди там подлые - под белым халатом скрываются опасные для человечества преступники.

П. Григоренко

Написано в Институте им. Сербского сразу же после экспертизы, в период между 20 и 25 ноября 1969 года.

Сравнение двух экспертиз

6 августа мне предъявляется постановление следователя о назначении психиатрической экспертизы. Ни одного допроса, и вдруг: "А не сумасшедший ли ты, братец?" Но не это должно привлечь главное внимание. Сейчас главное, что следователь на данное дело не видит ничего ненормального в моем поведении. Больше того, доказывая, что это постановление принято только потому, что меня в прошлом признавали невменяемым, он зачитал мне статью из УПК УзССР, согласно которой следователь вправе не объявлять такое постановление обвиняемому. И сказал: "Как видите, я лично считаю вас нормальным, но по закону это должны засвидетельствовать специалисты".

Тут же, в ответ на мою просьбу включить в состав экспертной комиссии еще трех известных мне психиатров, он сказал, что это нецелесообразно, т. к. перечисленные в его постановлении эксперты являются высококвалифицированными специалистами и вполне объективными людьми, уже изучают материалы, и включение новых поведет лишь к бесполезному затягиванию времени. Из последнего явствует, что подобранные следователем, без моего участия, эксперты к началу заседания (18 августа) имели не менее 10 дней на изучение материалов. Что же это за материалы?

1) Данные моего клинического обследования в Институте им. Сербского в 1964 г., включая психологическое обследование и энцефалограмму;

2) Материалы Ленинградской спецпсихобольницы;

3) Наблюдения психдиспансера Ленинградского района г. Москвы;

4) Наблюдения тюремной администрации и лабораторные анализы, выполненные тюремной клиникой;

5) Материалы моего следственного дела.

По-моему, вполне достаточно для объективного суждения.

Изучив все это, комиссия в составе заслуженого деятеля науки профессора Детенгофа Ф. Ф., главного психиатра Среднеазиатского военного округа полковника м/с* Кагана Е. Б. и двух врачей - судебных экспертов Смирновой и Славгородской - 18 августа обследовала меня. Длилось это обследование около трех часов. Со мной долго беседовали. Затем осматривали. В беседе очень активно участвовали все четверо. При осмотре каждый из них считал своим долгом лично проверить мои реакции. При этом что-то долго обсуждают, пользуясь латынью, и

даже спорят. Был случай, когда проф. Детенгоф что-то проконстатировал, осматривая меня. Сейчас же подошел Каган и, проделав то же, что делал и профессор, сказал: "Что вы, профессор! Ничего похожего". Подошли оба врача-женщины. Тоже проверили. Затем еще раз проверил Детенгоф, и все сходились, как мне показалось, на мнении Кагана.

* медицинской службы. - Ред.

Шел я на комиссию с предубеждением, будучи уверен, что моя невменяемость предрешена. Но атмосфера всего обследования была столь деловой, дружелюбной, что я как-то незаметно успокоился и поверил в возможность объективного заключения.

22 августа меня привезли совершенно неожиданно, без предварительного ознакомления с постановлением следователя о назначении повторной экспертизы, в Институт им. Сербского. Бросаются в глаза две явные несуразности.

1. Можно считать вполне естественным, если защита просит назначить вторую, и даже третью, четвертую экспертизу для своего подзащитного, совершившего тяжкое преступление, за которое грозит смертная казнь или максимальный срок заключения. Но зачем нужна вторая экспертиза следствию, если ему удалось собрать достаточные доказательства преступления, да еще при том условии, что обвиняемому грозит не более трех лет? Очевидно, что она ему нужна только в том случае, если сомнительно наличие состава преступления, а доказательства вообще шиты белыми нитками.

2. На каком основании следователь, не сомневавшийся во вменяемости обвиняемого до того, как он был направлен на судебно-психиатрическую экспертизу, после того, как последняя признала его полностью вменяемым, настолько усомнился в этом, что даже считает невозможным обосновать свое постановление об экспертизе? Не правильнее ли будет предположить, что следователь делает это, чтобы не получить отвода экспертов, заведомо зная, что у обвиняемого имеются для этого достаточно веские основания? Иными словами, следователь создает все условия, чтобы получить нужное ему заключение о моей психической невменяемости.

Теперь об экспертной комиссии Института им. Сербского. Эта комиссия имела в своем распоряжении, кроме материалов, имевшихся в ташкентской комиссии, еще одно психологическое обследование и еще одну энцефалограмму. Так ли уж это важно для суждения о вменяемости? Наконец, о заседании этой комиссии. После того, что я наблюдал в Ташкенте, происходившее в Институте им. Сербского можно рассматривать

лишь как издевательство над понятием "экспертиза". Никаких осмотров. Простой следовательский разговор, который ведет только один человек. Майя Михайловна строчит в своем блокноте, а два остальных члена комиссии пребывают в полудремотном состоянии. Даниил Романович так далеко витал своими мыслями, что председателю, когда он обращался к нему с вопросом, пришлось повторить этот вопрос. Тот, кто вел беседу, тоже по сути не слушал ответов. Общее впечатление такое: все уже решено, а происходящее есть только официальная часть "приложения руки" к уже готовому.

Таким образом, основной вывод, который можно сделать из сравнения двух экспертиз, сводится к следующему: обе комиссии располагали абсолютно одними и теми же данными; еще одна энцефалограмма, еще одно психологическое обследование и замена наблюдения квалифицированных и объективных надзирателей наблюдением малограмотных, да к тому же склочных и любящих посплетничать санитарок вряд ли могли обогатить вторую экспертизу. Следовательно, разница лишь в названии: первая называется лабораторной, вторая - клинической.

Но есть и другая разница - по существу: первая комиссия работала как медицинская и общалась со мной в течение почти трех часов, вторая - как следственная; видели меня члены этой комиссии в течение 20 минут и относились к разговорам председателя с полнейшим безразличием.

Как общее заключение, из этого следует: в Ташкенте внимательно изучили материалы, всесторонне обследовали меня и сделали всестороннее, обоснованное, объективное заключение; в Институте им. Сербского вообще обследования не было: принцип "защищать честь мундира" лежал в основе работы этой комиссии. Естественно поэтому, что она просто проштемпелевала свое заключение 1964 года, прикрыв эту штамповку видимостью обследования.

П. Григоренко